

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities



HUMANITARIAN ACCENT

№ 1

Scientific quarterly

Student research teams
at the Russian State University for the Humanities:
results and prospects of projects

Moscow 2020

ГУМАНИТАРНЫЙ АКЦЕНТ
№ 1

Ежеквартальный научный журнал

Студенческие научные проектные коллективы в РГГУ:
результаты и перспективы исследований

Москва 2020

Редакционный совет

А.Б. Безбородов, *д-р ист. наук, проф. (председатель)*

Н.И. Архипова, *д-р экон. наук, проф.*

Л.Н. Вдовиченко, *д-р социол. наук, проф.*

В.Д. Губин, *д-р филос. наук, проф.*

доктор Гудрун Ершов (Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия)

В.И. Заботкина, *д-р филол. наук, проф.*

Г.И. Зверева, *д-р ист. наук, проф., И.И. Исаев, канд. филол. наук, доц.*

В.А. Колотаев, *д-р филол. наук, проф., Н.Л. Лепе, канд. физ.-мат. наук, доц.*

А.П. Логунов, *д-р ист. наук, проф., Б.И. Медведев, канд. экон. наук, доц.*

С.Ю. Неклюдов, *д-р филол. наук, проф., О.В. Павленко, канд. ист. наук, доц.*

Н.В. Ростиславлева, *д-р ист. наук, проф., И.С. Смирнов, канд. филол. наук*

А.А. Столяров, *канд. ист. наук, доц., П.П. Шкаренков, д-р ист. наук, проф.*

Редакционная коллегия

Е.А. Долгова, *гл. ред., канд. ист. наук, доц., И.П. Азерникова, канд. ист. наук, доц.*

П.А. Алипов, *канд. ист. наук, доц., Ю.Г. Бит-Юнан, канд. филол. наук, доц.*

Н.А. Комочев, *канд. ист. наук, доц., Е.А. Косован, канд. ист. наук, доц.*

И.С. Курилович, *канд. филос. наук, с.н.с., С.С. Новосельский, Е.П. Охапкина*

Н.В. Петров, *канд. филол. наук, доц., Н.С. Петрова, канд. филол. наук, н.с.*

Л.А. Печищева, *канд. ист. наук, доц., Н.А. Филин, канд. ист. наук, доц.*

Л.С. Холкина, *канд. филол. наук, с.н.с.*

Ответственные за выпуск:

П.А. Алипов, *канд. ист. наук, доц.*

Е.А. Долгова, *канд. ист. наук, доц.*

В.Я. Малкина, *канд. филол. наук, доц.*

СОДЕРЖАНИЕ

Категория наблюдателя и проблемы визуального в литературе

<i>В.Я. Малкина</i> Предисловие	10
<i>А.С. Булатова</i> Наблюдатель в стихотворении Н. Заболоцкого «Лицо коня»	14
<i>И. Монхбат</i> Наблюдатель в монодраме Вадима Леванова «Смерть Фирса»	19
<i>Е.Ю. Леонова</i> Наблюдатель-ребенок в рассказах О. Кургузова	23

Советский научный эксперимент 1920-х гг.: фантастические идеи и социальная практика

<i>Е.А. Долгова</i> Предисловие	27
<i>В.В. Слискова</i> Естественнонаучные эксперименты 1920-х гг.: наука в поисках бессмертия	30
<i>Н.П. Железова</i> «Будемте умны и прекрасны!»: опыт (пере)воспитания беспризорников «Республики ШКИД»	35
<i>В.О. Неруш</i> «Северный рабфак» и коренные малочисленные народы Севера в 1920-е гг.: проект и его реализация	39

Проблемы интеллектуальной истории глазами молодых исследователей

<i>П.А. Алипов</i> Предисловие	45
<i>К.А. Медведев</i> К Босфору Восточному: движение России на Дальний Восток в российской общественной мысли (конец XIX – начало XX в.)	47
<i>М.С. Лебедев</i> Вторая мировая война в японском кинематографе (80-е гг. XX – начало XXI в.)	54

Конкурс студенческих научных проектов.
Немцы в социально-экономической
и культурной жизни Москвы XVIII – начала XXI в.

<i>З.Ю. Зубкова</i> Деятельность академика Г.Ф. Миллера в первые годы существования Московского университета	61
<i>Д.Д. Бедоева</i> Немецкие профессора в развитии университетского образования Российской империи в первой половине XIX в. (на примере Московского и Казанского университетов)	65
Статьи в номер	
<hr/>	
<i>Г.И. Несмеянов</i> Сакральное и идея революции Д.С. Мережковского	73
<i>П.В. Семин</i> Гражданская война в советском игровом кинематографе 1950–1960-х гг.	80
<i>А.М. Самойлова</i> «Нас вел за руку ветер»: восприятие политического музыкальным андеграундом СССР в воспоминаниях его представителей	86
<i>И.В. Брянцева</i> Роман С.Д. Фрая «Как творить историю» как вариант фантастического альтернативно-исторического художественного текста	91
Кафедра	
<hr/>	
<i>П.А. Алипов</i> Механизмы актуализации прошлого. Планы семинарских занятий. Методические рекомендации	99
Abstracts	105
Сведения об авторах	110

CONTENTS

The observer as a concept of poetics and the visual in literature

<i>Malkina Victoriya Ya.</i>	
Introduction	10
<i>Bulatova Anastasiya S.</i>	
The observer in Nikolay Zabolotsky's "The face of the horse"	14
<i>Monkhat Inga</i>	
The observer in the monodrama by Vadim Levanov "Death of Firs"	19
<i>Leonova Ekaterina Yu.</i>	
Child-Observer in the stories of Oleg Kurguzov	23

Soviet scientific experiment of the 1920s: fantastic ideas and social practice

<i>Dolgova Evgeniya A.</i>	
Introduction	27
<i>Sliskova Valeriya V.</i>	
Scientific experiments in the 1920s: in search for immortality	30
<i>Zhelezova Nataliya P.</i>	
"Let us be smart and glorious!": the experience of the rehabilitation and bringing-up homeless children of the "Republic of SKID"	35
<i>Nerush Varvara O.</i>	
"The Northern Rabfac" and the Indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East in the 1920s: the project and its implementation	39

Problems of intellectual history in the writings by young researchers

<i>Alipov Pavel A.</i>	
Introduction	45
<i>Medvedev Konstantin A.</i>	
To the Eastern Bosphorus: Russia's movement to the Far East in Russian public thought (at the turn of XIX–XX centuries)	47
<i>Lebedev Maxim S.</i>	
World War II in Japanese cinematography	54

Germans in the socio-economic and cultural life
of Moscow in the XVIII – early XXI century

Zubkova Zarina Yu.
Activity of the academician G.F. Miller
during the initial period of existence of the Moscow University 61

Bedoeva Diana D.
The role of German professors in the development
of Russian Empire's college education during the first half
of the XIX cent. (based on the Moscow
and Kazan Imperial Universities' experience) 65

Plots

Nesmeyanov Grigory I.
The Sacral and Merezhkovsky's idea of revolution 73

Semin Pavel V.
Russian civil war in soviet feature films of 50s and 60s 80

Samoylova Anastasiya M.
“The wind led us by the hand”: the perception
of the political by the musical underground in the USSR
on the material of its representatives' memoir 86

Bryantseva Irina V.
S.D. Fry's novel “Making history” as a model
of a fantastic alternative-historical novel 91

The Department

Alipov Pavel A.
Mechanisms of actualization of the past:
classroom discussion plans and methodological guidelines 99

От составителей

В данный номер студенческого и аспирантского научного электронного журнала «Гуманитарный акцент» вошли статьи участников научно-исследовательских проектов-победителей конкурса «Студенческие научные проектные коллективы РГГУ – 2019». Конкурс является ежегодным и проводится в Университете в целях развития научно-педагогического потенциала РГГУ, выявления и реализации наиболее перспективных научно-исследовательских проектов, осуществляемых студентами и аспирантами РГГУ. Победителями в конкурсе могут стать инициативные заявки исследовательских коллективов, в состав которых входят научный руководитель, аспиранты и студенты РГГУ.

В номер включены и статьи студентов – победителей конкурса «Немецкие ученые и профессора в социокультурной и экономической жизни России XVIII – начала XXI в.», проводившегося в Российском государственном гуманитарном университете Российско-германским учебно-научным центром и АНО ДПО «Институт этнокультурного образования» при поддержке отдела культуры Посольства ФРГ в 2019 г.

В отдельную рубрику выделены статьи студентов и аспирантов, близкие по тематике к исследованиям студенческих научных проектных коллективов РГГУ.

Как всегда важной является и рубрика «Кафедра». В данном номере представлены учебно-методические материалы к курсу «Механизмы актуализации прошлого» (специальность «История», П.А. Алипов).

Номер подготовлен Советом молодых ученых РГГУ.

Категория наблюдателя и проблемы визуального в литературе

В.Я. Малкина

Предисловие

Наш проект посвящен категории наблюдателя и ее роли в анализе визуального в литературе как общекультурного феномена. Однако прежде чем перейти к целям и задачам представленного здесь цикла статей, необходимо очертить методологические и исследовательские рамки нашей работы в целом.

Проект вырос из многолетней работы спецсеминара «Визуальное в литературе», работающего в Институте филологии и истории РГГУ (руководители – С.П. Лавлинский и В.Я. Малкина). А в чем заключается проблемное поле визуального в литературном произведении? В том, что литература – искусство слова, то есть искусство вербальное. Если подходить к вопросу строго эмпирически, то единственное, что мы видим, когда читаем книгу – это черные знаки букв на белой бумаге (или, с поправкой на современные технологии, – на экране). Это особенно заметно, если мы смотрим в книгу, написанную на неизвестном нам языке.

Однако если язык нам знаком, то знаки складываются в слова, слова – в предложения и абзацы, а все вместе в итоге – в целостный художественный текст. Прочитав и отрефлексировав его, мы с некоторым изумлением понимаем, что, несмотря на отсутствие в книге иллюстраций, мы неплохо представляем себе место действия (даже если никогда там не были), внешность персонажей (даже если это некие фантастические существа) и многое другое. То есть для читателя (во всяком случае, для грамотного читателя) художественный мир литературного произведения оказывается видимым и зримым.

Вот это и есть визуальное в литературе: видимость (зримость) внутреннего мира художественного произведения, то есть возможность его зрительной рецепции. Особенности визуального восприятия задаются автором и воспринимаются читателем в рамках его собственного зрительского и читательского опыта, поэтому вполне возможно, что разные читатели увидят один и тот же мир по-разному. А вот насколько сильны будут эти различия, зависит как раз от авторской стратегии. Чем точнее и детальнее описание – тем меньше будет различий. Чем оно фрагментарнее и чем больше

остаётся простора для читательского воображения – тем обширнее будет спектр возможностей для индивидуального восприятия.

Однако возникает вопрос: почему литература, которая вроде бы не оперирует (в отличие от живописи или кино) визуальными образами, тем не менее создает в голове читателей эти самые образы и, самое главное, как она это делает.

И здесь очень важно разграничить два понятия: визуальность и визуализацию, или зримость и наглядность художественного текста.

Визуализация – это представление вербального текста в наглядном виде. То есть визуализация – это использование различных приемов для создания специфического графического облика текста. Например, особое начертание букв, нелинейное расположение строф или абзацев, сочетание текста с графиками, схемами или рисунками, использование разных шрифтов, типографских знаков и элементов и др. Сюда относятся, например, графическая поэзия, каллиграммы Гийома Аполлинера или стихограммы Дмитрия Пригова; графические романы, комиксы и т. п. То есть это все то, на что мы непосредственно смотрим физически, при помощи наших глаз.

Визуальное же – это не наглядность, а зримость. Это не то, на что мы смотрим (смотрим мы на буквы), а то, что мы видим внутренним зрением, в нашем воображении, активизированном авторским замыслом. То есть визуальность – это свойство поэтики вербального текста. И создается оно тоже вербальными средствами: при помощи словесных описаний (пейзажей, натюрмортов, интерьеров, портретов), визуальных образов (например, упоминаний цвета, зеркал, отражений, световых эффектов, описаний картин, скульптур, фотографий и т. д.), смены точек зрения персонажей и субъектов рассказывания и др.

Изучение визуального в литературе – это поиск ответа на вопрос, как именно создается визуальный образ мира при помощи вербальных средств. Почему мир литературного произведения способен быть зрительно воспринятым? Что видит субъект рассказывания, как он нам это показывает (об этом рассказывает) и что мы можем увидеть, прочитав его рассказ, – вот это основные вопросы, которые имеет смысл себе задавать при анализе визуального в литературе.

Важно, что зримость художественного мира хотя и зависит от читательского зрительского опыта, все-таки не образуется произвольным образом. Она задается авторской стратегией, и их можно выделить две: прямое и трансгрессивное зрение.

Прямое зрение (подобно прямой перспективе в живописи) направлено на создание «реалистической», жизнеподобной картины мира, целостного панорамно-исторического образа, предполагает определенность и линейность точки зрения.

Трансгрессивное зрение создает нереалистический, нежизнеподобный образ мира, нарушает взаимосвязь пространства и времени, предполагает множественность и изменяемость точек зрения. Например, оно часто используется в фантастической, гротескной и абсурдистской литературе.

Но кто видит в художественном мире и от кого зависит степень зримости этого мира? Тут уже ответы будут варьироваться в зависимости от рода литературы и конкретного произведения. Это может быть герой, персонаж, лирический субъект, рассказчик, повествователь, образ автора и т. д., причем в некоторых текстах видящий глаз принадлежит не одному, а нескольким субъектам.

Таким образом, очевидно, что нужно какое-то новое, общее понятие, которое обозначило бы видящего субъекта вне зависимости от его остальных функций в произведении. Таким понятием и стало понятие «наблюдатель».

Наблюдатель как категория не так уж часто на данный момент становится предметом специального осмысления. Основной здесь является работа М. Ямпольского¹, однако косвенно этот вопрос затрагивался и в других исследованиях, связанных с проблемами зрения в художественном произведении (М.М. Бахтина, П.А. Флоренского, М. Хайдеггера, Г. Зиммеля, М. Мерло-Понти и др.)². Но в этих работах категория наблюдателя была, в первую очередь, предметом философской и эстетической рефлексии.

Таким образом, первой задачей нашего проекта было создать понятие наблюдателя и методологию его анализа. В качестве основы мы предлагаем такое рабочее определение:

Наблюдатель – это субъект видения в художественном тексте, особенности зрения которого позволяют ему познавать, творить и/или трансформировать художественный мир или часть мира.

Принципиально важно, что наблюдатель не просто смотрит и видит. Зрение может выступать способом познания, создания, видоизменения художественного мира, а также способом активно-го взаимодействия с ним.

Второй значимый аспект заключается в том, что функцию наблюдателя субъект может совмещать с любой другой сюжетной и/или композиционной функцией. То есть он может быть тем, кто видит, действует и рассказывает нам об этом, или только видит и действует, или только видит и рассказывает, или вообще только видит. Он может быть главным героем или второстепенным персонажем, максимально приближен к читателю или дистанцирован от него. Разумеется, вполне возможно, что в произведении будет и несколько наблюдателей.

Для анализа категории наблюдателя нам необходимо, во-первых, подробно описать субъектную структуру текста, определить субъектов действия, речи и носителей точки зрения. Среди них, во-вторых, выделить тех, кто обладает точкой зрения в буквальном смысле слова – то есть смотрит и видит (для этого особое внимание уделяется лексике).

В-третьих, для каждого субъекта видения необходимо определить его место в пространстве и во времени (которое может и меняться на протяжении произведения) и способы его взаимодействия с миром (пассивное/активное, созидательное/разрушительное и т. п.).

В-четвертых, надо понять, кто именно доносит до нас картину (картины) мира в произведении: сам наблюдатель или кто-то еще, т. е. как субъекты видения соотносятся с субъектами речи.

¹ См.: Ямпольский М. Наблюдатель. Очерки истории видения. М.: AdMarginen, 2000.

² Подробнее о подходах к понятию наблюдателя см. в сборнике статей по материалам студенческой научной конференции, проходившей в РГГУ в марте 2019 г.: Наблюдатель искаженных миров: поэтика и рецепция / Сост. и ред. В.Я. Малкина, С.П. Лавлинский. М.: Эдитус, 2019.

Наконец, благодаря всему этому мы можем увидеть художественный мир с точки зрения наблюдателя, что позволит нам более корректно проанализировать визуальные аспекты данного произведения, а следовательно, лучше понять его смысл, что и является главной целью не только филолога, но и любого грамотного читателя. Но В. Набоков неслучайно считал, что читатель должен быть зрителем: чтобы читать, надо понимать, а чтобы понимать – надо видеть. В тексте это функция наблюдателя, а за пределами текста – наша.

Показать, как реализуется эта функция и как помогает понятие наблюдателя в анализе текста, и является главной целью нашего проекта и нижеследующего цикла статей. Три статьи посвящены соответственно произведениям, относящимся к трем литературным родам: лирике, эпике и драме. Таким образом, можно увидеть как общее в анализе категории наблюдателя, так и специфические черты каждого из родов. При этом, поскольку во всех случаях анализ строится на конкретных текстах, мы можем увидеть, как категория наблюдателя помогает пониманию смысла произведения.

А.С. Булатова

Наблюдатель в стихотворении Н. Заболоцкого «Лицо коня»

Статья посвящена анализу стихотворения Николая Заболоцкого «Лицо коня», направлена на исследование вопроса о том, как категория наблюдателя влияет на специфику формирования художественно-го мира произведения и восприятие текста читателем.

Ключевые слова: наблюдатель, призма восприятия, видение, наблюдение, картина мира.

В данной статье мы рассмотрим, как категория наблюдателя проявляется в стихотворении Николая Заболоцкого «Лицо коня». Для этого необходимо проанализировать взаимосвязь позиций носителей речи и точки зрения, определяющую особенности формирования картины мира.

В преобладающей части стихотворения лирический субъект грамматически не выражен. В шести строфах из семи высказывание принадлежит третьему лицу. Однако нельзя утверждать, что в них звучит безличный абстрактный голос. Говорящий обладает уникальным индивидуализированным видением.

Два начальных стиха заключают в себе тезис, отражающий определенное отношение субъекта к картине мира и законам жизни. Говорящий заявляет: «Животные не спят. Они во тьме ночной / Стоят над миром каменной стеной»¹ – и так задает образ неведомой, «непривычной» стороны существования и выступает как носитель особого знания.

Во второй строфе описывается голова коровы:

Рогами гладкими шумит в соломе
Покатая коровы голова.
Раздвинув скулы вековые,
Ее притиснул каменистый лоб,
И вот косноязычные глаза
С трудом вращаются по кругу.

¹ Заболоцкий Н.А. Лицо коня // Признание / Н.А. Заболоцкий. М.: Эксмо, 2018. С. 59–61. В дальнейшем текст цитируется по данному источнику.

Изображение складывается из деталей, которые представляются элементами одного объекта, находящимися в движении (*шумит, раздвинув, притиснул, вращаются*). Голова коровы словно видится субъекту не частью тела животного, а чем-то монументальным и первобытным. На это указывают данные ее частям определения, акцентирующие внимание на форме, свойствах поверхности, давности объекта (*гладкими, покатаая, вековые, каменистый*).

Отдельно следует рассмотреть, каким образом описываются глаза. Они названы косноязычными. То есть взгляд представляется говорящему способом коммуникации, формой выражения мысли. Получается, что корова неспособна высказаться. Ее взгляд невнятен и неразумен.

С рассмотренным образом контрастирует изображение коня, следующее далее. Разница в восприятии субъектом двух животных выражена и лексически, и грамматически. Описание коня складывается из слов, которые в «привычном» контексте являются характеристиками человека. Так, субъект сначала выделяет лицо (а не морду, как можно было бы ожидать). Оно становится центральным элементом образа, о чем говорит уже заглавие стихотворения. В строке «Лицо коня прекрасней и умней» стоит обратить внимание как на коннотации, сопутствующие определениям, так и на форму последних, а именно сравнительную степень прилагательных. Если описание головы коровы ассоциируется с чем-то каменным, опрошенным и первобытным, то процитированный выше стих соотносится с представлениями о разуме, гармонии, красоте.

Конь видится лирическому субъекту обладателем развитого внутреннего мира. Мы говорили о сближении образа животного с человеком за счет характеристик. При этом не имеется в виду отождествление одного с другим. Конь находится на принципиально ином уровне восприятия мира. На наш взгляд, интерпретировать эпитет «внимательный» следует через обращение в первую очередь к внутренней форме слова. Конь «*слышит* (здесь и далее в приведенных цитатах курсив мой. – А. Б.) говор листьев и камней. <...> ...*знает* крик звериный / И в ветхой роще рокот соловьиный». То есть он *внимает* звукам, наполняющим пространство, и владеет языком природы.

Коня можно охарактеризовать как наблюдателя. Благодаря вслушиванию и пониманию ему доступна полная картина мира, которую нельзя передать другим: «И зная все, кому расскажет он / Свои чудесные виденья?»

Таким образом, конь отличается не только от коровы, но от всех животных и людей. Описание, представленное в четвертой строфе, привязано к первым двум стихам. Конь и есть неспящее животное, стоящее над миром каменной стеной. Единственным, кто видит в нем всеведущего, является субъект речи. Последний, как мы отмечали выше, наделен знанием, недоступным больше никому, и получает его именно за счет специфического восприятия, через призму которого мир дан читателю. Потому и он является наблюдателем.

Субъект улавливает преобразование коня, происходящее с наступлением ночи.

На темный небосклон
 Восходят звезд соединенья.
 И конь стоит, как рыцарь на часах,
 Играет ветер в легких волосах,
 Глаза горят, как два огромных мира,
 И грива стелется, как царская порфира.

Создается образ прекрасного благородного защитника и временно властелина, сила и ответственность которого заключены в его способности видеть, понимать и знать.

Отдельно рассмотрим предпоследний стих из приведенных выше. В портрете коня глаза становятся подобием планет, светящихся в ночном небе, и сосредоточием жизни. Это глаза неземного существа. Ореол «сказочности» создается и за счет лексики. В четвертой строфе выделим слова «чудесные виденья», «рыцарь», «царская порфира», в пятой – эпитет «волшебный»², употребленный дважды.

Глаза – одна из основных деталей в стихотворении. Через нее устанавливается связь между взглядом и выражением мысли. В глазах коровы обнаруживаются неосознанность и неспособность высказаться. Конь же видит и понимает все. В его взгляде, освещающем мир, заключены смысл и истина, однако известно это только лирическому субъекту, позиция которого наиболее ярко проявляется в шестой строфе. Здесь последний описывает свое миропонимание.

Субъект противопоставляет коня и человека. У коня нет языка, который позволил бы ему говорить. Таким владеет человек, в свою очередь ничего не видящий. Потому язык его назван бессильным. Значит, косноязычие есть недуг человека, в данном контексте подобного корове, но не коня, так как заключено оно именно в неспособности увидеть и понять истинно важное и, соответственно, сказать об этом.

Возникает вопрос о том, какое место в мире занимает лирический субъект. В шестой строфе его лицо грамматически выражено через местоимение «мы». Оно называет абстрактную категорию всех живущих, к которой относит себя носитель речи. Притом лирический субъект в своем восприятии мира неравен ни человеку, ни коню. Его видение основано на позиции «волшебное и истинное суть одно». Так, внимание звукам ночного мира названо чудесными виденьями и потому отсылает к ирреальному, связанному со сном, а конь представляется мифическим или сказочным существом. Однако именно он, слышащий природу, становится единственным, кто знает все и достоин произносить слова.

Лирический субъект уподобляет коня пророку. Это проявляется в описании слов, в которые могло трансформироваться понимание мира. Изреченное конем должно быть естественно и понятно любому, настолько, что кажется зримым и буквально осязаемым.

² В строке «Иметь язык волшебный конь» определение помещено между двумя существительными и при восприятии текста читателем может быть отнесено к любому из них или к обоим сразу. Конь является волшебным, что следует из его описания. Если же рассматривать характеристику как эпитет, относящийся к языку, то оно вводит противопоставление между конем и человеком, чей язык бессилен.

Субъект сначала сопоставляет слова с предметами, связанными с природой, знакомыми и животному, и человеку: «большие, словно яблоки», «Густые, / Как мед или крутое молоко», затем сравнивает их со стихией. Сказанное конем могло бы поразить души людей: обнаружить несовершенство их внутреннего мира и помочь увидеть то, что было сокрыто.

Здесь отметим особенности соотношения света и тьмы в стихотворении. Для четвертой и пятой строф важным становится их противопоставление. Преображение коня всегда связано с появлением света в окружающем и / или внутреннем мире. Так, он видится субъекту прекрасным рыцарем и в то же время сказочным животным с *горящими* глазами, когда «На темный небосклон / Восходят звезд соединенья». Характеристика слов, которые мог произнести конь, обретший язык, концентрирует в себе соответствующие образы (выделено нами полужирным шрифтом):

... вонзаются, **как пламя**,
И, в душу залетев, как в хижину **огонь**,
Убогое убранство **освещают**.

Знание, рождающееся из наблюдения, подобно свету, разрушающему тьму. Данное высказывание необходимо связать с единством волшебного и истинного. Тогда можно объяснить, почему описание утра окрашено негативно. Его наступление приносит не свет, а разрушающую чудо действительность. Мир, в который пришло утро, противоположен ночному. В нем нет волшебства, что отражено в лексике. Последняя строфа наполнена существительными, создающими семантическое поле быта, труда, повседневности. В таком овеществленном пространстве невозможно быть наблюдателем, словно погруженным в сновидения. Мир ограничивается собственными закономерностями и избавляется от волшебства, а природа, его порождавшая, уступает место предметному и рукотворному:

Но вот конюшня опустела,
Деревья тоже разошлись,
Скупое утро горы спеленало,
Поля открыло для работ.

Пропадает легкость и неуловимость движений, наполнявших пространство ночью. Конь – защитник и властитель, всеведущий и обладающий силой пророка, – становится закрепощенной и подчиняющейся лошадью, во взгляде которой нет величия и огня. Он лишается своего видения и знания о мире.

И *лошадь* в клетке из оглобель,
Повозку крытую *влача*,
Глядит *покорными глазами*
В *таинственный и неподвижный мир*.

Угасание чудесного происходит потому, что человек не способен его заметить. Он не отдает коню язык и не может услышать слова, «которые не умирают / И о которых песни мы поем».

Бессмертная истина никем не высказана. Конь и лирический субъект являются, в определенном смысле, двойниками, так как одиноки в видении и знании.

Таким образом, опираясь на осуществленный анализ, можно выделить два типа наблюдателя в данном стихотворении:

- наблюдатель, взаимодействующий с пространством и обретающий знание о мире через взгляд и вслушивание (конь);
- наблюдатель, трансформирующий призму восприятия мира за счет обращения к уникальному видению (лирический субъект).

Специфика «зрения» реципиента рассмотренного нами стихотворения определяется соотношением мироощущения лирического субъекта и коня. Читатель смотрит на коня и пространство глазами носителя речи, который, в свою очередь, способен понять и описать особенности видения *другого* – животного-наблюдателя, проникающего в суть явлений. Таким образом, художественный мир стихотворения создается системой призм восприятия. Именно в ней формируется видение *внимательного* читателя.

И. Монхбат

Наблюдатель в монодраме Вадима Леванова «Смерть Фирса»

В статье рассматривается феномен наблюдения в монопьесе Вадима Леванова «Смерть Фирса». Особое внимание уделяется роли наблюдения в связи с креативно-рецептивным потенциалом монодрамы: отождествление точки зрения читателя-зрителя с точкой зрения героя происходит с помощью наблюдения героя за своими внутренними ощущениями и осуществляется посредством монологической формы высказывания.

Ключевые слова: наблюдатель, наблюдение, монодрама, рецепция, точка зрения.

Монодрама – это разновидность драматургического произведения, для которого характерно «миметическое изображение в сценическом пространстве одного сознания и презентация его представлений о себе и мире посредством монологического высказывания»¹. Концепция монодрамы Н.Н. Евреинова² послужила основой современного подхода к данному типу произведений.

Особенности системы точек зрения в монодраме подчинены законам ее построения. Если в классической драматургии зритель воспринимает действие с фиксированной точки, обусловленной пространственно-временными условиями восприятия драмы (эффект «четвертой стены»), то в монодраме главным условием рецепции становится отождествление точек зрения героя и зрителя. А.М. Павлов пишет: «монодрама (как и ее постановка на сцене) требует, скорее всего, специальных эстетических усилий (как от автора-творца, так и режиссера), направленных на соответствующее выстраивание кругозора читателя / зрителя, на выведение его из неподвижной и “единственной перспективы” (П. Пави) рецептивного видения»³. Стирание границы между читателем-зрителем и миром героя осуществляется в монодраме в полной мере, так как

¹ Агеева Н.А., Роцина О.С. Монодрама // Поэтика русской драматургии рубежа XX–XXI веков: Сб. науч. ст. Вып. 3 / Отв. ред. С.П. Лавлинский, А.М. Павлов. Кемерово: КемГУ, 2012. С. 223.

² См.: Евреинов Н.Н. Введение в монодраму. СПб., 1909.

³ Павлов А.М. Рецептивный потенциал монодраматического произведения // Поэтика русской драматургии... С. 59.

зачастую предметом изображения здесь становится внутренний мир персонажа и пристальное наблюдение за его состоянием.

В монодраме Вадима Леванова «Смерть Фирса» (1995) смена точек зрения – от внешней к внутренней – сопряжена с феноменом внутреннего наблюдения героя за самим собой. В отличие от просто зрения наблюдение – осознанный процесс, сопровождающийся осмыслением увиденного. Так, в пьесе «Смерть Фирса» наблюдение за собой и своими внутренними ощущениями становится способом познания героем своего Я и места в мире.

Монопьеса, таково авторское жанровое определение произведения, поначалу не создает впечатления пьесы, изображающей одно действующее лицо, так как в афише указаны два персонажа: Актер и Голос режиссера⁴. Отсутствие у второго физических очертаний подчеркнуто пространственными особенностями произведения: действие буквально разворачивается на театральной сцене во время репетиции последнего эпизода комедии А.П. Чехова «Вишневый сад». Таким образом, сценическое пространство удваивается – доносящийся из зала Голос режиссера нарушает границу между миром зрителя и разворачивающимися на сцене событиями: зритель оказывается невольно вовлеченным в художественное пространство.

Голос режиссера звучит сердито и недовольно: «Ты ж – актер! Кувыркнись! Работа у тебя такая!» Актер не справляется с драматизмом роли Фирса, образ которого, по мнению режиссера, центральный в произведении Чехова: Фирс – «мировая душа», умирающая здесь и сейчас. Вялые и тихие ответные реплики Актера свидетельствуют о том, что концепцию режиссера он не воспринимает всерьез. Дальнейшее действие как бы распадается на две линии: с одной стороны, на стремление сыграть роль Фирса как надо и, таким образом, примириться с режиссером (повторный выход героя на сцену в образе Фирса), с другой – на осмысление своей роли в мире. К тому, что Фирс выражает одной фразой «жизнь прошла, словно и не жил», Актер приходит только посредством пристального взглядывания в себя.

После небольшого обмена репликами между режиссером и Актером все расходится, но герой – уставший и задумчивый – остается на сцене и до конца пьесы в одиночестве ведет свой монолог. Именно в этот момент происходит трансгрессия точки зрения: зритель, который сначала находился по ту сторону сцены и был как бы с режиссером в зале, перестает быть «зрителем», безучастным наблюдателем репетиции, и постепенно невольно становится на точку зрения героя.

Актер смотрит в зал и произносит слова, адресованные ушедшему режиссеру: «Курдехаться! Выключи свою лампочку! Мне глаза от нее режет!.. Умри! А я что тут делаю?! Что?! *(Ложится, лежит неподвижно.)* У меня, может, голова раскалывается. Меня, может, тошнит! Оставьте меня вообще в покое! Я устал. “Вишневый сад” – пьеса про Фирса! Очень хорошо. Замечательно. Я чуть не умер тут сейчас на самом деле...». Однако в тот момент, когда он осознает, что все действительно ушли, герой с долей отчаяния в голосе обращается к Богу: «Господи! Как мне все надоело! ВСЕ, Господи! Слышишь меня?! Слова летят, мысль остается тут, слова без мысли

⁴ Леванов В.Н. «Смерть Фирса»: монопьеса // Вадим Леванов на сайте Театральной библиотеки Сергея Ефимова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theatre-library.ru/authors/l/levanov> (дата обращения: 19.08.2019). В дальнейшем текст пьесы цитируется по данному источнику.

к Богу не дойдут. Да?» Поняв, что ответа ни от режиссера, ни от Бога не прозвучит, Актер продолжает свои рассуждения один на один с собой, переходя от размышлений о смерти на сцене («мечта идиота») до нежелания возвращаться домой к бывшей жене.

Слова героя прерываются резкой сменой идентичности: Актер произносит монолог от некоего третьего лица, вживаясь в новую роль. «ОН» – так именует автор новую ипостась героя – говорит о том, как он мог умереть, и его речь звучит весьма патетично. Здесь важен как уровень обобщения актерского восприятия жизни и смерти в целом, так и образ зрительного зала, который уподобляется пропасти, «черной дыре», возникающей перед актером воспоминанием в преддверии смерти. Так, Актер снова отстраняется от своего Я и даже размышляет на столь серьезные вопросы, от лица другого.

Герой возвращается к себе, вспоминая о том, какие роли ему доводилось играть. Список этот велик, и все в нем сплошь заглавные роли: Ромео, Гамлет, Чацкий, Отелло и др., – но значимость их снижается, ведь героем осознается, что сыграны они были в провинциальном театре, режиссером которого был «из ума выживший старикашечка, который в 30-х годах в колхозном театре начинал». Отсюда и размышления – чужие, произносимые им строки то из «Гамлета», то из «Дяди Вани». Мысли сыгранных ролей прочно входят в сознание героя, ведь они ничем не могут быть вытеснены: «Я даже говорю сплошь чужими текстами. Своего ничего не осталось. Не живу, а роль играю». Внутренний конфликт Актера заключается в невозможности жить своей жизнью, мыслить и чувствовать самостоятельно, отсюда все нарастающий драматизм, возникающий после второй попытки сыграть роль Фирса. Произнеся последнюю реплику Фирса, герой вдруг слышит звук лопнувшей струны, которому сначала не придает особого значения, но именно за ним следует вопрос Актера, адресованный самому себе: «Зачем я поступил в театральный институт?» Вопрос провокативный и пробуждающий воспоминание о том, как герой в первый раз пошел с отцом в театр. После представления они отправились в буфет, где он увидел актрис спектакля: они были еще в костюмах, а та, которая чуть раньше играла зайчика, курила и рассказывала «скабресный анекдот и давилась смехом»: «Она заметила, что я не отрываясь смотрю на нее, раздавила окурочек о блюдце, улыбнулась размалеванными в пол-рта губами и писклявым голоском зайчика, которым она говорила на сцене, обратилась ко мне. Не помню, что она сказала. А я заплакал. Разрыдался. Потому что меня обманули...». В тот момент в сознании четырехлетнего мальчика произошло понимание того, насколько сильно отличается действительность от мира, разыгрываемого на сцене. Воспоминание о первом разочаровании и обмане подталкивает героя к осознанию того, что и он обманщик, а вместе с тем приходит и разочарование в самом себе. Наблюдая эту сцену, читателю удастся окончательно сменить фиксированную точку зрения и пережить это воспоминание, увидев мир глазами героя.

Внутри Актера происходит перемена: он понимает, что не только обманывает других, но и сам окончательно лишился индиви-

дуальных черт: «Вообще... иногда мне кажется, что меня на самом деле и нет. Что я это только они, персонажи. Действующие лица. Я – Фирс. Я чувствую себя как Фирс. Думаю как Фирс, хожу как он и вижу ВСЕ его глазами. И мне пора... умирать. Потому что я, как он, никому не нужен, а окружающие терпят меня просто из вежливости, по привычке, просто потому что... что ж со мной делать?..» Драматизм кульминации монодрамы заключается в том, что даже в момент смерти герой не может быть собой: «Когда-нибудь, совсем скоро, я окончательно стану им... Фирсом... Произойдет окончательное перевоплощение... Я навсегда...». Звук лопнувшей струны раздаётся как сигнал к выходу на сцену, и Актер отправляется за кулисы, чтобы вернуться на сцену Фирсом и в последний раз сыграть финальную сцену «Вишневого сада».

По ходу действия монодрамы Леванова происходит трансформация точки зрения и героя, и читателя-зрителя. Так герой становится наблюдателем собственной жизни от сегодняшнего дня до первого знакомства с театром и обратно. Из стороннего наблюдателя зритель сначала превращается в прямого адресата реплик Актера, уподобляясь «черной бездне», становясь тем затаившимся зверем, что готов расправиться с любым, кто находится на сцене. Но в процессе более глубокого погружения Актера в воспоминания о прожитой им жизни – и сценической, и личной – границы наблюдения зрителя расширяются, и ему становится доступен взгляд на внутренний мир героя.

Естественность монолога Актера усилена ситуацией сцены на сцене – пространство словно обязывает его говорить, рефлексировать, однако внутренний кризис налицо: герой лишен имени и говорит чужими репликами, будучи не в силах отделить свое Я от чужих – сыгранных им когда-то. В мире сцены значимыми оказываются герои, которые ревнуют, вступают в борьбу, действуют – настоящие герои, в то время как Актеру отведена роль «малосимпатичного персонажа», поэтому он проигрывает раз и навсегда. Мистика сцены («...От этого... всего можно ждать. ВСЕГО!») оказывается сильнее личности и законов жизни и вынуждает Актера вновь и вновь отыгрывать смерть Фирса, пока не получится сыграть по-настоящему.

Видение героя в монодраме Леванова выходит на новый уровень: если сначала мериллом всех несчастий выступает требовательный режиссер и чернота зала – внешний мир, то благодаря обращению зрения героя внутрь и ментального наблюдения за самим собой ему открывается истинное знание о себе. Таким образом, мы видим, что действительно «при восприятии монодраматического произведения читатель / зритель буквально “обретает” зрение и тело другого – героя, так что начинает видеть мир глазами другого и даже психомиметически совпадать с ним в телесных ощущениях»⁵.

Итак, отождествление точек зрения героя и зрителя – необходимое условие восприятия монодрамы, которое достигается только посредством наблюдения – включения сопереживающего и сочувствующего читателя в архитектуру драматургического целого.

⁵ Павлов А.М. Указ. соч. С. 65.

Е.Ю. Леонова

Наблюдатель-ребенок в рассказах О. Кургузова

Статья ставит цель рассмотреть категорию наблюдателя в рассказах для детей О. Кургузова. Предполагается, что наблюдателем является рассказчик-ребенок, что обеспечивает особенный взгляд на обычные события. Взгляд ребенка создает эффект отстранения, благодаря которому привычные вещи выглядят волшебно, а то, на что давно не обращают внимания взрослые, удивляет. Мир, увиденный ребенком, отличается гротескными и абсурдными образами, что делает его особенно визуальным.

Ключевые слова: визуальное, гротеск, детская литература, наблюдатель, рассказчик.

Олег Кургузов за свою недолгую жизнь опубликовал несколько сборников рассказов. Главный герой в них всегда оказывается ребенок, от лица которого и ведется повествование. Именно поэтому категория рассказчика-ребенка вызывает здесь особенный интерес. Как он видит и воспринимает мир вокруг себя, какой логикой пользуется? Отличается ли его видение событий от видения родителей и других взрослых?

Категорию рассказчика мы понимаем вслед за определением Н.Д. Тмарченко, где рассказчик – субъект речи и носитель точки зрения¹, который находится внутри изображаемой реальности, позволяет войти внутрь изображенного мира и взглянуть на события глазами персонажей.

Герой Олега Кургузова – ребенок, имя которого читатель не узнает, так как всегда повествование ведется от первого лица, и по имени к мальчику не обращаются. Он живет с родителями и чаще всего описывает жизнь внутри своей небольшой семьи. Каждому из событий отведен отдельный рассказ, что дает право говорить о новеллистическом характере рассказываемого.

Вместе с реальными событиями с семьей происходят и фантастические: папа превращается в подростка («Мальчик-папа»), хруст морковью угрожает ураганом («Запасайтесь морковкой»).

¹ Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н.Д. Тмарченко. М., 2008. С. 202.

Эти рассказы теряются среди других, «неволебных», им отводится то же место в сборнике. Они удивляют мальчика и дают повод для рассказа так же, как и события повседневной жизни. Или повседневная жизнь так же удивительна для героя, как и волшебные превращения?

Часто рассказ построен вокруг незначительных событий, что можно заметить по заглавию: «Кривой дом», «Шкаф», «Борщ по-флотски», «Мы пишем рассказ». Однако они по-особенному воспринимаются героем. Падение со стула у папы, по его мнению, происходит из-за того, что дом наклонен. Перед тем как сын с отцом решили написать рассказ о дереве, они, по словам рассказчика, «сидели у окна и дивились жизни»². Катание на качелях позволяет взлететь в небо и пофантазировать, улетая от аэродромщиков и ворон.

Становится ли рассказчик наблюдателем, другими словами, насколько выражена его причастность к рассказываемому? Рассмотрим на конкретном примере. Так, в рассказе «Борщ по-флотски» папа и ребенок взлетают в небо, используя качели как трамплин. Описывает происходящее только главный герой, он один является субъектом видения, поэтому его причастность здесь очевидна. Все, что он видит, – нереально, это игра воображения, а потому можно сказать, что мир вокруг создан самим рассказчиком.

Главное, на что обращает внимание ребенок, это возможность увидеть красоту вокруг. Мальчик с восхищением описывает снег, голубизну неба и планеты. Однако это почти единственный раз, когда рассказчик описывает мир вокруг себя. Герой хочет с неба помахать жителям своим пестрым шарфом, но как выглядят этот шарф, сам герой, его отец и даже та площадка, с которой им удастся взлететь, остается невидимым для читателя. Почему же тогда происходящие события оказывается легко представить?

Помимо самой ситуации полета двух людей, остальные описанные образы кажутся бытовыми, известными. Крик из рупора над аэродромом с просьбой сесть, стая ворон, падение людей в снежный сугроб – все это не нуждается в развернутом описании. Конечно, застрявшую в сугробе голову отца, с которым он так и идет домой греться у батареи, представить труднее, но после череды бытовых событий здесь отсутствие описания кажется объяснимым. Для героя это событие не несет в себе ничего необычного. В его придуманном мире говорящий через сугроб на голове человек так же реален, как и полет в небе двух тел. Гротескное и абсурдное существует в детской фантазии вместе с реальным.

Обратив внимание на разнообразие событий в рассказе, очевидно, почему приключение ребенка дано исключительно с его точки зрения. Кроме того, что лишь благодаря ребенку появляется возможность для героев взлететь в небо, только такая точка зрения способна синтезировать разные события и не оставить читателю шанса выйти из этого мира и найти всему логичное объяснение.

Фантазия ребенка оказывается неограниченна, благодаря ей случаются волшебные вещи, которые он по-особому восприни-

² Кургузов О.Ф. По следам Почемучки. М., 2011. С. 73. В дальнейшем текст цитируется по данному источнику.

мает и описывает. И, несмотря на то что конкретных визуальных образов в рассказе практически нет, его субъективный взгляд и создающее отношение делают его наблюдателем.

Герой одинаково относится к различным событиям в своей жизни, и только красота не оставляет его равнодушным. В рассказе «Тревожное время», который также написан от первого лица, мальчик разбивает окно на кухне. Рассказчик по-настоящему удивляется, когда вместо замутненного вида из старого окна появляется возможность посмотреть через чистое стекло нового. Оказывается, новое стекло позволяет увидеть «красивую жизнь!.. И время за окном показалось... совсем не тревожным». Несмотря на то что родители тоже фантазируют вместе с ребенком (на время, когда окно занавешено, предлагают представить, что они в палатке в лесу), именно рассказчик замечает красоту.

Интересно, что даже с новым окном остается непонятно, в чем конкретно заключается увиденная красота. Герой видит дома, деревья, облака, но какие они? Интерьер вокруг остается не детализирован, мы не знаем, какой была кухня, где сидит семья: ни размеров помещения, ни цветовой палитры. Увиденное за окном тоже только намечено: «какие-то дядьки». События ограничены видением рассказчика, ведь даже первая реакция родителей на разбитое окно остается недоступной, так как рассказчик в этот момент находится на улице. Вероятно, визуальность события кажется возможной благодаря знакомой бытовой обстановке и емким субъективным суждениям: любимая, красивая жизнь, не-тревожное время.

В двух рассказах герою и его семье удастся найти что-то необычное и по-своему красивое в обыденной жизни, что изначально удивительным не является. Рассказчик не просто является субъектом этой действительности, он пропускает образы через свое зрение, оценивает их и таким образом становится наблюдателем. Так, в рассказе «Зверская фотография» мальчик становится свидетелем абсурдной ситуации. Папа, сделавший фотографию на документы со «звериным» выражением лица от боли в зубе, вынужден будет везде его копировать, чтобы соответствовать документам. Конечно, взрослый человек не будет сильно удивлен бюрократическими проблемами, с которыми столкнулся отец рассказчика. Но благодаря ребенку, незнакомому с этим заранее, достигается остранение, которое, как установил В. Шкловский, помогает избежать автоматизма восприятия, взглянуть по-новому. Ребенок видит, что только близкому человеку, его маме, не нужен паспорт, она любит папу просто так.

Рассказчик видит не меньше, а чаще больше, чем взрослые. Этот мир прекрасен, волшебен и полон визуальных и ярких, часто гротескных образов. Папа и ребенок, взлетев в воздух, представляют себя снежинками («Борщ по-флотски»). Из яиц, оставленных на батарее, вылупились маленькие батареи: «Ноги у них – цыплячьи, головы – цыплячьи, а туловище – батарейное». На многократно повторенную взрослыми просьбу коту сказать «мяу», он на глазах вырастает огромным «котищей-

тигрицей», мальчик чешет его за ухом, и тот снова возвращается к своему прежнему размеру («Ух, котище!»). Ни в одном из приведенных рассказов не видно четкой границы между реальным и фантастическим: герой не засыпает, нет указаний на то, что это разыгралось его воображение. В рассказе «Борщ по-флотски» как будто внезапно он с отцом взмывает в небо, в рассказе «Ух, котище!» стоило ему подумать о том, что большого и сильного кота не дразнили бы, как кот превращается в тигра.

Герой О. Кургузова выполняет не просто функцию рассказчика, но и наблюдателя. Он тот, кто по-новому может взглянуть на повседневность, пусть и с помощью родителей, и обратить к ней внимание ребенка. Взгляд ребенка создает остранение. Увиденный им мир может быть реальным и фантастическим, детский взгляд не проводит различий, для него все одинаково необычно и интересно. И эта способность детского взгляда объединяет все рассказы писателя.

Советский научный эксперимент 1920-х гг.: фантастические идеи и социальная практика

Е.А. Долгова

Предисловие

В исторических работах последних лет особую актуальность приобрело изучение истории 1920-х гг. в «утопическом» ракурсе – внимание исследователей привлекают коммунистический миф и коммунистическая утопия, футурологические проекты создания «нового человека» и формирования условий – бытовых, гигиенических, медицинских – для усовершенствования «старого». Открылся новый ракурс рассмотрения проблематики – а именно, ее практического воплощения в педагогическом, пенитенциарном, биомедицинском поле отечественной науки 1920-х гг.

Проблема заключается в том, что указанный ракурс исследования актуализирован преимущественно в зарубежной историографии¹ и практически не представлен в российской науке, где утопические идеи 1920-х гг. привлекали внимание исследователей прежде всего как литературный феномен². Лишь недавно к научной фантастике, популяризации научных идей, социальному измерению утопических проектов, попыткам их реализации на практике ранне-советского периода обратился и круг российских исследователей³. Их работы иллюстрируют другой – технократический – подход, нашедший отражение в изменении фокуса исследования – пристальном внимании к взаимодействию власти и научного сообщества в решении социальных проблем тех лет.

Указанная тематика оказалась и в центре внимания исследовательского коллектива проекта «Советский научный эксперимент 1920-х гг.: фантастические идеи и социальная практика», поддержанного программой Российского государственного гуманитарного университета. Целью проекта стало изучение т. н. «прикладного измерения» отечественной науки 1920-х гг. – а именно: предложенных ею практик и алгоритмов для решения социальных проблем с точки зрения революционного оптимизма в науке: утопий и попыток их реализации, издержек и общественного резонанса. Изучение данной проблематики в таком ракурсе позволило вывести тему из узкодисциплинарного пространства истории науки в сферу социальной истории, истории идей, истории образования и других актуальных исследовательских направлений. В ходе реализации проекта 1920-е гг. были обозначены как важный исторический момент, когда теоретические научные идеи смогли быть реализованы в виде инициативных

¹ Например: *Andrews J.T.* Science for the masses: The Bolshevik state, public science and the popular imagination in Soviet Russia: 1917–1934. UK: College Station, 2003; *Banerjee A.* We modern people: Science fiction and the making of Russian modernity. Middletown: University press, 2012; *Krementsov N.* Revolutionary experiments: the quest for immortality in Bolshevik science and fiction. UK: Oxford university press, 2012; etc.

² Например: *Бритиков А. Ф.* Русский советский научно-фантастический роман. М.: Наука, 1970.

³ Например, в Санкт-Петербургском Политехническом университете им. Петра Великого: *Сидорчук И. В.* Может ли ученый спасти мир? (По страницам советской научно-фантастической литературы 1920-х гг.) // *Контуры будущего: технологии и инновации в культурном контексте.* СПб.: Астерион, 2017. С. 380–384; *Он же.* Технократическая утопия и буколическая реальность: большевики, техника и общество 1920-х гг. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* 2017. № 8 (82). С. 179–183; *Ульянова С. Б.* Социализм как индустриальная мечта (массовые представления о социализме в советском обществе в 1920-е гг.) // *Контуры будущего: технологии и инновации в культурном контексте.* СПб.: Астерион, 2017. С. 7–11 и др.

экспериментальных проектов и тем самым обрели свою практическую направленность.

Основными ключевыми сюжетами для исследования стали:

- взаимодействие научных экспериментов и идей-утопий научно-популярной фантастики в экспериментальном пространстве 1920-х гг.;
- история отдельных лабораторий и институциональных центров, созданных под влиянием идей «революционной науки» и пытавшихся реализовать утопические идеи на практике.

Указанная проблематика нашла отражение в статьях молодых исследователей, опубликованных ниже.

В.В. Слискова⁴ посвятила свою работу не вполне изученной, интересной и актуальной теме – изучению «эпидемии экспериментаторства» 1920-х гг. и ее трактовок в концепциях современной истории науки. Автор раскрывает проблематику в фокусе обоснованной в сочинениях философского, общественно-политического характера идеи воспитания и создания «нового человека». Не останавливаясь на теме «воспитания» (раскрытой в историографии в полной мере), В.В. Слискова делает акцент на изучении биомедицинских усилий изменить природу человека «хирургическим путем» – через идею обретения бессмертия. Биомедицинские эксперименты и их преломление в научно-фантастических произведениях эпохи (романах А.Р. Беляева, А.А. Богданова, М.Н. Булгакова) автор раскрывает в своей работе, придавая ей тем самым междисциплинарный характер. Исследовательница выдвигает гипотезу о том, что популярности смелых, порой утопических проектов способствовал «дух времени»: сочетание революционного утопизма с характерным для новой власти «утилитаризмом» и «сциентизмом».

Историей практической реализации другого утопического проекта – уже из сферы экспериментальной педагогики – занялась Н.П. Железова. В центре ее исследований оказалась история Школы социально-индивидуального воспитания им. Достоевского В.Н. Сорока-Росинского, больше известной по повести Л. Белых и Г. Пантелеева⁵ и одноименному фильму. Прототипом школы было одно из учреждений экспериментального типа, действовавшее в Петрограде-Ленинграде в 1920-е гг.; его основателем и директором был ученик В.М. Бехтерева В.Н. Сорока-Росинский, попытавшийся воплотить на практике некоторые из идей своего учителя. На основе неопубликованной делопроизводственной документации Школы, выявленной в ЦГА СПб и ГАРФ, исследовательницей была реконструирована история учреждения, восстановлены биографии ее учителей и учеников. Н.П. Железова установила, что исторические обстоятельства скорректировали исходную педагогическую идею В.М. Бехтерева–В.Н. Сороки-Росинского: она оказалась труднореализуема на практике, противоречила утверждавшимся принципам советской педагогики. Вследствие этого проект так и не был воплощен и сохранился лишь как яркий литературный и кинематографический образ – Школы и учителя «нового типа». Работа Н.П. Железовой представляет качественное микроисториче-

⁴ Долгова Е.А., Слискова В.В. Научная фантастика и научная практика: в поисках «революционной науки» // «Стены и мосты – VI»: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях: практика междисциплинарных исследований в истории / Отв. ред. Г.Г. Ершова. М.: ИЦ РГГУ, 2018. С. 166–179; Слискова В.В. Естественнонаучные сюжеты на страницах научно-популярных журналов 1920-х гг. // Междисциплинарные сюжеты в истории науки: коллективная монография / ИИЕТ РАН; Редакторы-составители: к.г.н. А.В. Собисевич, П.А. Захарчук. М.: Янус-К, 2019. С. 91–95.

⁵ Белых Г., Пантелеев Л. Республика ШКИД. Л.: Государственное издательство, 1927.

ское исследование⁶ и в перспективе тема может быть развернута в небольшую, но замечательную монографию.

Исследование В.О. Неруш посвящено интересной и актуальной проблематике – коренным малочисленным народам Севера, оказавшимся в центре государственной политики 1920–1930-х гг. Она исследует проекты их вовлечения в «большую историю» и практики адаптации различной степени интенсивности на примере изучения истории Института народов Севера, действовавшего в Ленинграде в 1920–1940-е гг. Важным плюсом работы является обращение автора к неопубликованным архивным источникам и введение их в научный оборот. Исследовательница анализирует кадровый состав учреждения, списки студентов, обращается к делопроизводственным и отчетным (статистическим) документам для изучения его финансового и инфраструктурного обеспечения, исследует учебные планы и программы. Изучение темы В.О. Неруш продолжается, но, несомненно, уже имеет историографическую значимость.

Опубликованные ниже статьи иллюстрируют вклад молодых исследователей в изучение актуальной и востребованной в историографическом отношении тематики. Остается лишь пожелать удачи им в начале научного пути и надеяться, что у каждого из них он будет долгим и интересным.

⁶ См. другие работы автора: Железова Н.П. Школа социально-индивидуального воспитания им. Ф.М. Достоевского (1920–1925 гг.): практика воспитания беспризорных // Левые идеологии, движения и организации в истории: исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. М.: РОССПЭН, 2019. С. 50–55.

В.В. Слискова

Естественнонаучные эксперименты 1920-х гг.: наука в поисках бессмертия

В статье рассматриваются экспериментальные биомедицинские исследования 1920-х гг., целью которых была разработка методов искусственного продления жизни. В 1920-е гг. особую популярность приобрела утопическая идея бессмертия, тесно связанная с идеей «улучшения» человека и построения нового общества. Распространение данной идеи затронуло и естественнонаучные дисциплины, а ее проникновение в исследовательские лаборатории привело к значительным научным достижениям: операции омоложения, искусственное кровообращение, переливание крови.

Ключевые слова: советская наука, биомедицина, эксперименты, 1920-е гг., научная фантастика.

В 1920-е гг. естественнонаучные эксперименты обрели остроактуальный характер ввиду развития таких наук, как медицина и биология, образовавших единое исследовательское поле – биомедицину. Однако несмотря на то что так называемая революция в науках о жизни началась еще в конце XIX в., их дисциплинарное становление ускорилось после Революции 1917 г.¹ Именно в этот период активно учреждались научно-исследовательские институты и лаборатории, оформлялись научные общества, в большом количестве издавались научные и научно-популярные журналы, организовывались просветительские лекции. Ведущими науками о жизни являлись генетика и евгеника, гигиена, трансплантология и эндокринология (операции омоложения), гематология и фармакология (оживление организма), предлагавшие способы «улучшения» человеческого организма, его «адаптации» к новой реальности².

Экспериментальные исследования в области биомедицины стали «хирургической» попыткой преобразования человеческого организма. Ученые искали способ омоложения и продления жизнедеятельности человеческого организма, но вместе с тем их интересовали практические возможности применения теоретических знаний

¹ *Krementsov N.L.* Revolutionary Experiments: The Quest for Immortality in Bolshevik Science and Fiction. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014. P. 20.

² *Маликова М.* НЭП как опыт социально-биологической гибридизации [Электронный ресурс]. URL: http://www.strana-oz.ru/2006/1/nep-kak-opyt-socialno-biologicheskoy-gibridizacii#_ftn28 (дата обращения: 15.02.2020).

и разработка научных методов в области продления жизни человека, будь то гормональное омоложение, переливание крови или искусственное поддержание жизнедеятельности организма.

Значительный вклад в развитие экспериментальной биомедицины внес фармаколог, академик Военно-медицинской академии Николай Павлович Кравков (1865–1924). Главной заслугой ученого стал примененный им метод изучения воздействия химических веществ на органы путем их отделения от организма. Так, наибольшую известность обрели эксперименты Н.П. Кравкова, произведенные на изолированных кроличьих ушах и человеческих пальцах ампутированной руки или трупа человека, умершего от инфекции. Организация артерий данных органов, по мнению ученого, должна была способствовать получению наиболее точных результатов.

Отобранный материал заблаговременно высушивался (мумифицировался) в течение нескольких месяцев, что, однако, не повреждало чувствительности сосудов³. В ходе эксперимента органы размачивали в специальном солевом растворе (жидкости Рингера-Локка), подогретом до температуры тела. После такого размачивания если сосуды оставались неповрежденными, они начинали реагировать на вводимые химические вещества⁴. Стоит отметить, что такая реакция отличалась от обычной реакции живых органов. Тем не менее эксперименты Н.П. Кравкова получили условное название «оживление мертвых органов» и стали предметом обсуждения научной общественности. О них много писали в периодической печати⁵, а в 1927 г. был опубликован текст радиолекции профессора Н.К. Кольцова, в ходе которой он рассказал, что «сосуды пальца начинали биться, в течение нескольких дней отрастал ноготь, можно было вызвать проступание пота, воспаление кожи... ухо оживало, начинали биться сосуды, росли волосы»⁶. В результате исследований был сделан вывод о том, что органы продолжали жить спустя некоторое время после наступления смерти организма. На обывательском уровне научные достижения Н.П. Кравкова были восприняты как движение в сторону обретения бессмертия.

Не менее значимой фигурой является советский физиолог Сергей Сергеевич Брюхоненко (1890–1960), разработавший собственный метод искусственного поддержания жизни. В 1923 г. С.С. Брюхоненко сконструировал аппарат искусственного кровообращения – «автожектор» (аутожектор), предназначенный для поддержания функций центральной нервной системы и жизнедеятельности организма теплокровных⁷. Автожектор состоял из двух механических насосов, системы клапанов, резервуаров для крови и отличался от подобных приборов (применявшихся за рубежом) «наличием замкнутого круга искусственного кровообращения с автоматически и непрерывно регулируемым давлением, регулируемой температурой и газообменом»⁸. Поскольку автожектор предназначался для экспериментов на изолированных органах, была выработана «специальная система “искусственных сосудов” – комбинации резиновых и стеклянных частей»⁹. В качестве объекта исследований – т. е. изолированных органов – С.С. Брюхо-

³ Шабанов П.Д. Вклад Н.П. Кравкова в развитие общей, возрастной, эволюционной и клинической фармакологии // Педиатр. 2015. Т. 6. № 2. С. 122.

⁴ Узбекова Д.Г. Работы академика Н.П. Кравкова в области эндокринологии // Сахарный диабет. 2015. № 18 (4). С. 142–146.

⁵ Морозов Б. Жизнь органов вне организма // Наши достижения. 1929. № 2. С. 71–81; Шмидт П.Ю. Новые чудеса биологии // Огонек. 1923. № 3. С. 5.

⁶ Кольцов Н.К. Чудесные достижения науки. М., 1927. С. 31.

⁷ АРАН. Ф. 1534. Оп. 1. Д. 10. Л. 35. Аппарат для искусственного кровообращения.

⁸ Брюханенко С.С., Чечулин С.И. Опыт по изолированию головы собаки (с демонстрацией прибора) // Труды Второго Всесоюзного съезда физиологов. Л.: Главнаука, 1926. С. 289.

⁹ АРАН. Ф. 1534. Оп. 1. Д. 10. Л. 42. Аппарат для искусственного кровообращения.

ненко выбрал отделенную от тела голову собаки, а также донорские легкие, необходимые для работы автожектора¹⁰.

Первая демонстрация автожектора состоялась в сентябре 1925 г. на Втором всесоюзном съезде патологов. Результаты исследований С.С. Брюхоненко получили огласку на страницах профессиональных изданий, однако они все еще оставались предварительными. Ученый планировал продолжить работу в области искусственного поддержания жизни: «настоящий доклад представляет предварительное сообщение о начатых в этом направлении работах...»¹¹.

Вторая демонстрация эксперимента состоялась на Втором всесоюзном съезде физиологов в мае 1926 г. Изначально доклад С.С. Брюхоненко не был включен в программу, однако стараниями С.И. Чечулина, секретаря съезда и соавтора доклада, демонстрация состоялась, но практически перед закрытием работы съезда¹². В ноябре того же года общественность узнала об эксперименте с собакой и аппаратом искусственного кровообращения: появилась первая статья – «Опыты с оживленной головой собаки», напечатанная в газете «Вечерняя Москва»¹³. В ней было приведено подробное описание работы автожектора и результаты экспериментов с научной точки зрения: «Впервые открылась возможность поддерживать жизнь теперь уже целого организма собаки с выключенным из него сердцем и легкими и искусственно созданной температурой»¹⁴. С этого момента открытие С.С. Брюхоненко стало предметом внимания многих популярных периодических изданий. В журналах и газетах появлялись публикации с провокационными названиями вроде «Голова, отрезанная от туловища, живет»¹⁵, «Наука, побеждающая смерть»¹⁶ и др., благодаря которым об изолированной голове собаки заговорили как о «победе науки над смертью». Некоторые авторы статей даже ссылались на роман А.Р. Беляева «Голова профессора Доуэля», изданный в 1925 г. Так, журналист Г.Н. Гребнев писал в 1927 г.: «Многие, очевидно, читали фантастическую повесть Беляева “Голова профессора Доуэля”. В ней рассказывается как некий профессор Доуэль оживлял голову, отделенную от трупа умершего человека... То была сказка, от которой можно было только улыбаться, А вот, оказывается, что голова, отделенная от туловища и тем не менее продолжающая жить – не сказка»¹⁷. «Ожившая» голова перестала быть фантастикой.

В 1920-е гг. впервые стали проводиться клинические эксперименты по омоложению человеческого организма. В истории науки они связываются с именем французского хирурга русского происхождения Сергея Абрамовича Воронова (1866–1951)¹⁸, который разделял позицию венского ученого Э. Штейнаха о влиянии половых желез (гормонов) на процесс старения организма.

Идея о взаимосвязи омоложения и деятельности желез внутренней секреции возникла у С.А. Воронова еще в 1890-х гг. во время работы в Каире: «я в первый раз имел возможность увидеть и наблюдать евнухов... я имел также возможность установить, что они преждевременно состарились»¹⁹. В ходе наблюдений ученый пришел к выводу, что главную роль в подобных преобразованиях организма играли именно семенные железы. Поскольку еще в пе-

¹⁰ АРАН. Ф. 1534. Оп. 1. Д. 10. Л. 35–44. Аппарат для искусственного кровообращения.

¹¹ Брюханенко С.С., Чечулин С.И. Указ. соч. С. 290.

¹² Kremntsov N.L. Op. cit. P. 44.

¹³ Вл. О. Опыты с оживленной головой собаки // Вечерняя Москва. 1926. № 259 (867). С. 4.

¹⁴ Там же. С. 4.

¹⁵ Гребнев Г. Голова, отрезанная от туловища, живет // Комсомольская правда. 1927. № 175 (601). С. 4.

¹⁶ Наука, побеждающая смерть // Вечерняя Москва. 1928. 20 сен. С. 1.

¹⁷ Гребнев Г. Указ. соч. С. 4.

¹⁸ Воронов С.А. уехал в Париж в 1884 г. для изучения патологии и трансплантологии.

¹⁹ Воронов С. Сорок три прививки от обезьяны человеку: омоложение. М., Л.: Книга, 1924. С. 3.

риод обучения он увлекся трансплантологией, для омоложения, по его мнению, необходимо было осуществить трансплантацию – заменить «старую» железу «новой»²⁰. С 1913 г. ученый приступил к экспериментальным исследованиям; в 1917 г. ему впервые удалось воссоздать благоприятные условия для успешного функционирования привитой семенной железы. Подопытными выступили козлы и бараны ввиду того, что их половые различия были достаточно очевидны, чтобы получить предельно точные результаты²¹. Пересадка половых желез должна была обеспечить достаточно длительный эффект омоложения организма.

Впоследствии объектом исследований С.А. Воронова стала пересадка органов и тканей от обезьяны человеку. Первая пересадка семенных желез состоялась 12 июня 1920 г. в Париже и была охарактеризована экспериментатором как успешная²². Результаты были подробно описаны в его монографии «Сорок три прививки от обезьяны человеку (омоложение)», изданной на русском языке практически синхронно – в 1924 г.²³ В ней были представлены фотографии пациентов «до» и «после» операции омоложения с указанием конкретных симптомов старения и постоперационных преобразований внешнего вида. Заявление С.А. Воронова об успехе операции и ее последствиях не могли не вызвать общественного резонанса, ведь мечта об омоложении всегда была одной из самых актуальных, а в тот момент, казалось, стала достижимой. Операции быстро стали популярны в периодической печати того времени, где они расценивались как «революционные»: «Первый настоящий опыт омоложения сделал проф. Воронов в Париже... 74-летний англичанин, специально приехавший к проф. Воронову, был омоложен, и, спустя 8 месяцев после операции, взял в Лондоне приз по боксу»²⁴.

Несмотря на то что операции проводились по большей части в коммерческих целях, результаты исследований С.А. Воронова были признаны медицинским научным сообществом. Эксперименты стали отправной точкой для последующего развития подобных исследований в области омоложения организма на территории Советского Союза²⁵. В начале 1920-х гг. с появлением специализированных статей об исследованиях С.А. Воронова тема гормонального омоложения становилась все более популярной среди отечественного научного сообщества²⁶. Серьезно данной проблемой занимались директор Института экспериментальной биологии Н.К. Кольцов и его ученик биолог Михаил Михайлович Завадовский (1895–1951). Последнему удалось произвести ряд операций по омоложению животных разных видов в стенах лаборатории при Московском зоопарке²⁷. Изучением роли половых желез занимался и советский биолог Илья Иванович Иванов (1870–1932), однако его научные исследования касались не омоложения организма, а вопроса скрещивания человека и человекообразных обезьян. Для реализации своей идеи ученый заручился поддержкой Института Пастера в Париже и совершил ряд заграничных поездок: «русский зоолог профессор Иванов выехал во французскую Гвинею (Африка) для основания там биологической станции. На станции им бу-

²⁰ *Gillyboeuf T.* The famous doctor who inserts monkey glands in millionaires // Spring. The journal of E.E. Cummings Society. New Series. 2000. No. 9. P. 44.

²¹ *Воронов С.* Указ. соч. С. 8–9.

²² Там же. С. 8.

²³ *Воронов С.* Указ. соч.

²⁴ Опыты омоложения за границей и в Москве. Человек будет жить до 200 лет (Доклад проф. Кулагина) // *Вечерняя Москва*. 1926. № 38 (646). С. 5.

²⁵ *Гобер А.* Старость и омоложение: популярное изложение вопроса о старости и омоложении. М., 1923. С. 16.

²⁶ *Krementsov N.L.* Revolutionary experiments. P. 135.

²⁷ *Ibid.* P. 137.

дут производиться опыты по искусственному оплодотворению и скрещиванию обезьян с человеком»²⁸. Как отмечает О.А. Шишкин, И.И. Иванову удалось осуществить несколько опытов по искусственному осеменению обезьян в 1927 г., но подопытные животные погибли во время транспортировки на территорию СССР²⁹. Дальнейшие эксперименты скрещивания, реализуемые уже в питомнике в Сухуми, также не принесли результатов: подготовка к операциям осеменения была прервана арестом И.И. Иванова в 1930 г. Вследствие чего эксперименты остались незавершенными и вскоре были забыты³⁰.

Последующее изучение деятельности желез внутренней секреции в отечественной науке продолжилось преимущественно в направлении лечения гормональных болезней, в частности связанных с дисфункцией щитовидной железы, а эксперименты ставились исключительно на животных³¹. Тем не менее в течение длительного времени на страницах тиражируемых периодических изданий появлялись статьи, в которых велась полемика по поводу методов омоложения «по Штейнаху» и «Воронову», высказывались аргументы «за» и «против» подобных преобразований³². Так, стремление к обретению вечной молодости, основанное на утопическом представлении о силе науки, положило начало профессиональному изучению гормональной системы и повлияло на лечение связанных с ней заболеваний. Кроме того, эксперименты с пересадкой органов обезьяны попали и на страницы научной фантастики 1920-х гг. Например, в «Собачьем сердце» М.А. Булгакова профессор Преображенский лечит пациентов с помощью метода С.А. Воронова: «Я вам, сударыня, вставлю яичники обезьяны»³³, а в романе А.Р. Беляева «Человек, потерявший лицо» (1929) хирургическим преобразованием человека занимается русский врач Сорокин, прототипом которого стал сам доктор С.А. Воронов.

Таким образом, несмотря на резонанс, вызванный обсуждением новаторских экспериментов, результаты исследований были признаны профессиональным сообществом. Оставляя в стороне утопическую идею омоложения и бессмертия, ученые подчеркивали значимость открытий для развития дальнейших исследований в области искусственного поддержания жизни организма и эндокринологии.

²⁸ Советская биологическая станция в Африке // Вечерняя Москва. 1926. № 31 (639). С. 2.

²⁹ Шишкин О.А. История одного проекта, или Красный Франкенштейн // Проектное мышление сталинской эпохи. М.: РГГУ, 2004. С. 48–49.

³⁰ Россиянов К.О. И.И. Иванов и опыты скрещивания человека с человекообразными обезьянами // Вопросы истории естествознания и техники [Электронный ресурс]. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/ECCE/IVAPITEK.HTM> (дата обращения: 20.02.2020).

³¹ См.: Кольцов Н.К. Как изучаются жизненные явления: очерк десятилетней работы Института экспериментальной биологии в Москве. М.: Гос. мед. изд-во, 1928.

³² Надо быть осторожным. Печальные последствия омоложения по Штейнаху // Вечерняя Москва. 1926. № 28 (636); Опыты омоложения за границей и в Москве // Там же. № 38 (646); Что дают операции Штейнаха по омоложению // Там же. № 44 (652).

³³ Булгаков М.А. Собачье сердце [Электронный ресурс]. URL: <http://rushist.com/index.php/rus-literature/3084-bulgakov-sobache-serdtse-polnyj-tekst#c2> (дата обращения: 15.02.2020).

Н.П. Железова

«Будемте умны и прекрасны!»:
опыт (пере)воспитания беспризорников
«Республики ШКИД»

Статья посвящена изучению истории одного из наиболее известных учреждений для несовершеннолетних детей, созданного в 1920 г. в рамках кампании по борьбе с беспризорностью. В фокусе исследования оказалась школа им. Ф.М. Достоевского. Особая судьба учебного заведения, отразившаяся в источниках личного происхождения, литературе и кинематографе, делает ее интересным объектом для изучения, вписывая тем самым ее изучение в широкий социальный контекст.

Ключевые слова: В.Н. Сорока-Росинский, В.М. Бехтерев, 1920-е гг., борьба с беспризорностью, «Республика ШКИД», воспитательное обучение.

В 1965 г. в Ленинграде были закончены съемки фильма «Республика ШКИД» по одноименной книге. В партийных верхах негодовали: «Это энциклопедия для школьных хулиганов». Но картина вышла на экраны чудом, только два года спустя – и фильм мгновенно разобрали на цитаты, а тиражи книг росли. Однако художественные произведения отражали лишь часть правды о настоящей Республике ШКИД – школе социально-индивидуального воспитания им. Ф.М. Достоевского. Фильм привнес дополнительные акценты в противоречивость восприятия педагогической деятельности В.Н. Сороки-Росинского. Популярность ленты, многочисленные переиздания книги, а также положительные отзывы именитых советских писателей¹ вызвали волну интереса к истории реальной школы.

Авторы «Республики ШКИД», Л. Пантелеев и Г. Белых, были бывшими учениками школы, свою книгу они написали практически сразу после выпуска, «по горячим следам». Повесть вышла в 1927 г. и сразу завоевала большой успех у читателей. Но дискуссии

¹ *Маршак С.Я.* Об этой книге [вступительная статья] // Пантелеев Л. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. Л.: Детская литература, 1970. С. 7–21.

о ценности художественного произведения в общественном сознании не отделялись от обсуждения реального педагогического проекта, действовавшего в Петрограде под руководством В.Н. Сороки-Росинского с 1920 по 1925 г.

«Республика ШКИД» уже тем отличалась от известных республик, что у нее был точный почтовый адрес – в окраинах Петрограда, между Обводным каналом и Фонтанкой. Ее история началась в сентябре 1920 г., когда привезли первых учеников.

Директор Школы В.Н. Сорока-Росинский реализовал на практике уникальную концепцию воспитания беспризорных детей. Его подход сочетал идеи «свободного воспитания» и одновременно соотносился с методикой трудового воспитания, актуализированного в 1920-е гг.

В 1920-е гг. в процессе решения задачи воспитания социально запущенных детей и приобщения их к общественно полезному труду в крупных населенных пунктах страны были созданы специальные первичные детские учреждения. Согласно данным Отдела социально-правовой охраны несовершеннолетних Главсоцвоса Наркомата просвещения РСФСР, в Петрограде в 1920 г. в детских домах находилось около 3 тысяч детей². При этом для трудно-воспитуемых, количество которых по сводкам составляло почти треть³, действовало пять школ-интернатов для мальчиков и одна школа закрытого типа для девочек. Среди воспитанников были и дети с отклонениями в развитии – те, кого В.Н. Сорока-Росинский обозначал как «уклоняющихся от нормы»⁴. Зачастую среди них можно было встретить буйно настроенных подростков, оказывавших негативное влияние на других детей и плохо поддававшихся воспитанию. Так возникла идея о том, что для подобных, сложных в воспитании беспризорников нужно создать отдельные воспитательно-образовательные учреждения.

Подобные учреждения уже существовали в Петрограде в начале 1920-х гг. Дефективных детей распределяли в детские дома, трудовые коммуны. В случае выявления особо тяжелых правонарушений их могли направить в колонии для малолетних. Подобные учреждения в зависимости от психических особенностей воспитанников различались строгостью условий их содержания и применяемыми методами воспитания. Получить место и еду беспризорные дети также могли в ночлежных домах, в которых кроме первостепенных нужд также проводились воспитательные беседы, как правило, стихийно и усилиями добровольцев.

Дальнейшим размещением детей занимались приемно-распределительные пункты, рассчитанные на 50–100 детей одновременно⁵. Любой ребенок в возрасте от 3 до 19 лет включительно мог находиться в подобных учреждениях, где ему оказывали первую социальную и санитарную помощь. Задачей приемно-распределительных пунктов являлось создание соответствующих жилищно-бытовых условий, а также определение навыков и предпочтений ребенка, его уровня грамотности.

Первые ученики пришли в Школу, даже когда она еще не была обустроена в бытовом отношении, – в сентябре 1920 г. Однако те

² ГА РФ. Ф. А-1575. Оп. 6. Д. 100. Л. 346.

³ Там же. Д. 1. Л. 61.

⁴ Сорока-Росинский В.Н. Трудновоспитуемые // Сорока-Росинский В.Н. Педагогические соч. / [Сост. А.Т. Губко]. М.: Педагогика, 1991. С. 140.

⁵ Ермолаева С.А. Методология превентивной педагогики XX века: социологический подход к исследованию. М.: МГОУ, 2006. С. 201.

семь мальчиков, которые стали ее первыми воспитанниками, поступили не по распределению. В.Н. Сорока-Росинский искал воспитанников самостоятельно, руководствуясь общей грамотностью и начитанностью ребенка⁶.

Однако таким малочисленным ученический состав Школы оставался недолго. Ситуация с беспризорными детьми в Петрограде была такой острой, что уже в течение года количество воспитанников выросло в несколько раз, увеличившись до 60 человек⁷. Основной костяк учеников состоял из подростков преимущественно в возрасте 12–14 лет, направляемых в Школу из детских домов, распределительных и приемных пунктов. Несовершеннолетних также могли направлять в Школу по ходатайству их ближайших родственников, для которых такие дети «были несомненным “кошмаром”...»⁸.

В Школу принимались дети из различных социальных слоев, в подавляющем большинстве лишившиеся родителей. Так, например, писатель Леонид Пантелеев, настоящее имя которого Алексей Еремеев, был сыном казачьего офицера, погибшего в Гражданскую войну. Его товарищ – и соавтор в будущем – Григорий Белых происходил из семьи рабочих. Мать отправила мальчика в Школу на перевоспитание. Один из учеников, отображенный в «Республике ШКИД», Мстислав Вольфрам, происходил из дворянской семьи. В Школу имени Ф.М. Достоевского он попал после того, как был исключен из кадетского корпуса за плохое поведение. В Школе воспитывался и приемный сын В.Н. Сороки-Росинского Константин, оставшийся с отцом после развода родителей⁹.

В таких условиях требовалась особая методика по (пере)воспитанию. Главная идея Сороки-Росинского была взята из идей «свободного воспитания». В его понимании – в учении у ребенка должно развиваться стремление к самостоятельности, свободе, творчеству, которые со временем сформируют у него самодисциплину.

Школьная программа была составлена в пределах двух ступеней¹⁰. По замыслу В.Н. Сороки-Росинского, основной направляющей линией социализации трудновоспитуемых выступало интенсивное обучение, суть которого сводилась к возвращению в нормальную школьную среду и предоставление возможности дальнейшего развития¹¹. Учебный план должен был обеспечить овладение общей грамотностью. Учебный день состоял из 10–12 уроков и этим не ограничивался. Вечером дети были задействованы в мастерских, творческих кружках. Учениками издавался и т. н. боевой листок «Бузотер» – своеобразный «рупор» ученической оппозиции. Любой воспитанник имел право на выпуск газеты. Так, на 80 детей (по сводкам 1924 г.) в Школе им. Ф.М. Достоевского ребятами редактировалось и издавалось более полусотни различных рукописных журналов и брошюр.

Действия В.Н. Сороки-Росинского постоянно подвергались критике. Н.К. Крупская негодовала из-за отсутствия трудового воспитания¹². И не желала признавать, что исключением в этой полутюремной школе были ученики – талантливые, начитанные, и при этом битые жизнью беспризорники.

⁶ Числова С.Н.

Педагогическая система В.Н. Сороки-Росинского. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007. С. 15.

⁷ ЦГА СПб. Ф. 2879. Оп. 1. Д. 180. Л. 7–9.

⁸ Тальников Д. Дети революции // Красная Новь. 1927. № 9. С. 265.

⁹ Росинский К.В. Лицей босяков // Петербургский учитель. Жизнь и творчество В.Н. Сороки-Росинского. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. С. 44.

¹⁰ ГАРФ. Ф. А-1575 Оп. 6. Д. 1. Л. 33.

¹¹ Сорока-Росинский В.Н. Школа Достоевского. М.: Знание, 1978. С. 32.

¹² Крупская Н.К. Воскресшая бурса // Правда. 1927. 30 марта. С. 7.

История подлинной школы им. Ф.М. Достоевского коротка – всего пять лет. Успех ее зависел от т. н. «личного фактора» – в данном случае энтузиазма и энергии директора В.Н. Сороки-Росинского. Результат тяжелой, но продуктивной педагогической работы дал возможность бывшим беспризорникам войти в полноценную взрослую жизнь.

В ходе многочисленных дискуссий в Петроградском отделе народного образования В.Н. Сорока-Росинский вынужден был покинуть Школу в 1925 г. После его ухода она превратилась в обычное образовательное учреждение, по выражению одного из авторов «Последней гимназии», «ШКИДа развалилась», а само понятие ШКИД оказалось связано лишь с литературным и кинематографическим образом.

В.О. Неруш

«Северный рабфак» и коренные малочисленные народы Севера в 1920-е гг.: проект и его реализация

В статье характеризуется проект по обучению коренных малочисленных народов Севера в 1920-е гг. в Ленинграде на северных рабфаках, предваряющих открытие выделенного в отдельное учреждение в 1930 г. Института народов Севера. Рассматриваются причины появления проекта, механизмы рекрутирования слушателей, а также специфика условий проживания студентов и разработанных учебных программ.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, Северный рабфак, Ленинград, образование, Институт народов Севера.

В 1920-е гг. одним из важнейших направлений как экономической и национальной, так и социальной и государственно-административной советской политики было освоение территорий Сибири и Дальнего Востока. Однако ввиду их труднодоступности и фактического отрыва от центральной административной системы управления страны практически единственным действенным инструментом ведения политики на Севере на тот момент можно было считать только хорошо подготовленные советские кадры «самых различных отраслей народного хозяйства и социальной сферы»¹.

Первоначально кадры для работы на Севере готовились этнографами в Ленинграде и Москве из числа студентов, – например, под началом Л.Я. Штернберга на этнографическом факультете при Географическом институте² (в 1925 г. факультет был переведен в Ленинградский университет)³. Однако нехватка этих кадров и их плохая приспособленность к тяжелым условиям работы на местах обусловила появление идеи, а затем и проекта подготовки кадров и из коренных жителей северных территорий. Практическая реализация проекта стала впоследствии «одной из важнейших задач освоения бескрайних территорий Крайнего Севера и Дальнего Востока»⁴. Для реализации этой цели «на государственном уровне были созданы специальные организации... а всей работой по

¹ Еремеева О.И. Институт народов Севера в 1930-е гг.: первые шаги // Известия Алтайского государственного университета. 2010. Т. 1. № 4. С. 92.

² Слэзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2008. С. 282. (Серия "Historia Rossica")

³ Там же. С. 230.

⁴ Смирнова Т.М. Институт народов Севера в Ленинграде – учебное заведение нового типа // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 4. № 2. С. 52.

преобразованию этих [северных] регионов руководил созданный 20 июня 1924 г. Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК, более известный как Комитет Севера, под председательством заместителя председателя ВЦИК П.Г. Смидовича»⁵.

Было принято решение осуществлять обучение северян в Ленинграде. Как пишет историк Ю. Слёзкин, «теоретики Комитета исходили из того, что народы Заполярья смогут преодолеть отсталость и стать полноправными и равными членами многонациональной семьи только в том случае, если их поведет за собой собственный “сознательный” авангард (то же самое относилось ко всем народам, стремившимся “наверстать” ход истории). Создание туземной элиты было одной из главных задач Комитета и, как оказалось, наиболее реалистичной. При нехватке средств и людей Комитет мог оказаться не в состоянии преобразить “дальние окраины”, но он всегда мог позаботиться о горстке молодых людей, посланных в Ленинград»⁶.

Тем не менее отдельное, самостоятельное учреждение было создано далеко не сразу: образовательная система на Севере в начале 1920-х гг. еще не функционировала и у большинства туземных абитуриентов не хватило бы академической квалификации для обучения на основной программе университета. Кроме этого, основная цель учебного заведения заключалась все-таки в подготовке кадров разного профиля именно для практической работы на Севере. По этой причине в первые годы была выбрана специфичная «мягкая» форма рабфака (рабочего факультета). Такой выбор был характерен для рассматриваемой эпохи в целом: как пишет Е.В. Панин, образование представителей национальных меньшинств часто велось в форме рабфаков⁷. По мере развития и расширения проекта его формат был изменен – в 1930 г. северный рабфак был выделен в отдельный Институт народов Севера (далее – ИНС).

Насколько успешно реализовывался проект по подготовке кадров для работы на территориях Сибири и Дальнего Востока из числа коренных малочисленных народов Севера в первые годы своего существования, а именно в форме рабфака: сначала при ЛГУ (с 1925 г.), затем при ЛИЖВЯ (с 1926 г.)? Для ответа на этот вопрос охарактеризуем особенности набора и социальный состав студентов, обучавшихся на Северном рабфаке при ЛГУ и ЛИЖВЯ с 1925 по 1930 г.

Для первого набора на Северный факультет при ЛГУ в 1925/26 учебном г. Комитет Севера послал запросы на места на 40 грамотных абитуриентов-представителей малых народов Севера⁸. Как мы видим, этот запрос носил самый общий характер. Но и он оказался трудновыполнимым.

Первые проблемы возникли еще на этапе отбора абитуриентов. В условиях децентрализованной деятельности местных комитетов было трудно набрать представителей именно малых народов Севера ввиду их удаленности от советских административных центров. Так, по крайней мере, трактовал причину неуспеха первого набора В.Г. Богораз: «местные северные комитеты за спешностью дела не имели возможности отправить туземцев из малых народностей,

⁵ Там же. С. 52.

⁶ Слёзкин Ю. Указ. соч. С. 202.

⁷ Панин Е.В. Становление системы национальных рабфаков в Советской России // Известия МГТУ «МАМИ» (Сер. 6. Гуманитарные науки). 2013. Т. 6. № 1 (15). С. 116.

⁸ Смирнова Т.М. Указ. соч. С. 52.

и вместо того посылали русских или туземцев из более сильных народностей. Так, Якутская республика вместо тунгусов послала якутов, область Коми послала вначале зырян и только потом самоедов»⁹. С другой стороны, и представители местных властей не вполне понимали поставленную перед ними задачу. Как пишет Ю. Слезкин, «вербовка студентов была нелегким делом. Местные чиновники не могли понять, зачем кому-то понадобился дикарь в вузе, и настаивали на отправке туда зырян, якутов или русских. Некоторые не упустили уникальную возможность и послали своих собственных детей»¹⁰. Вследствие плохо налаженных контактов между центром и местными комитетами сама идея обучения представителей именно малых народов Севера на первом этапе оказалась под угрозой. Однако существовал и другой, не менее важный, с нашей точки зрения, фактор.

Одной из основных причин неудач первых наборов было недоверие малых народов Севера к представителям власти, существовавшее еще с дореволюционного периода. Ведь если с советской стороны введение образования на Севере (как высшего, так и школьного) было способом сформировать «новые кадры» и повысить «сознательность», то большинство местных коренных жителей воспринимало его как похищение детей. Как пишет Ю. Слезкин, «ни одно другое политическое мероприятие не сталкивалось с таким непониманием, негодованием и сопротивлением. Дети выполняли важную работу, и даже краткое отсутствие ребенка могло существенно повлиять на ход промысла (“ребята очень помогают в хозяйстве, без них никак нельзя обойтись”). Но самое главное, даже краткая разлука могла означать потерю ребенка навсегда, поскольку, как это понимали и родители, и некоторые учителя, задача школ состояла в том, чтобы выпустить маленьких русских»¹¹. Родители и главы семейств часто на все аргументы о пользе образования отвечали, и вполне обоснованно, так: «нас грамоте не учили, да мы живем как-нибудь, а ребята наши выучатся и в тундре не захотят жить»¹².

По этой причине часто на учебу в Ленинград отправлялись сироты или оторванные от семьи молодые люди и женщины, что могло поставить под вопрос как успешность их будущего обучения, так и возможность безболезненной социализации по возвращении на родину после учебы. Вот как характеризовал таких студентов В.Г. Богораз: «привычная фигура полярного студента, – бывший туземный батрак, прижившийся у русских. Только такие уже пробудились для учения, а также для вражды к предпринимателям. Они не побоятся ехать не только что в Ленинград, а к самому чорту на рога. Хуже не будет»¹³.

Исходя из вышеизложенного, нетрудно предположить, что требование о грамотности потенциальных студентов рабфака было вовсе практически невыполнимым. Поэтому отправляемые на учебу в Ленинград студенты обладали самым разным уровнем образования. Одни не знали и русского языка, тогда как другие были знакомы, помимо родного и русского, с языками нескольких соседних народов. Кто-то из абитуриентов получил школьное образование (на том уровне, на каком оно было развито к тому моменту на Севере), другие же были абсолютно безграмотными.

⁹ Богораз-Тан В.Г. Северный рабфак // Северная Азия. 1927. № 2 (14). С. 52.

¹⁰ Слезкин Ю. Указ. соч. С. 202.

¹¹ Там же. С. 271.

¹² Там же.

¹³ Богораз-Тан В.Г. Живая сказка (Чукча Тевлянто на рабфаке) // Вокруг света. 1927. № 1. С. 6.

Наконец, многие кандидаты из числа «собственно малых народностей» отказывались ехать или не подходили по состоянию здоровья¹⁴. Что еще хуже, многие абитуриенты не оказывались должным образом продиагностированы на местах и отправлялись на обучение со слабым здоровьем или больными, что, конечно, принесло большие неудобства уже по прибытии их в Ленинград. Болезни могли прогрессировать на протяжении долгого пути в антисанитарных условиях, в условиях общего стресса по причине смены климата, социального окружения и образа жизни.

Сразу по приезде студенты «подвергались всесторонней очистке» и получали по смене нового чистого белья и рабфаковскую «форму» – толстовку и брюки (женщины – такую же толстовку и юбку) из черного сукна¹⁵. Что же ждало их дальше?

По воспоминаниям В.Г. Богораза, в «1925–26 уч. г. Северный рабфак представлял из себя небольшую “18-ю группу” рабфака Ленинградского университета. В группе было 30 студентов»¹⁶.

Обратим внимание на поддержку «18-й группы» государством. Как пишет О.И. Еремеева, Северный рабочий факультет был создан по инициативе Комитета Севера и Наркомпроса¹⁷. Тем не менее в первый год существования Северного рабфака при ЛГУ, согласно высказыванию того же В.Г. Богораза, «общие условия жизни студентов университетского рабфака были весьма неблагоприятны. Наспех отремонтированные комнаты в общежитии плохо отапливались, было неуютно, сыро, холодно. В пяти сравнительно небольших комнатах теснились все 30 человек – по 6 в комнате. Мебель состояла из кроватей, часто без тюфяков. У окна стоял стол, перед столом пара табуретов. Четверым приходилось сидеть на кроватях»¹⁸. Однако студентам оказывалась постоянная дополнительная поддержка Северного Комитета при ВЦИК в размере 5–10 р. в месяц¹⁹. Но и при этом дополнительном финансировании стипендия, за всеми вычетами, составляла только 18 р. в месяц²⁰, так что, возможно, ее размер не позволял решать всех материальных проблем студентов. Подтверждение этому мы находим в словах В.Г. Богораза о том, что студентам «никогда не хватало стипендии не только на одежду, баню и проч., но даже на еду»²¹. С другой стороны, имеются сведения о том, что студенты имели обеденные талоны, кооперативные карточки, а в течение года часто приходилось обращаться к услугам квартирного врача и даже автомобиля скорой помощи²², предоставленных в распоряжение туземного рабфака.

Для улучшения положения рабфака при ЛГУ «весной 1926 г. на совещании Северного Комитета при ВЦИК... было постановлено “ходатайствовать об уравниении размера стипендии и других условий обслуживания студентов Северного рабфака со специальными учебными заведениями при ЦИК Союза ССР” (курсив мой. – В. Н.) и о соединении Северного Рабфака с Ленинградским институтом живых восточных языков»²³). Видимо, результаты работы рабфака были более чем удовлетворительными, так как там же было «постановлено “опыт работы туземного отделения ЛГУ одобрить” и “настаивать на расширении приема в 1926–1927 уч. г. до 60 чел.”. ЦИК оба ходатайства удовлетворил и решил присоединить Север-

¹⁴ Слѣзкин Ю. Указ. соч. С. 202.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Богораз-Тан В.Г. Северный рабфак. С. 52.

¹⁷ Еремеева О.И. Указ. соч. С. 92.

¹⁸ Там же. С. 53.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Богораз-Тан В.Г. Северный рабфак. С. 53.

²³ Там же.

ный Рабфак к [ЛИЖВЯ] им. т. Енукидзе, как Северное Отделение намеченного к организации Рабфака ЛИЖВЯ»²⁴. Были выделены финансовые средства на организацию рабфака и содержание студентов-туземцев, на оборудование учебного помещения и общежития студентов рабфака при ЛИЖВЯ²⁵.

С этого времени Северный рабфак стал Северным отделением Ленинградского института живых восточных языков.

Как видим, в этом статусе он получал значительно большую государственную поддержку. Например, Северному отделению рабфака ЛИЖВЯ было выделено более подходящее для занятий здание, а значит, условия жизни студентов значительно улучшились. «В течение 3-х летних месяцев, под наблюдением Н.Г. Таланова, командированного правлением ЛИЖВЯ, было отремонтировано полуразрушенное здание в Детском (б. Царском) Селе, в свое время отстроенное для учебных надобностей, следовательно, по распланировке своей пригодное для рабфака. В здании было восстановлено центральное отопление²⁶, произведен ремонт крыш, стен, вставлены окна, ряд учебных кабинетов были оборудованы и снабжены учебными пособиями²⁷. В здании было три этажа, «весь верхний (3-й) этаж здания был отведен под спальни, – три большие светлые залы», «занимаются студенты во 2-м этаже, где расположены 10 различных учебных кабинетов»²⁸, «в 1-м этаже – канцелярия, преподавательская, столовая, раздевальня и т. п.»²⁹.

Как же была построена образовательная программа для прибывающих в Детское село студентов?

Учебный час длился на рабфаке 50 минут³⁰. На подготовительном курсе студенты занимались русским языком (10 часов в неделю), математикой (6 часов), политграммотой (3 часа), географией (2 часа), рисованием (2 часа), физкультурой (2 часа)³¹. На первом курсе – изучали русский язык (7 часов в неделю), математику (5 часов), обществоведение (3 часа), географию (3 часа), биологию (3 часа), животноводство (2 часа), политграммоту (2 часа), рисование (2 часа), физкультуру (2 часа), английский язык (2 часа)³². Конечно, такие предметы не вполне соответствуют назначению Северного рабфака, а скорее были призваны обеспечить общий уровень образования. Тем не менее, на наш взгляд, даже при этом условии занятия русским языком кажутся непропорциональными по отношению к, кажется, более необходимой студентам географии, а занятия английским языком при отсутствии в программе непосредственно языков малых народов Севера представляются вовсе не вполне рациональными.

Специальных материалов, в частности букварей, опирающихся на привычные для студентов с Севера понятия, также на тот момент еще не было³³. Так, по прибытии в Ленинград один из студентов вынужден был учить русский язык, читая фразы «наша кошка» и «иди молоть на току». Если понятие «кошка» он мог объяснить как «беличья лисичка», то второе было ему совершенно непонятно и только усложняло процесс обучения³⁴. Обучение должно было производиться в сравнительно небольших группах³⁵.

Распорядок дня был регламентирован. «В 8 часов утра звонок, – вставать. 15 минут посвящается гимнастике». В 8:30 утренний чай. С 9 часов до обеда – занятия. Обед в 4 часа. Итак, была возмож-

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 53–54.

²⁷ Там же. С. 54.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 60.

³¹ Там же. С. 59.

³² Там же. С. 59–60.

³³ Там же. С. 54.

³⁴ *Богораз-Тан В.Г.* Северный рабфак. С. 57.

³⁵ Там же. С. 59.

ность провести в день примерно 6–7 уроков. На наш взгляд, эта нагрузка была слишком велика для непривыкших к интенсивному обучению студентов.

Послеобеденное время было посвящено подготовке к урокам, прогулкам, кружковой и клубной работе³⁶. Была предусмотрена активная образовательная деятельность – тематические лекции, собрания обществ, ячейки ВЛКСМ. Так, по четвергам проходили лекции В.Г. Богораза-Тана по общему народоведению³⁷. Велась постоянная работа кружков МОПР, ОДН, ОДВФ, помощи беспризорным; Северного кружка, рассматривающего вопросы «о необходимости изучения» Северного края и «разрешения практических вопросов»³⁸. На рабфаке выпускалась стенная газета «Енукидзовец», включавшая в себя отделы «Наш быт», «Работа на местах», «Кружковая работа» и пр. Каждый из рабфаковцев нес общественную работу: секретаря кружка культсмычки, председателя ячейки ОДН; по учебной линии – группового старосты, заведующего кабинетом, дежурного по столовой и др. Такая деятельность должна была готовить севфаковцев к предстоящей общественной работе³⁹.

Таким образом, как мы видим, мероприятия по подготовке студентов к работе по специальности в основном велись после общеобразовательных предметов.

Кроме этого рабфаку отводились места в местных кино- и театрах, его творческие коллективы выступали на вечере быта туземцев Севера, устраиваемом в помещении б. Мариинского театра⁴⁰.

В 1927 г. В.Г. Богоразом в качестве дальнейших планов по развитию Северного рабфака, в дополнение к общему образованию, предлагалась идея введения специализации по двум уклонам. Во-первых, технического и ремесленного обучения по отраслям, наиболее необходимым для северных туземцев, как то: меховому, скорняжному и кожевенному делу, плетению рыболовных сетей, резьбе по кости и пр. А во-вторых, обучения кооперативному делу для обслуживания интегральной туземной кооперации на крайнем Севере в качестве инструкторов, техников и организаторов⁴¹. Действительно, впоследствии, по мере развития рабфака и выделения его в отдельный Институт, многое было изменено и улучшено, но это уже предмет для обсуждения в отдельной статье.

Таким образом, со стороны организаторов проекта по обучению в 1920-е гг. в Ленинграде представителей малых народов Севера в соответствии с интересами Советского государства, на наш взгляд, были созданы весьма подходящие условия для подготовки будущих советских работников в области общей и технической культуры на местах. Конечно, нельзя не указать и на ряд недостатков: так, при подготовке проекта не были приняты во внимание такие его специфические особенности, как удаленность территорий проживания абитуриентов, культурные и бытовые различия, необходимость в подготовке специальных материалов, опирающихся на доступные студентам понятия, и т. п. Однако многие из возникших проблем с разной степенью успешности решались по ходу учебного процесса. Поэтому с нашей точки зрения опыт обучения представителей коренных малочисленных народов Севера с 1925 по 1930 г. в Ленинграде можно считать положительным.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 61–62.

³⁸ Тайга и тундра. Издание Северного кружка при Северном факультете Ленинградского Восточного института. Ленинград: типография «Красной газеты» имени М.Б. Володарского, 1928. № 1. С. 1.

³⁹ *Богораз-Тан В.Г.* Северный рабфак. С. 60–61.

⁴⁰ Там же. С. 62.

⁴¹ Там же. С. 63.

Проблемы интеллектуальной истории глазами молодых исследователей

П.А. Алипов

Предисловие

Внимание читателей журнала «Гуманитарный акцент» предлагаются два исследования, выполненные в рамках конкурса «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ» и составляющие часть большого проекта «Проблемы интеллектуальной истории глазами молодых исследователей». Определяя его цель, мы с молодыми коллегами из числа студентов и аспирантов факультета истории, политологии и права (историков) прежде всего исходили из осознания острой необходимости развития и продвижения столь актуального и перспективного направления исторической науки среди молодых ученых. С административной точки зрения, не менее важна и задача организационно-стратегического порядка – содействовать подготовке будущих кадров для педагогической и научной работы в высшей школе, прежде всего в Российском государственном гуманитарном университете.

В настоящее время российская историческая наука во многом отказывается от старых позитивистских подходов, прочно укоренившихся в исследовательском пространстве еще с середины XIX в. и подкрепленных опытом советской историографии. Поиск новых методологических оснований осуществляется историками в различных направлениях на плюралистической основе. Одним из наиболее привлекательных и в то же время в недостаточной степени теоретически проработанных направлений в отечественном гуманитарном пространстве сегодня выступает интеллектуальная история, уже давно обретшая заслуженное уважение у исследователей за рубежом.

Студенты и преподаватели факультета истории, политологии и права активно включены в освоение нового методологического инструментария. На протяжении длительного времени под эгидой кафедры истории и теории исторической науки здесь функционирует студенческое научное общество «Клуб молодых историков ФИПП», на заседаниях которого проблематике интеллектуальной истории уделяется повышенное внимание.

Все участники проекта апробировали собственные исследовательские траектории в рамках тематических встреч Клуба, а также в статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых журналах России.

Научный руководитель проекта П.А. Алипов (канд. ист. наук, доцент кафедры истории и теории исторической науки ФИПП ИАИ)

является специалистом в области историографии и методологии истории. В центре его исследовательских интересов находятся вопросы интеллектуальной биографики и схолярная проблематика (формирование, развитие и бытование научных школ в историческом сообществе).

Аспирант кафедры истории и теории исторической науки ФИПП ИАИ К.А. Медведев блестяще защитил магистерскую диссертацию по новой социальной истории, проинтерпретировав значительный массив ранее неиспользованных источников, связанных с интеллектуальным и культурным контекстом деятельности полковых священников на полях Первой мировой войны. На страницах этого номера журнала вы сможете познакомиться с его исследованием, посвященным геополитическому и во многом историософскому осмыслению своеобразно понимаемой русскими интеллектуалами рубежа XIX–XX вв. миссии России на Дальнем Востоке.

Студент бакалавриата ФИПП (направление подготовки «История») М.С. Лебедев изучает механизмы выстраивания национальной истории в Японии посредством современных визуальных технологий. Несмотря на юный возраст, он успел принять участие в целом ряде научных конференций в РГГУ и уже имеет полноценную публикацию в журнале «Гуманитарный акцент», издающемся Советом молодых ученых РГГУ. Таким образом, его новая статья о японском кинематографе, посвященном событиям Второй мировой войны, демонстрирует приверженность научным традициям и высокое доверие к редакционной коллегии журнала.

Объединяя усилия целого ряда молодых исследователей в единый проект, мы достигаем более мощного научного эффекта по сравнению с тем, что могли бы дать разрозненные публикации в журналах, никак не связанных друг с другом. Более того, в ходе его реализации значительно усилена диалоговая составляющая. Это, в свою очередь, подразумевает проведение как минимум нескольких научных форумов, конференций, круглых столов, где молодые участники проекта могли бы обмениваться накопленным исследовательским опытом не только друг с другом, но и наладить профессиональные связи с коллегами из других российских вузов.

В частности, 5 июня 2019 г. состоялось заседание межвузовского научного круглого стола аспирантов и магистрантов «Актуальные проблемы исторической экспертизы современных социокультурных проектов», организованное кафедрой истории и теории исторической науки ФИПП ИАИ. На осень того же года намечено проведение серии научных мероприятий, начиная с масштабных молодежных форумов под эгидой Совета молодых ученых РГГУ и заканчивая межвузовской научной конференцией молодых исследователей в сотрудничестве с Историческим парком «Россия – моя история», по итогам которой планируется издать сборник наиболее ярких докладов. Подобные научные коммуникации, в которые активно вовлечены участники нашего проекта, безусловно позволят не только публично озвучить его результаты, но и наметить пути дальнейшего развития с выходом на всероссийский и даже международный уровень.

К.А. Медведев

К Босфору Восточному:
движение России на Дальний Восток
в российской общественной мысли
(конец XIX – начало XX в.)

Статья посвящена изучению элементов исторической памяти в проектах российских мыслителей конца XIX – начала XX в. по освоению дальневосточного пространства, которые служат обоснованием исторического присутствия России на берегах Тихого океана. В процессе исследования автором анализируются представления государственных деятелей, военных, публицистов, историков, философов об историческом движении Российского государства в восточном направлении. Представленные выводы позволяют дополнить общую картину российской интеллектуальной традиции в сфере осмысления геополитических процессов на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: Дальний Восток, историческая память, общественная мысль, самодержавие.

На протяжении веков Россия расширяла свои пределы, включая постепенно все новые, порой весьма отдаленные от центра территории. Пожалуй, ни в одном направлении Российскому государству не удалось достигнуть столь заметных успехов, как на Востоке, где русский народ еще в XVII столетии оказался перед лицом естественной преграды в виде бескрайнего тихоокеанского пространства.

К концу XIX в. Дальний Восток уже не одну сотню лет находился во владениях Романовых. Впрочем, именно рубеж столетий, ознаменовавшийся восшествием на престол молодого императора Николая II, характеризуется заметным повышением внимания к рассматриваемому региону. Дальний Восток в указанный период вполне оправдывал свое название, оставаясь далекой от центральной России территорией в географическом, административном и даже культурном отношении.

Обращение политики империи на Восток вместо не оправдавшего надежд западного направления выразилось как в реализации крупных экономических проектов государства, квинтэссенцией которых стало строительство Транссиба, так и в наличии определенных перемен в интеллектуальной сфере. Характерной особенностью русской общественной мысли рубежа XIX–XX вв. было появление различных проектов дальнейшего продвижения России на Дальний Восток с последующим освоением региона.

Тихий океан вовсе не воспринимался российской общественностью как естественный предел. Проекты освоения Дальнего Востока содержали в себе самую разную информацию: от стремления найти оптимальные рубежи государства до изучения экономического потенциала региона и поиска возможных союзников империи в Азии. Соответствующий корпус идей, высказывавшийся отечественными историками, политиками, военными деятелями, публицистами, стал отправной точкой той сферы научного знания, что в дальнейшем получит название «геополитика».

Данный «геополитический» дискурс содержал в себе весьма любопытный элемент. Проекты отечественных мыслителей зачастую включали в себя обоснование исторического присутствия России на Дальнем Востоке. Иными словами, движение империи в восточном направлении обуславливалось интеллектуалами как вполне закономерное и исторически оправданное действие.

Подобные идеи примечательны тем, что содержат в себе важные компоненты исторической памяти российского общества рубежа XIX–XX вв. Мыслители стремятся подтвердить свои положения при помощи циркулировавших в данный период идей относительно сущности Российского государства. Историческая память в первую очередь отличается от исторического знания тем, что, как правило, основывается на иррациональном подходе к познанию прошлого. Положения, закрепленные в исторической памяти общества, чрезвычайно сильны и являются обоснованием действий государства при решении тех или иных вопросов. В этой связи весьма любопытным представляется то, какие «исторически» обусловленные мотивы явились, с точки зрения отечественных мыслителей, побудительным мотивом продвижения России на Дальний Восток.

В опубликованном в 1869 г. сочинении «Россия и Европа» Н.Я. Данилевский сравнил описываемые в труде культурно-исторические типы с многолетними одноплодными растениями¹. Подобное заключение известного русского ученого весьма примечательно, поскольку свидетельствует об имевших место как в интеллектуальной среде, так и в российском обществе представлениях.

Свободный «рост» Российского государства на Азиатском континенте был сопоставлен М.В. Грулевым с ростом «здорового дерева, широко раскинувшего свои обширные здоровые ветви...»². С точки зрения военачальника, расширение пределов России является вполне закономерным явлением. Ведь освободившись от оков татарского ига, Русь продолжила свой естественный рост, как то делает всякий организм, получивший для этого все необходимое³.

¹ См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. М., 2008. С. 114.

² Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб., 1909. С. 1–2.

³ См.: Там же.

Позитивистские идеи в XIX в. привнесли в историю не только методы естественных наук, но и представления об историческом процессе, основанные на наблюдении за природной реальностью. Государство, таким образом, стало элементом природы, живым организмом, который, как и всякий представитель флоры и фауны, имеет путь рождения, развития, увядания и смерти.

Органическая концепция российской истории стала важной частью отечественной историографии позапрошлого столетия. Впрочем, высказывавшиеся историками идеи выходили далеко за рамки привычного научного знания, тесно переплетаясь с общественными представлениями о прошлом.

Во второй половине XIX в. русская мысль все больше обращала внимание на монгольский период российской истории, оставивший, с точки зрения ряда авторов, глубокий след в национальной душе русского народа⁴. Впитав в себя элементы монгольской культуры и заняв место рухнувшего ига, Россия, с точки зрения военачальника и публициста А.Е. Вандама, унаследовала от Татарии и ее отношение к азиатским государствам⁵. На смену одной империи пришла другая. Одаренный, с точки зрения мыслителя, практическим смыслом и творческой энергией русский народ должен вернуться на путь, обозначенный Провидением⁶.

Азия – естественный рубеж для дальнейшего развития России. Заложенный еще со времен Батюга контакт между русскими и азиатскими культурами должен был послужить, с точки зрения другого публициста, крестника Александра III – П.А. Бадмаева, основанием для реализации интересов России на континенте⁷. Такова судьба России, определенная ее тысячелетней историей. Русская история, по мнению отечественного историка Е.Ф. Шмурло, характеризуется неудержимым, фатальным ростом государственной территории⁸. И рост этот происходит именно в восточном направлении. Государство как организм, оказавшись под влиянием судьбы, ищет себе простора, пробивает путь к берегам Тихого океана.

Восток, в представлении русской общественности, был единственным местом, где Россия могла дать волю своему расширению. Обусловленное историей движение, развитие государственного организма должно было продолжаться. Его же прекращение, по мнению публициста И.И. Дусинского, «вместо ожидаемого в итоге развития красавца-богатыря дало бы миру просто очень большого уroda»⁹.

Монгольское влияние, поход Ермака, «нерчинское недомыслие» 1689 г., отодвинувшее Россию от ее естественных рубежей и возвращение на прежние позиции благодаря упорной деятельности Н.Н. Муравьева-Амурского, стали неотъемлемыми лейтмотивами русской общественной мысли при осмыслении восточного пути империи. Рост государства тесно переплетался в понимании мыслителей с примечательными моментами многовековой российской истории. Впрочем, элемент судьбы, предначертанной России, также выдвигался в качестве важного побудительного мотива исторического движения на Дальний Восток.

⁴ См.: Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. С. 86.

⁵ См.: Вандам (Едрихин) А.Е. Геополитика и геостратегия. М., 2002. С. 57.

⁶ См.: Там же. С. 51.

⁷ См.: Записка Бадмаева Александру III о задачах русской политики на азиатском Востоке // За кулисами царизма: архив тибетского врача Бадмаева / Под ред. и со вступ. ст. В.П. Семенова. М., 2011. С. 65.

⁸ См.: Шмурло Е.Ф. Передовая статья из газеты «Санкт-Петербургские ведомости» «Россия на берегах Желтого моря (Историческая справка)» // Коренные интересы России глазами ее государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов. М., 2004. С. 191.

⁹ Дусинский И.И. Геополитика России. М., 2003. С. 41.

Восточный путь России воспринимался русской общественностью также в прямой зависимости с другими факторами, в частности географическим. Положение России во многом объясняло, по мнению А.Е. Вандама, инстинктивное стремление русского народа «к солнцу и теплой воде»¹⁰. Во многом от успехов в поиске столь важной «теплой воды» зависела, согласно взглядам публициста, борьба государства за свое существование.

Три столетия царствования Романовых воспринимались русской интеллектуальной традицией как три столетия поиска империей выхода к морю. Стремление обрести бескрайний океанский простор порой соединялось с другими историческими приоритетами России. «Давно понимали на Руси, – отмечал публицист Л.Г. Жданов, – что только то государство, которое обладает морями, имеющими свободный выход на водный простор океанов, может считать себя могучим, может надеяться на мировое значение, на полное развитие своих природных сил»¹¹. Противоречивые итоги Русско-турецкой войны (1877–1878 гг.), те многочисленные препятствия, что возникли перед Россией во время ее присутствия на Балканах, стали серьезным мотивом для империи устремить свои усилия в противоположном направлении. Столь желанный Константинополь, который являлся для отечественных мыслителей не только историческим приоритетом, но важным стратегическим пунктом, который мог бы обеспечить России выход из Черноморского бассейна, не стал достоянием Петербурга. Это повлекло за собой перемены в общественном мнении: место Босфора Западного занял Босфор Восточный.

Поиск незамерзающего порта в конце концов привел Россию к аренде в 1898 г. Порт-Артура у Китая. После трехвекового поступательного движения на Восток империя, согласно А.Я. Максимову, прочно основалась на берегах Великого океана¹². Успехи государства позволили активизироваться морскому министерству¹³, которое до этого было сковано в своих начинаниях географическим положением России. В записке об усилении русского флота на Тихом океане Великий князь Александр Михайлович не только отмечает важность укрепления морского присутствия империи в регионе, но сравнивает восточный путь России с продвижением к Балтийскому и Черному морям российских самодержцев¹⁴. Как Великий Петр и Великая Екатерина связывали Россию с Европой в XVIII столетии, так Николаю II предстояло, с точки зрения Великого князя, скрепить Россию с дальневосточным миром¹⁵.

Роль «государственных людей» в продвижении империи на Восток отмечал в своей работе и А.Я. Максимов¹⁶. Приобретение выхода в Тихий океан, по мнению российского дипломата Р.Р. Розена, дало, наконец, возможность России стать морской державой и тем самым обеспечить себе то значение, которое сулило империи история и которое предугадывал дальновидный гений Великого Петра¹⁷. «Стихийное влечение к морям, начавшееся задолго до Петра, при Петре приняло вид страстного прорыва»¹⁸ – отмечал в своем очерке заслуги самодержца М.О. Меньшиков.

¹⁰ См.: Вандам (Едрихин) А.Е. Указ. соч. С. 30.

¹¹ Жданов Л. Движение России на Дальний Восток (к берегам Великого Океана). СПб., 1904. С. 58.

¹² См.: Максимов А.Я. Наши задачи на Тихом океане. СПб., 1894. С. II–III.

¹³ См.: Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX в. Омск, 2004. С. 331.

¹⁴ См.: Великий князь Александр Михайлович «Записка об усилении русского флота на Тихом океане» // Коренные интересы... С. 66.

¹⁵ См.: Там же. С. 67.

¹⁶ См.: Максимов А.Я. Указ. соч. С. III.

¹⁷ См.: Розен Р.Р. Записка о положении России на Крайнем Востоке // Коренные интересы... С. 126.

¹⁸ Меньшиков М.О. Из очерка «О воде живой и мертвой» в газете «Новое время» // Коренные интересы... С. 322.

Достижения героев, прокладывавших путь России к морю, весьма ревностно отстаивались русскими мыслителями. Поворот назад, отказ от завоеванных позиций на Дальнем Востоке воспринимался Л.Г. Ждановым как уничтожение работы нескольких веков, уничтожение труда умных, смелых и преданных родине людей¹⁹.

Поиск моря стал важной частью русского общественно-политического дискурса рубежа XIX–XX вв. Хотя некоторые мыслители, в частности Ю.С. Карцов, весьма скептически относились к заявлениям о тождестве «морской» политики России времен Екатерины Великой и Николая II²⁰, исторический путь государства в данном направлении был важным мотивом для дальнейшей реализации империей своих планов на Дальнем Востоке. Подобный ход мысли подкреплялся при помощи еще одного тезиса – о колониационной сущности русского народа.

Согласно В.О. Ключевскому, одним из ключевых элементов в истории Российского государства является процесс колонизации, которая еще в эпоху Древней Руси приводила либо к объединению, либо к дроблению княжеств. Таким образом, миграция русского населения, освоение государственных окраин оказывали непосредственное влияние на исторический путь России²¹.

Процесс освоения новых территорий не иссяк и в XIX столетии. Обеспечение крестьянства новой пахотной землей было одним из элементов оправдания Петербургом своей экспансии на Дальнем Востоке²². В то же время ряд русских мыслителей пытались подчеркнуть, что достижение империей Тихого океана является следствием длительного колониационного процесса.

Господин Великий Новгород, согласно Л.Г. Жданову, еще за 700 лет до выдвигания крупных дальневосточных проектов обращал свои взоры на восточные окраины²³. Русский народ есть племя земледельческое, привыкшее к привольной жизни на широких просторах. Этим Русь и отличается от Европы, чьи жители теснятся в многолюдных городах, и именно это побуждает русский народ искать все новые территории для расселения²⁴.

Стремление отделить Россию от Европы наблюдается и в творчестве известного русского журналиста С.Н. Сыромятникова. В своем труде «Опыты русской мысли» С.Н. Сыромятников пытается продемонстрировать, что Российское государство подобно Америке в деле освоения земель, а Восток является не просто колонией, но зародышем новой России²⁵. На рубеже XIX–XX вв. приморские переселенцы выполняли ту же самую работу, что творили их предки десять столетий назад²⁶.

Освоение новых земель, с точки зрения журналиста Д.Г. Янчевецкого, обусловлено не столько сущностью русского колониализма, сколько численностью населения, требующего богатой почвы и лучшего климата. В то же время Россия не может просто отказаться от завещанного им предками наследия в виде дальневосточных пространств²⁷.

Упомянутый выше С.Н. Сыромятников является одним из наиболее известных представителей направления, которое в русской интеллектуальной традиции получило наименование «восточни-

¹⁹ См.: Жданов Л. Указ. соч. С. 80.

²⁰ См.: Карцов Ю.С. В чем заключаются внешние задачи России. СПб., 1908. С. 24.

²¹ См.: Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. 1: Курс русской истории: Ч. 1. М., 1987. С. 49.

²² См.: Ремнев А.В. Указ. соч. С. 321.

²³ См.: Жданов Л. Указ. соч. С. 4.

²⁴ См.: Там же. С. 7.

²⁵ См.: Сыромятников С.Н. Опыты русской мысли. СПб., 1901. С. 8.

²⁶ См.: Там же. С. 17.

²⁷ См.: Янчевецкий Д. Гроза с Востока. Ревель, 1908. С. II–III.

чества». На рубеже XIX–XX вв. сторонники этого течения, равно как и ряд других мыслителей, были убеждены в культурной близости российской и азиатских культур. Мотивом исторического движения России на Восток, таким образом, стала цивилизационная сущность империи, а главным выразителем этой сущности явился русский царь и самодержавие как политический институт. В результате российский монарх становился тем элементом, который не только обеспечивал законность присутствия России на Дальнем Востоке, но и закреплял это право в историческом сознании современников.

Размышляя о восточных делах России, Л.Г. Жданов отмечает, что еще при Михаиле Федоровиче народы Сибири и Дальнего Востока куда охотнее несли русским властям дань, когда знали, что поступают под опеку Белого царя, о котором не одну сотню лет ходят чудесные рассказы²⁸. Об этом же пишет А.Я. Максимов: у корейцев существует легенда о Белом царе, который должен стать их спасителем, избавителем от произвола страшных правителей²⁹. И этим царем должен стать именно русский государь.

Современные исследователи отмечают, что архетип империи как носительницы сакральной власти занимал важное место у русской общественности в процессе осмысления дальневосточной политики³⁰. Следствием этого стало стремление мыслителей противопоставить экспансию европейских держав в Азии культурному проникновению России. Как отмечает известный представитель «восточничества» князь Э.Э. Ухтомский, «можно провести весьма замечательную параллель между тем, как почти одновременно двигались на Восток и мужественные португальцы, и наши казаки»³¹. Русский народ, в отличие от европейцев, под руководством Белого царя шел в Азию не обогащаться и повелевать³². Задача его была нести истинную власть и веру восточным народам.

Дальневосточные проекты порой тесно переплетались в умах интеллектуалов с традиционной задачей укрепления рубежей «Православного царства»³³. Наиболее отчетливо это можно наблюдать в творчестве Л.А. Тихомирова. С точки зрения философа, перед Россией на Дальнем Востоке стоит задача нравственно-назидательная. Приобщение азиатских народов к русской культуре, к православному учению должно стать наиважнейшей задачей Российского государства³⁴.

«Достоверное известно также, – отмечает П.А. Бадмаев, – что различные сибирские племена, особенно буряты и монголы, мечтали о подданстве русским царям»³⁵. Весь Восток исторически симпатизирует России, а русский царь предстает у азиатских народов белым царем-богатырем³⁶.

Как видно из приводимых примеров, историческая память была неотъемлемым элементом русского общественно-политического дискурса на рубеже XIX–XX вв. Иррациональная по своей сути, основывавшаяся на мифологизированных представлениях, но при этом содержащая в себе достижения научного знания, историческая память была отличным средством для подтверждения отечественными мыслителями своих позиций относительно присутствия Российского государства на Дальнем Востоке.

²⁸ См.: Жданов Л. Указ. соч. С. 21.

²⁹ См.: Максимов А.Я. Указ. соч. С. 83.

³⁰ См.: Межуев Б.В. Моделирование понятия «национальный интерес» (На примере дальневосточной политики России конца XIX – начала XX века) // Политические исследования (Полис): научный и культурно-просветительный журнал. 1999. № 1. С. 36.

³¹ Ухтомский Э.Э. К событиям в Китае. СПб., 1900. С. 10.

³² См.: Там же. С. 31.

³³ См.: Филиппова Т.А. В царстве «Белого Царя». Методы стабилизации поздней империи // Новый мир России. Форум японских и российских исследователей: К 60-летию профессора Вада Харуки. М., 2001. С. 176.

³⁴ См.: Тихомиров Л.А. Христианские задачи России и Дальний Восток. М., 1900. С. 3–4.

³⁵ См.: Записка Бадмаева Александру III... С. 58.

³⁶ См.: Там же. С. 59.

Предлагаемые российской интеллектуальной элитой проекты, как правило, характеризовались апелляцией авторов к необходимости завершения исторического пути России на Востоке. Ошибки и уступки, сделанные государством в прошлом, по мнению отечественных мыслителей, не позволили империи добиться желаемого ранее. Поиск «теплого моря» и новой земли наряду с обращением в свое подданство азиатских народов должны были быть осуществлены в царствование Николая II.

Характерной чертой русской мысли на рубеже XIX–XX вв. стало все большее отдаление интеллектуального дискурса от воззрений о сугубо европейской сущности России. Хотя очень многие мыслители, особенно в среде военных деятелей, продолжали отстаивать европейский путь государства, в общественном сознании он потерял исключительно доминирующее положение под воздействием как «восточнических» альтернатив, так и представлений об уникальной российской культуре.

Вызревавшие в общественной мысли проекты освоения Дальнего Востока являются важной частью консервативной традиции России. Выдвигавшиеся русскими интеллектуалами идеи, зачастую различаясь в понимании путей освоения региона, всегда сходились в одном: движение России на Восток во многом зависит от прочности самодержавия и направлено на укрепление его позиций как внутри империи, так и за ее пределами. Власть императора исторически обусловлена и является неотъемлемым условием успешной реализации внешнеполитических задач.

Наконец, историческая память, нашедшая отражение в творчестве отечественных мыслителей, сыграла важную роль в присоединении Дальнего Востока к остальной России на ментальном уровне. Хотя к началу XX в. дальневосточное пространство уже на протяжении сотен лет входило во владения русских императоров, в общественном сознании данный регион воспринимался скорее как колония, нежели фактическая часть России. Закрепление в памяти социума «исторического» движения империи в восточном направлении вместе с реализацией ряда экономических проектов стали залогом включения Дальнего Востока в российскую «ойкумену».

М.С. Лебедев

Вторая мировая война в японском кинематографе (80-е гг. XX в. – начало XXI в.)

В работе рассматривается проблема интерпретации событий и итогов Второй мировой войны в японском кинематографе 80-х гг. XX в. – начала XXI в., выявляется трансформация оценок и взглядов японских режиссеров на роль своей страны в глобальном конфликте. Автор приходит к выводу, что к концу двадцатого столетия происходит изменение в характере освещения хода и последствий Второй мировой войны в японском кино. Лейтмотивом становится тема виктимности Японии как наиболее пострадавшей стороны. С начала XXI в. происходит еще один переход – режиссеры кинематографа начинают романтизировать данный период, воспринимая его в качестве источника ностальгии.

Ключевые слова: Япония, Вторая мировая война, японский кинематограф, история памяти, Тихоокеанский театр военных действий.

Шаг за шагом Вторая мировая война перестает быть сюжетом актуального политического дискурса и все больше уходит на страницы истории. Возможно, именно поэтому темы войны в кино звучат заметно реже, чем в первые послевоенные десятилетия, когда японский кинематограф наполовину состоял из военных фильмов. Сама по себе фильмография Японии первых послевоенных десятилетий является достаточно изученной с точки зрения затрагиваемых проблем, художественных образов и приемов. Кино 1940–1970-х гг. было подробно разобрано как японскими исследователями¹, так и киноведами других стран². Последующий же период развития кинематографа и связанная с ним трансформация национальной исторической памяти японцев была затронута в гораздо меньшей степени, несмотря на то, что именно с конца XX в. и до сегодняшнего дня происходят кардинальные изменения в характере освещения событий Второй мировой войны.

Одним из первых фильмов, разорвавших негласную «цензуру» того времени, была картина «Великая японская империя»³,

¹ *Ивасаки А.* История японского кино. М.: Прогресс, 1966. 330 с.; *Сато Т.* Кино Японии. М.: Радуга, 1988. 224 с.

² *Генс И.Ю.* Меч и Хиросима: Тема войны в японском киноискусстве М.: Искусство, 1972. 138 с.; *Richie D.* A Hundred Years of Japanese Film. NY: Kodansha International, 2005. 320 p.

³ Великая Японская империя (Dai Nippon teikoku); Производство: Япония; продолжительность: 180 мин; премьера: 07.08.1982; режиссер Тосио Масуда.

которая эпизодично описывает весь ход войны, начиная от подготовки вплоть до ее окончания. Главным героем является Тодзио Хидеки, японский премьер-министр, ответственный за развязывание войны. Тодзио проходил в Токийском трибунале в качестве главного обвиняемого и был в итоге приговорен к повешению. По сравнению с множеством более ранних картин здесь мы впервые видим Тодзио как героя, играющего большую роль в истории, более того, он приобретает «человеческие» черты: трогательно-заботливое отношение к семье, безукоризненное исполнение долга, благородное самопожертвование на благо родины.

По сюжету фильма после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки император красноречиво высказывает свое мнение о необходимости прекращения войны ради защиты народа от дальнейших бед. Тодзио Хидеки решается на доблестный поступок: он отказывается от самоубийства и соглашается быть судимым на трибунале, чтобы взять всю вину на себя, тем самым защитив императора от нападков представителей иностранных государств. На самом трибунале, получив слово, Тодзио говорит: «Этот трибунал – спектакль для утверждения политических намерений победителей». Сцена с трибуналом представляется очень важной, так как посредством нее режиссер высказывает идею о том, что Япония – не агрессор (война была обусловлена объективной необходимостью), а жертва правосудия победителей.

Идея жертвенности Японии оказывается наиболее подходящей национальному интеллектуальному пространству с конца 1980-х гг. Начиная с этого времени появляется достаточно большое количество как художественных, так и документальных фильмов, посвященных атомным бомбардировкам. Применение нового оружия со стороны США позволяет японцам перевоплотиться в образ жертвы.

Так, в 1989-м г. на экраны выходит фильм «Черный дождь»⁴, снятый на основе одноименного романа Масудзи Ибусэ. Основная идея фильма заключается в раскрытии последствий атомных бомбардировок, того, как они повлияли на людей физически и, самое главное, – психологически. В режиссерской интерпретации люди, пережившие события Хиросимы, несут в себе глубокую психологическую травму, которая выражается прежде всего в боязни заболеть из-за действия взрыва, посттравматических расстройств, искажающих реальность, и т. д. Режиссер намеренно подчеркивает бессмысленность такого акта, как атомные бомбардировки, цена их стала слишком высокой, чтобы каким-либо образом оправдать подобные решения. В фильме вырисовывается кристальный образ Японии как невинной жертвы, которая стала объектом агрессии, а не ее источником.

В 1995 г. был выпущен полудокументальный фильм «Хиросима»⁵. Картина выстроена наполовину из повествовательных эпизодов, в которых актеры играют исторических личностей, наполовину из интервью с представителями трех сторон. По ходу повествования рассказчики приходят к выводу, что сброс атомных бомб был не нужен, так как Япония уже готовилась к капитуляции,

⁴ Черный дождь (Kuroi ame); Производство: Япония; продолжительность: 123 мин.; премьера: 13.05.1989; режиссер Сёхей Имамура.

⁵ Хиросима (Hiroshima); Производство: Канада, Япония; продолжительность: 185 мин.; премьера: 06.08.1995; режиссеры Корёси Курахара, Роджер Споттисвуд.

пытаясь заключить договор с помощью Советского Союза, причем инициатива исходила лично от императора, который еще 22 июня выразил свое желание завершить войну⁶. Стороны соглашались в том, что использование атомного оружия было прежде всего действием политическим, оно должно было продемонстрировать силу и предотвратить советскую экспансию в Азии. Виновником этого решения герои фильма называют американского президента, который долго не хотел идти на уступки японской стороне.

Таким образом, весь фильм так или иначе выстроен для демонстрации виктимности Японии. Сами японцы представлены исключительно пострадавшими, а американцы в своих словах проявляют раскаяние, то есть роли, определенные в первые послевоенные годы, перевернулись – теперь Соединенные штаты стали палачом, а Япония жертвой. В дальнейшем документальные фильмы подобного рода будут возникать достаточно часто.

В 1998 г. на экраны вышел скандальный фильм «Гордость»⁷, который спровоцировал серьезные общественные дискуссии. Главным героем в ленте снова выступает печально известный Тодзио Хидеки, только в данном случае перед зрителем не раскрывается ход войны. Фильм сосредоточен исключительно на описании событий Токийского трибунала. Бывший премьер в своих выступлениях описывает собственное видение причин, хода и итогов Второй мировой войны.

В фильме открыто оправдывается нанкинская резня (вопрос о которой стал особо актуальным в японо-китайских отношениях начиная с 1970-х гг.)⁸ Тодзио заявляет, что китайские солдаты переодевались в гражданскую одежду и наносили неожиданные удары по японцам, что вынудило армию применить насилие в отношении мирного населения. Как и в «Великой японской империи», здесь настойчиво транслируется идея о несправедливом суде со стороны союзных держав: если война легальна, то почему на скамье подсудимых оказываются японцы, а не американцы, которые применили атомное оружие и тем самым проявили еще большую агрессию?

Стоит заметить, что с конца 1990-х гг. японский кинематограф впервые после 1950-х снова вступил в стадию подъема, которая продолжается и по сегодняшний день: увеличилось посещение кинотеатров, доля японских фильмов в кинопрокате возросла⁹. С середины нулевых в военном кинематографе Японии формируется долгосрочная тенденция изображения войны в особой манере, характерной для абсолютного большинства современных военных фильмов.

Одной из первых кинокартин XXI в. о Второй мировой войне стал фильм «Ямато»¹⁰. «Ямато» применяет специфический прием, который встречается с завидной регулярностью в военных фильмах и в дальнейшем: историю рассказывает участник событий (в данном случае ветеран войны). Очевидно, что целевой аудиторией послания, которое автор вкладывает в уста своих героев-очевидцев, является молодежь, которая, не имея уже никакого непосредственного контакта с теми событиями, начинает скоростно утрачивать духовную связь с войной. Опыт всегда лучше воспринимается

⁶ Хаттори Т. Япония в войне 1941–1945 гг. СПб.: Полигон, 2000. С. 772–776.

⁷ Гордость (Puraido: Unmei no toki); Производство: Япония; продолжительность: 161 мин.; премьера: 08.08.1998; режиссер Сюнъя Ито.

⁸ Молодяков В.Э. Историческая память японцев // Япония. Ежегодник. 2008. № 37. С. 293.

⁹ Паксютов Г.Д. О японской киноиндустрии языком цифр // Японские исследования. 2017. № 2. С. 51–53.

¹⁰ Ямато (Otoko-tachi no Yamato); Производство: Япония; продолжительность: 145 мин.; премьера: 17.12.2005; режиссер Дзюнъя Саго.

через эмпатию, которая предполагает более иррациональное, эмоциональное понимание рассказа, его «переживание».

Сюжет фильма приурочен к 60-летию окончания войны и затопления крупнейшего японского линкора «Ямато» в результате самоубийственной операции Тэн-Го. Дочь одного из бывших матросов «Ямато» приходит на лодочную станцию с просьбой отвезти ее на место крушения знакового корабля, на ее запрос откликается ветеран флота, который, как выяснилось, оказался сослуживцем отца девушки. Они отправляются в плавание, где главный герой предается воспоминаниям, вновь возвращаясь к событиям войны. В фильме представлен однозначно героический образ японской стороны. Первая часть киноленты вызывает к патриотическим чувствам, показывая сплоченные, дружеские отношения в военном коллективе, пафос военной мощи Японии. Конец фильма представляется символическим: под впечатлением от услышанного, пятнадцатилетний помощник главного героя берется за штурвал лодки, приводя ее в движение. Посыл очевиден – главный герой рассказывает, что поступил на флот в пятнадцать лет, ныне время подвигов завершено, он внес свой вклад в японское процветание, теперь настал черед нового поколения пятнадцатилетних мальчишек брать штурвал в свои руки.

Спустя два года вышел фильм «За тех, кого мы любим»¹¹, продюсером и автором сценария которого выступил Исихара Синтаро, японский политик, приверженец позиций японского национализма и антиамериканизма. Главной темой фильма является осмысление роли пилотов-смертников в войне. В картине вновь используется прием, упомянутый выше, – историю рассказывает очевидец событий. В данном случае роль рассказчика на себя принимает реальная историческая личность – Торихама Томэ, известная поддержкой пилотов ударных отрядов в их последние дни, огромным вкладом в создание музея камикадзе в бывшем поселке Тиран (нынешний город Минамикюсю). Режиссер излагает идеи о героизме летчиков-камикадзе, которые добровольно отдавали свои жизни во славу родины. Создатели ставили своей основной целью реабилитацию образа летчиков-смертников в качестве героев, вокруг которых возможно было бы выстраивать национальную историческую память о Второй мировой войне как о жертвенном подвиге отдельных людей.

В 2011 г. вышло одновременно два фильма на военную тематику, а именно – «Оба – последний самурай»¹² и «Атака на Пёрл-Харбор»¹³. Первая из этих лент повествует о судьбе гарнизона на острове Сайпан, который был оставлен японским командованием. Центральным персонажем является Оба Сакаэ, офицер, руководивший группой солдат, которая вела партизанскую борьбу на захваченном американцами острове вплоть до 1-го декабря 1945 года. Главной идеей фильма становится идея высшего проявления воинской преданности, которая свойственна духу настоящего самурая. Примечательно, что режиссер показывает не только японское, но и американское видение событий на Сайпане: в этом смысле главных героев здесь два – Оба и американский офицер, пытающийся

¹¹ За тех, кого мы любим (Ore wa, kimi no tame ni koso shini ni iku); Производство: Япония; продолжительность: 135 мин.; премьера: 12.05.2007; режиссер Таку Синдзё.

¹² Оба – последний самурай (Taiheiyou no kiseki: Fokkusu to yobareta otoko); Производство: Япония; продолжительность: 128 мин.; премьера: 11.02.2011; режиссер Хидэюки Хираяма.

¹³ Атака на Пёрл-Харбор (Rengo kantai shirei chokan: Yamamoto Isoroku); Производство: Япония; продолжительность: 128 мин.; премьера: 23.12.2011; режиссер Идзуру Нарусима.

наладить контакт с японцами и прекратить сопротивление. В итоге американец выражает свое восхищение военной находчивостью японского офицера. В целом обе стороны конфликта показаны с положительной стороны, американцы предстают достойными противниками, но превосходство остается за японцами: они хоть и проиграли войну, но в лице отдельных героев продемонстрировали свои превосходные военные умения и высокие духовные качества.

Фильм «Атака на Пёрл-Харбор» – очередная лента о японском адмирале Ямамото Исороку, снятая при поддержке военного министерства Японии. Кинокартина поднимает уже знакомые по более ранним фильмам о Ямамото темы причин войны, а также инициирует целый ряд военно-политических дискуссий: по вопросу о Тройственном пакте, о разработке планов войны и т. д. Фигура Ямамото подвергается отчетливой идеализации, он придерживается самурайских принципов чести и достоинства: настаивает на предупреждении США и ведении войны без ущерба гражданскому населению.

В 2013 г. в прокат вышел, вероятно, самый успешный с точки зрения кассовых сборов фильм о Второй мировой войне – «Вечный Зеро»¹⁴. Картина оказалась высоко оценена не только со простыми зрителями, но и японской политической элитой. Однако восприятие произведения не было однозначно положительным. Оно подверглось критике, как в Японии, так и в странах, пострадавших от действий японцев во Второй мировой войне. Лента повествует о судьбах японских летчиков-камикадзе. Сюжет сводится к следующему: брат и сестра на похоронах своей бабушки узнают от матери, что их дедушка не является их биологическим родственником, настоящий же дед погиб во время Второй мировой войны. Внуки принимают за расследование, пытаются понять, каким человеком был их настоящий дедушка. Они выясняют, что он являлся членом специального ударного отряда и умер во время самоубийственной атаки.

Молодые люди устанавливают контакты с выжившими сослуживцами своего деда и навещают их, собирая все больше и больше информации. Оказывается, что их родственник был настоящим асом, летным инструктором, глубоко переживавшим за судьбы пилотов, которых он готовил. Общение с бывшими военными сильно влияет на героев, они проникаются неподдельным чувством патриотизма и гордости за своего предка, хотя до этого вели себя отстраненно, не чувствовали никаких связей с прошлым своего народа. Создатели фильма отчетливо нащупывают проблему исторической памяти. Память о прошлом у нового поколения скоротечно стирается, новые люди в большинстве своем заиклены на мелочах, они оторваны от опыта страны, высмеивают национальную идею.

Режиссер киноленты открытым заявляет, что память о Второй мировой войне находится в большой опасности, ветераны уже доживают свой век и через десять лет никого из них, возможно, уже не останется в живых, а молодежь практически не интересуется войной, расценивая ее как ржавую деталь неприглядного прошлого. Но авторы предлагают решение – героизацию камикадзе как но-

¹⁴ Вечный Зеро (Eien no 0);
Производство: Япония; продолжительность: 144 мин.;
премьера: 21.12.2013; режиссер Дзюнья Сато.

сителей высших самурайских качеств, как образцов преданности и жертвенности во имя родины. Стоит сказать, что явление солдат-смертников с самого своего появления всячески сакрализировалось, имя каждого отдающего свою жизнь в самоубийственной атаке выбивалось на медной табличке и помещалось в святилище Ясукуни, главном месте поклонения душам погибших воинов¹⁵. Именно вокруг них необходимо, по мнению создателей фильма, выстроить нерукотворный монумент, который будет напоминать будущим поколениям о том, что такое быть настоящим патриотом своей страны.

Таким образом, японский кинематограф, посвященный Второй мировой войне, в конце XX – начале XXI в. заметно меняет траекторию своего развития. Можно выделить четкую линию конструирования событий мирового конфликта. Конец 1980-х отличался кардинальной сменой курса по вопросу: кто нас самом деле являлся палачом, а кто жертвой. Если до этого деятели культуры и общественность в целом делали акцент на своей вине (и прежде всего милитаристского правительства) в развязывании войны, калялись в совершенных Японией военных преступлениях, то в интерпретации мастеров конца века все переворачивается вверх дном: теперь японцы предстают жертвой беспричинной агрессии Соединенных Штатов, выразившейся в виде атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Именно отсюда происходит резкий поворот в сторону акцентирования судеб пострадавших городов со всеми трагическими последствиями для их жителей.

Примерно с начала XXI в. к изображению войны начинает повсеместно приплетаться патриотический пафос. Возможно, слишком обнаженным предстает для людей старшего поколения упадок национального духа, предание своей истории забвению со стороны молодежи. Война сильно романтизируется: на экранах изображаются не солдаты, а практически эталоны следования неписанному кодексу бусидо, они доблестны, сплочены, отважны, пренебрегают смертью, смеясь ей в лицо. Продолжает превозноситься личность адмирала Ямамото Исороку, хотя это сложно назвать чем-то новым, ведь знаменитому морскому офицеру был посвящен целый ряд фильмов, снятых гораздо раньше. Впрочем, стоит заметить, что Ямамото погиб еще до окончания войны, не представ перед судом, в связи с чем его «канонизация» протекала значительно проще. Современность же привнесла нечто ранее невообразимое: оправдание высокопоставленных военных, обвиненных союзными державами после войны. Здесь главное место занимает, безусловно, личность бывшего премьер-министра Японии – Тодзио Хидеки. Идеализированная картина прошлого будто бы очищается от всех пятен: авторы находят подходящее объяснение и для развязывания войны, и для Нанкина, чем особенно недовольными, кстати, оказались соседи по региону.

Помимо героев из элиты страны вырисовываются и герои из народа – камикадзе. Не зря на экранах современных военных фильмов сюжет зачастую завязан вокруг темы «специальных отрядов», причем они не ограничены лишь летчиками: внимание уделено

¹⁵ Иванов Ю.Г. Камикадзе: пилоты-смертники. Японское самопожертвование во время войны на Тихом океане. Смоленск: Русич, 2001. С. 488–491.

также и подводникам, пилотам так называемых кайтенов, то есть пилотируемых торпед. Режиссеры настаивают на том, что бойцы, пожертвовавшие своими жизнями, должны расцениваться не как жертвы милитаристской пропаганды, а как люди высших принципов, как объект гордости, вокруг которых и должна выстраиваться национальная память о войне. Все это свидетельствует о нарастающем влиянии возрождающегося национализма в японской общественной мысли. Историю пытаются практически сконструировать заново, взяв за основу не принцип вины, а идею личного героизма отдельных людей, которые в совокупности составляют народ Японии. Кинематографисты чувствуют нарастающий в настоящее время разрыв с прошлым, живая память начинает скоротечно переходить в состояние истории, реконструкции того, чего больше нет¹⁶. Возможно, с этим связано их желание привязывать прошлое к осколкам воспоминаний: личным сведениям и мемориалам.

Если обобщать все вышесказанное, можно заключить, что период с конца 1980-х гг. до начала XXI века можно условно выделить как период *виктимности* Японии, он характеризуется фокусированием на причиненном победившими странами (прежде всего США) ущербе японскому народу, идеей, что агрессия победителей в конце войны значительно перевешивает японские военные преступления, совершенные в ходе мирового конфликта. Учитывая, что страдания и вина – несовместимые в исторических концепциях понятия, одно неизбежно вытесняет другое¹⁷.

Период же с начала нынешнего века удачно будет назвать периодом *ностальгии*. Он характерен романтизацией и идеализацией времен Второй мировой войны и Японской империи в принципе. Эта эпоха воспринимается не иначе, как объект вдохновения, как нечто, из чего можно извлечь урок, вполне применимый и полезный в текущих условиях существования японского общества.

¹⁶ Нора П. Франция – память. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. С. 17–20.

¹⁷ Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 215–216.

Конкурс студенческих научных проектов. Немцы в социально-экономической и культурной жизни Москвы XVIII – начала XXI в.

УДК 378.4(091)
ББК 74.48

З.Ю. Зубкова

Деятельность академика Г.Ф. Миллера в первые годы существования Московского университета

Статья посвящена деятельности академика Г.Ф. Миллера в начальный период существования Московского университета. Особое внимание уделяется обзору и анализу опубликованной переписки ученого с профессорским составом и администрацией учреждения. Переписка помогает составить целостное представление о роли академика в истории Московского университета.

Ключевые слова: Московский университет, Г.Ф. Миллер, И.И. Шувалов, образование, профессора.

Герард Фридрих Миллер (1705, Герфорд – 1783, Москва) – выдающийся ученый XVIII в., который внес значительный вклад в развитие российской науки, образования, истории, географии, архивного дела, археологии, этнографии. Расцвет деятельности Миллера пришелся на тот исторический период, когда в Российском государстве только начиналось становление научной жизни. Будучи вызванным из Герфорда в 1725 г. в только что открывшуюся Академию наук, Миллер незамедлительно приступил к работе. Пользуясь предоставленными возможностями, он не упускал случая получать новые знания и делиться своим заграничным опытом, о чем говорит его активная деятельность в образовательной и культурной жизни государства.

Миллер на протяжении всей своей жизни собирал различные документы, отражающие его научные интересы. В частности, это собрание, составляющее отдельный фонд в Российском государственном архиве древних актов, хранит множество следов осознанного интереса академика к истории учебных и научных учреждений, в особенности Московского университета. В его коллекциях представлены печатные программы, каталоги лекций Университета,

копии и оригиналы речей профессоров, личная переписка с преподавателями, собственные проекты, записки и предложения по вопросам управления Университетом¹. Наличие в портфелях Миллера такого разнообразия документов, связанных с Московским университетом, свидетельствует о том, что академик не только интересовался жизнью университета, но и тесно с ним взаимодействовал.

Тема взаимодействия академика и первого высшего учебного заведения в России является важной, так как она, с одной стороны, помогает восстановить некоторые события из университетской истории, а с другой стороны, расширить наши представления о деятельности Г.Ф. Миллера.

История Московского университета в первое время его существования освещена мало. Это связано прежде всего с пожаром 1812 г., когда сгорела большая часть университетского архива и были безвозвратно утрачены внутренние документы. Но несмотря на это, существуют значимые работы, авторы которых излагают историю университета на основе уцелевших документов. Среди таких трудов можно выделить юбилейное издание истории Московского университета, написанное к столетнему его юбилею ординарным профессором русской словесности и педагогики, профессором Степаном Петровичем Шевыревым; документы и материалы по истории Московского университета в 3-х томах, опубликованные в 1960–1963 гг. благодаря главному библиотекарю отдела редких книг и рукописей библиотеки МГУ Нине Александровне Пенчко; сборники документов по истории Московского университета в 4-х томах, подготовленные Д.Н. Костышиным. Эти работы, а также документы РГАДА помогли составить целостное представление о роли академика Миллера в первое время существования Московского университета.

Г.Ф. Миллер в период становления Императорского Московского университета активно участвовал в приглашении профессоров из Германии для обеспечения университетских кафедр профессорско-преподавательским составом. Выбор в качестве связующего звена между директором и профессорами пал именно на Миллера, поскольку он занимал должность конференц-секретаря Академии наук и имел обширные связи с зарубежными учеными. Так, при помощи Миллера в разное время были приглашены профессора: И.Г. Фроманн, Ф.Г. Дильтей, И.Г. Рейхель, Х.Г. Келлнер, И.Х. Керштенс.

Иоганн Генрих Фроманн прибыл из Штутгарта в 1756 г. для преподавания логики, метафизики и нравоучения по желанию основателя и куратора Московского университета Ивана Ивановича Шувалова². В том же 1756 г. был приглашен Филипп Генрих Дильтей, порекомендованный Миллеру профессором А.Ф. Бюшингом. Д.Н. Костышин во втором томе документов публикует ряд писем А.Ф. Бюшинга Миллеру, касающихся приезда Дильтея. Так, 21 января 1756 г. Бюшинг писал Миллеру: «Главное намерение нынешнего моего письма состоит в том, чтобы сделать известным Вашему Благородию, а через Вас – и в Ваших краях одного знающего чело-

¹ РГАДА. Ф. 199 (Портфели Миллера). Оп. 1. Портфель № 150. Ч. 6. Д. 18. Ч. 17. Д. 9, 15.

² Шевырев С.П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. М.: Унив. тип., 1855. С. 34.

века, с коим недавно познакомился и мимоходом расспросив, приметил, что онный принял бы выгодное приглашение в Санкт-Петербург, ежели б таковое к нему поступило»³. Миллер на это письмо дал положительный ответ, и Дильтей вскоре прибыл в Московский университет, где стал единственным профессором юридического факультета. Он устроил приватный исторический курс по истории, читал публичные лекции по праву. В 1757 г. в Москву прибыл Иоганн Готфрид Рейхель, который занял кафедру немецкого языка и красноречия, и Христиан Готтлиб Келлер, занявший кафедру всеобщей истории⁴. В 1758 г. Миллер приглашает из Лейпцигского университета магистра свободных наук и философии, доктора медицины Иоганна Христиана Керштенса, который занял место профессора химии и металлургии⁵. В Московском университете Керштенс был первым профессором по Медицинскому факультету и по отделению естественных наук, а также первым врачом университетской больницы. Он преподавал теоретическую и экспериментальную физику, минералогию.

Взаимодействие Миллера с профессорами ограничивалось не только приглашением и обсуждением формальных вопросов. На протяжении всего времени своего пребывания в Университете они состояли с ним в переписке, из которой становятся известны некоторые обстоятельства из жизни Университета и самих преподавателей. Например, 26 января 1758 г. Ф.Г. Дильтей писал Миллеру пространное письмо о кознях русского профессора Н.Н. Поповского против коллег: «...В нашем университете происходит столько событий, что я не могу писать Вам обо всем, однако Вы и так узнаете, что господин наш директор находится в Петербурге и что вместо награды за его усердие мы рискуем здесь лишиться всего, поскольку коварство тех, кто желает нам вреда, зашло настолько далеко, что нас всех принимают за пропащих пьяниц. Я покорнейше Вас прошу заступиться за нас перед Его Превосходительством, сказав ему, что тот, кто поехал вместе с господином директором для того чтобы изобразить нас как недостойных, есть не кто иной, как господин профессор Поповский, сам первый пьяница, зашедший в этом пороке столь далеко, что умудрился даже быть избитым простым учителем. Я не говорю уже о его других подобных невоздержанностях. За сим я имею честь оставаться со всевозможным почтением»⁶. Писем подобного содержания опубликовано достаточно, чтобы сделать вывод о том, что к Миллеру относились как к покровителю, а иногда и другу, доверяя ему и часто обращаясь с просьбами.

С просьбами к Миллеру обращалось и руководство Московского университета. Так, Миллер не раз присылал в университет проекты уставов и регламенты Академии наук, учебники и вспомогательные приборы для обучения. Например, в 1756 г. Миллер по просьбе коллежского асессора Московского университета М.М. Хераскова присылал регламент Академии наук (письмо от 2 декабря 1756 г. М.М. Хераскова профессору Г.Ф. Миллеру с благодарностью за присылку регламента Академии наук и просьбой прислать последние речи, произнесенные в Академии)⁷. В 1762 г., когда куратор

³ История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века): Сб. документов. Т. 2: 1756 / Сост., автор вступит. статей и прим. Д.Н. Костышин; Отв. ред. Е.Е. Рычаловский. М.: Academia, 2011. С. 26–28.

⁴ Подробнее см.: *Костышин Д.Н., Рычаловский Е.Е.* Лейпцигские ученые в Московском университете и их письма академику Г.Ф. Миллеру в 1757–1762 гг. // Памятники культуры. Новые открытия. 1999 / Сост. Т.Б. Князевская. М.: Наука, 2000. С. 33–55.

⁵ История Московского университета... Т. 3. 1757 / Сост., автор вступит. статей и прим. Д.Н. Костышин. М.: Academia, 2014. С. 127–130.

⁶ Там же. Т. 4. 1758. М.: Academia, 2016. С. 238–239.

⁷ Там же. Т. 2.

В.Е. Ададуров только приступил к новым обязанностям, он заимствовал у Миллера проекты штатов и регламента Академии наук, чтобы «сообразоваться с ними», поскольку нашел экономические дела не в самом лучшем состоянии⁸. В 1757 г. М.М. Херасков просил у Миллера документы по Академической типографии, чтобы, ориентируясь на них, правильно организовать работу типографии университетской⁹.

Роль академика Миллера в начальный период существования Московского университета значительна. Обладая багажом научных знаний, владея несколькими иностранными языками, он оказывал помощь по различным вопросам, касающимся пополнения учреждения преподавателями, без которых невозможно функционирование учебного заведения; обеспечения Университета учебниками, приборами, документами Академии наук, которые послужили образцами для составления документов университетских. Факт переписки Миллера с профессорами и кураторами дает повод предположить, что академик мог влиять и на принятие различных управленческих решений, поскольку пользовался доверием и расположением.

⁸ Шевырев С.П. Указ. соч. С. 125.

⁹ История Московского университета... Т. 3. С. 372.

Д.Д. Бедоева

Немецкие профессора
в развитии университетского образования
Российской империи в первой половине XIX в.
(на примере Московского
и Казанского университетов)

В первой четверти XIX в. в российских университетах не хватало профессоров. Поэтому они были приглашены из Германии. На основе анализа письменных источников и биографий ученых были выявлены причины переезда их в Россию и изучены их условия жизни. Кроме того, проанализирован вклад немецких профессоров в российскую науку и развитие университетского образования, что привело к повышению их социального статуса в российском обществе.

Ключевые слова: немецкие профессора, Императорский Московский университет, Императорский Казанский университет, наука, образование.

На рубеже XIX в. русская общественность переживала духовный кризис вследствие революционных событий во Франции. Выход из него виделся в отказе от идей французского Просвещения и пропаганде идей немецкого романтизма, которые становились очень популярными. Это явление послужило укреплению культурно-идеологических связей России и Германии, основы которых были заложены еще в XVIII в.

Однако со второй половины XIX в. внешнеполитические и социокультурные отношения двух государств ухудшились. Первое явление связано с нестабильностью внешних связей России и Германии (Франко-прусская война и образование Германской империи). Второе обусловлено усилившимися общественными движениями в Российской империи со второй половины XIX в. Так, западники выступали за принятие немецкого опыта в системе образования, но славянофилы (особенно радикально настроенные члены) были против этого¹.

¹ Кунц Е.В. Иностранцы профессора в штате Московского университета в первой трети XIX века: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 304.

Важным этапом в развитии отношений двух государств было правление Александра I. Именно при нем начинается расцвет университетского образования. Так, в 1802 г. был открыт Дерптский университет, в 1803 г. – Виленский, в 1804 г. – Харьковский и Казанский, а в 1804 г. – Петербургский педагогический институт, который в 1819 г. получил статус университета. В этих учебных заведениях работали не только русские преподаватели, но и немецкие, специально приглашенные.

Целью настоящей работы является характеристика вклада немецких ученых в развитие российской науки на примерах Императорских Московского и Казанского университетов. Для этого были поставлены следующие задачи:

- 1) выявить обстоятельства, приведшие немецких ученых к переезду в Российскую империю;
- 2) установить численность немецких ученых и их научных трудов, работавших на историко-филологических факультетах в Московском и Казанском университетах;
- 3) проанализировать вклад ученых в развитие российской науки.

Выбор рассматриваемых университетов обусловлен тем, что оба университета обладали как общими, так и различными чертами. К первым можно отнести, например, одинаковое денежное обеспечение (ежегодно из Государственного казначейства им выделялось 130 тыс. руб. ассигнациями, т. е. 37 142 руб. 85 коп. серебром)².

Первое отличие заключается во времени образования. Московский университет учрежден в 1755 г., а Казанский в 1804 г. Первый расположен в центральной России и поэтому воспринимается как престижное учебное заведение, а второй расположен на пересечении европейской и восточной культур, что привлекало внимание многих ученых. Однако он считался периферийным.

Впервые немецкие ученые были приглашены Петром I для открывавшейся Академии наук в Санкт-Петербурге из-за отсутствия собственных кадров. По утверждению Д. Дальмана, «в течение 1725 года в Санкт-Петербург прибыли 17 западноевропейских ученых, из них 13 немцев, 2 швейцарца и 2 француза»³.

Здесь стоит обратить внимание на консультантов, сыгравших значительную роль при создании Академии: Готфрида Вильгельма Лейбница и Христиана Вольфа. Именно они способствовали развитию системы приглашения своих земляков ученых или учеников посредством рекомендации их российским чиновникам⁴.

Что привлекло немцев в Российскую империю? Во-первых, им предлагались высокие гонорары (500–2000 руб. в год). Во-вторых, по договору русские власти обязывались: оплачивать переезд в Россию, выплачивать пенсию после соответствующего срока службы⁵, а также обеспечивать жен и детей в случае смерти ученого⁶. В-третьих, можно отметить хорошие условия для работы и проживания в России. Подтверждением этому являются письма Георга Бернгарда Бюльфингера востоковеду и историку Готлибу Зигфриду Бюльфингеру о прекрасных возможностях работы, хорошей библиотеке и лабораториях. Автор писал о том, что ни в одной другой академии

² Жарова Е. Ю. Университетские уставы 1803–1804 гг. // Вопросы образования. 2011. № 4. С. 268–290.

³ Дальман Д. Ученые-путешественники // Немцы в России: три века научного сотрудничества. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 46–61.

⁴ Байер-Тома Г. Миграция немецких ученых в Россию в XVIII – начале XIX в. // Немцы в России: три века научного сотрудничества / Отв. ред. Г.И. Смагина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 39–45; Дальман Д. Указ. соч.

⁵ Андреев А. Ю. Русско-немецкие университетские связи во второй половине XVIII – первой четверти XIX в.: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006 [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/147639/23/Andreev_-_Rossiiskie_universitety_XVIII_pervoi_poloviny_XIX_veka_v_kontekste_universitetskoi_istorii--Evropy.html#n_1033 (дата обращения: 25.01.2019).

⁶ Андреев А. Ю. Лекции по истории Московского университета: 1755–1855. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 240.

или университете ученым не предоставляется «столько гарантий и привилегий»⁷. Христиан Вольф в письме Леонарду Эйлеру, который собирался уезжать в Санкт-Петербург, отмечал, что он отправляется в «рай для ученых»⁸. Такие же положительные отзывы встречались в письмах Христофора Филипповича Роммеля и других профессоров. В-четвертых, немецким ученым предоставлялись университетские квартиры и бесплатные дрова. Так, в XVIII в. была заложена традиция приглашения в Российскую империю немецких ученых.

В 1804 г. был издан Университетский устав, по которому следовало образование новых кафедр в университетах, что должно было повлечь увеличение педагогического состава. Поэтому и возник вопрос об их пополнении. Стоит отметить, что параграф 62 Устава гласил: «...природные Россияне, нужные знания и качества имеющие, должны быть предпочтены чужестранным»⁹.

Несмотря на то что ставка делалась на русских преподавателей, все-таки обратились к практике вызывания иностранцев, так как отечественных кадров не было¹⁰. В связи с этим попечитель Московского университета М.Н. Муравьев писал: «Мы должны были теперь выписать профессоров, чтобы впредь не выписывать»¹¹. Хотя подобное заявление противоречило законодательному правилу зачисления на должность профессора: «§ 60. Когда место Профессора делается праздно, то каждый Профессор того Отделения, к которому он принадлежал, не ранее, как спустя месяц, представляет Ректору имя кандидата, коего почитает достойным занять оное, сочинения его, ежели кандидат вне России или не в Москве находится, и причины служащие основанием к представлению. <...> Ежели Кандидат находится в Москве, то обязан сам представить Совету свои сочинения...»¹², в большинстве случаев попечители нарушали его.

Кроме нехватки отечественных педагогических кадров, были и другие факторы, повлиявшие на приглашение немецких профессоров на службу в российские университеты. Одним из них было желание повысить авторитет университетов. Ведь Российская империя в данный период не относилась к мировым центрам университетского образования. Именитые ученые давали возможность привлечь студентов и повысить качество образования, а также придать значимость учебным заведениям¹³. Другим фактором стало желание влиятельных людей обеспечить своих знакомых работой. Подтверждением тому является учреждение на должность Томаса и Бюнеманна в Казанском университете¹⁴. Некоторую роль в приглашении профессоров сыграли личные предпочтения попечителей. Так, по утверждению А.Ю. Андреева, С.Я. Румовский пригласил М.Г. Германа¹⁵.

Таким образом, возобновилась практика приглашения ученых из Германии. Е.В. Кунц считает, что немецкие профессора принимали приглашения российских властей по следующим причинам: оккупации французскими войсками немецких территорий и закрытие местных университетов, заманчивые условия службы и желание сделать «имя» в *terraincognita*¹⁶.

Забота о пополнении кадров ложилась на попечителей университетов. Почетные члены помогали попечителям в их выборе:

⁷ Дальман Д. Указ. соч.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Жарова Е.Ю. Указ. соч.

¹¹ Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. М.: Из-во МГУ, 2002. Т. 1. С. 414.

¹² Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. Т. 28. С. 1328.

¹³ Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. С. 640.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Кунц Е.В. Реформа М.Н. Муравьева в Московском университете в контексте культурной жизни Европы и России начала XIX в. // Преподаватель XXI век. 2011. № 4. С. 275–283.

«§ 40. Университет удостоивает звания Почетных членов мужей, прославившихся учением и дарованиями, как из природных Россиян, так и из иностранцев. § 41. Польза Университета требует быть в сношении с учеными обществами, и для того Совет в иностранных Государствах из Почетных Членов своих приобщает к себе в сем звании деятельнейших четырех, чтобы к каждому Факультету принадлежал один из оных»¹⁷. Так, Кристофер Мейнерс, будущий почетный член Московского университета, искал и рекомендовал М.Н. Муравьеву именитых ученых. В результате в Московский университет прибыло 11 немецких ученых и преподавателей из Геттингенского, Лейпцигского, Майнцского и Галльского университетов – Ф.Ф. Рейс, И.А. Иде, Ф.Х. Рейнгард, Г.Л. Грелльманн, Г.И. Фишер фон Вальдгейм, Г.Ф. Гофман, Х.Ф. Матеи, И.Ф. Буле, Х.Ф. Гольдбах, Э. Турнейзен, Х.Ю. Штельцер¹⁸.

Попечитель Казанского университета академик С.Я. Румовский, в отличие от Муравьева, не особенное внимание уделял университетским вопросам. За первые полгода попечительства он не написал ни одного распоряжения. Поиск кадров начался в 1804 г., когда был приглашен из Геттингенского университета П.А. Цеплин. Однако С.Я. Румовский был склонен искать ученых в России, поэтому были приглашены: латинист – М.Г. Герман, правовед – Г.Л. Бюнеман, эллинист – М.В. Сторль, натуралист и практикующий врач – К.Ф. Фукс. Все они на момент приглашения уже служили в России. Интересно и то, что два профессора и четверо адъюнктов были наняты из казанской гимназии, которая должна была стать приуниверситетской. В конце 1806 г. С.Я. Румовский пригласил ученых из Геттингенского и Ростовского университетов – Х.Д. Френа, К.Т. Фойгта, И.Г. Неемана, И.М. Томаса. За все время попечительства С.Я. Румовского в Казанский университет было зачислено 19 немецких ученых.

М.Н. Муравьев старался придерживаться Устава 1804 г. и поэтому все приглашенные профессора были избраны на должности Ученым Советом университета. В то время как попечитель Харьковского учебного округа граф С.О. Потоцкий игнорировал данное положение и лично принимал иностранных ученых на службу¹⁹.

Из всех немецких ученых на историко-филологических факультетах преподавало: в Московском университете – 10 человек²⁰, а в Казанском – 24²¹. Следует отметить, что большинство ученых первой половины XIX в. получили образование в Геттингенском, Галльском и Йенском университетах²². Однако со второй половины столетия мы видим перевес в сторону русских университетов, а именно – Санкт-Петербургского и Казанского, что свидетельствует о результатах работы первых приглашенных профессоров, которые сформировали в России собственные кадры.

Стоит уделить внимание вопросу языка преподавания в данных университетах. Первым приглашенным немецким профессором в Казанский университет, как и было написано ранее, был П.А. Цеплин. По поводу условий его приглашения Н.П. Загоскин писал: «этому классу Цеплин обязан был преподавать «в истории наставления» по восьми часов в неделю, притом на «таком из препода-

¹⁷ Полное собрание законов Российской империи.

¹⁸ Петров Ф.А. Немецкие профессора в Московском университете. М.: Христианское из-во, 1997. С. 180.

¹⁹ Андреев А.Ю. Указ. соч.

²⁰ См. приложение 2.

²¹ См. приложение 3.

²² Байер-Тома Г. Указ. соч.

ваемых в гимназии языке (сам Цеплин русского языка не знал), в котором воспитанники более утвердились и с пользой могут слушать оныя»²³. Возникает вопрос: каким иностранным языком российские студенты XIX в. владели на высоком уровне? Ответ на этот вопрос дает А.Ю. Андреев, который утверждает, что при приглашении профессоров учитывалось их знание латыни, так как из-за их незнания русского языка, образовательный процесс был переведен на латынь²⁴. Действительно большинство преподавателей, за исключением французов, читали на латинском языке или немецком²⁵. И.Х. Финке был поражен тем, что в «университетах всех стран, кроме России, науки преподаются на родном языке»²⁶.

За период XIX – начала XX в. немецкими учеными историко-филологического факультета Московского университета численностью 10 человек было написано 110 работ: 82 по истории, 17 по филологии, 11 по философии, две по педагогике, две по политологии и две по географии²⁷. 23 преподавателя Казанского университета написали 73: 24 по истории, 20 по филологии, пять по географии, две по философии и две по экономике²⁸. Учеными были охвачены разнообразные темы в направлениях исследования истории (большинство работ), филологии, философии и т. д. Количество работ, написанных ими, превышало показатели российских профессоров.

Немецкие профессора своими научными работами внесли огромный вклад в развитие российской исторической науки. Учитывая и то, что большое количество работ было опубликовано в университетских газетах для студентов, можно говорить и об их вкладе в развитие университетского образования.

Немецкие профессора способствовали развитию системы высшего образования в Российской Империи не только научными работами. Они принесли традиции немецкой школы, которые к тому времени опережали в своем развитии традиции России. Эту тенденцию в Императорском Московском университете активно поддерживал М.Н. Муравьев. Более того, ученые организовывали научные общества, в которых принимали активное участие совместно со студентами. Желание развить систему университетского образования также можно увидеть в деятельности ректоров-немцев Московского и Казанского университетов.

Ректор Казанского университета И.О. Браун был первым выборным ректором Казанского университета с 1813 по 1819 г. Он создал анатомический театр и обеспечил медицинскую кафедру необходимыми инструментами. О том, что его деятельность на посту ректора была оценена по достоинству, свидетельствует его повторное избрание на эту должность в 1817 г.²⁹

Другой ректор К.Ф. Фукс занимал должность с 1823 по 1827 г. В своем учебном курсе он объединил курсы ботаники и истории естественных наук³⁰. К.Ф. Фукс внес не только большой вклад в развитие университета, но и города. Он занимался лечением жителей города всех сословий, организовал ботанический сад. Также нельзя не отметить успехи К.Ф. Фукса в изучении этнографии, археологии и истории Поволжья. Им была собрана замечательная коллекция птиц и млекопитающих Поволжского региона³¹.

²³ Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования (1804–1904). Казань: типо-литогр. Имп. казанского ун-та, 1902. Т. 1 (1804–1814) [Электронный ресурс]. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003968842#?page=1> (дата обращения: 20.01.2019).

²⁴ Андреев А.Ю. Указ. соч.

²⁵ Роммель Х.Ф. Пять лет из истории Харьковского университета. Воспоминания профессора Роммеля о своем времени, о Харькове и Харьковском университете (1785–1815). Харьков: Унив. тип., 1868. С. 111.

²⁶ Немецкие ученые – профессора Казанского университета / Сост. В.Г. Диц, А.В. Гарзавина, И.А. Новицкая. Казань: Немецкий дом Республики Татарстан, 2004. С. 180.

²⁷ См. приложение 2.

²⁸ См. приложение 3.

²⁹ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета: За сто лет (1804–1904): В 2 ч. / Под ред. заслуж. орд. проф. Н.П. Загоскина. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1904. Ч. 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003976176#?page=3> (дата обращения: 20.11.2018).

³⁰ Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. Кн. 2. Ч. 2. М.: Христианское изд-во, 1998. С. 388.

³¹ Хафизов Г.Г. Карл Фукс и его место в социокультурном пространстве Казанской губернии // Казанский медицинский журнал. 2006. Т. 87. № 5. С. 398–400.

Федор Григорьевич Баузе в 1782 г. поступил на службу в Московский университет. Ф.А. Петров утверждает, что ученый своей вступительной речью 1782 г. и методикой преподавания, заложил основы университетского правоведения в московском университете³². Однако по неизвестным причинам уехал в Германию в 1783 г. и вернулся только в 1786 г. Он входил в комитет 1802 г., задачей которого было рассмотрение новых уставов императорской Академии наук, Российской Академии и Московского университета³³ и составление нового университетского устава. Также Ф.Г. Баузе участвовал в комитете по созданию учебника по истории русской словесности в 1806 г. С 1804 по 1809 г. был директором Педагогического института при Московском университете. В 1807 г. стал ректором университета. Во время ректорства Ф.Г. Баузе собрания библиотеки и музея университета пополнились. Это произошло благодаря переданному Кабинету древностей натуральной истории княгиней Е.Р. Дашковой, а типография продолжала издавать труды членов университета. Также МОИП был присвоен статус «Императорский»³⁴.

Ф.Г. Баузе глубоко изучал российскую историю. Благодаря его исследованиям по русской истории стало известно, что до Петра I культура в России тоже была богата и интересна³⁵. Неслучайно Баузе наряду с курсом римского права было поручено еще и преподавание вспомогательных исторических дисциплин (нумизматики и дипломатики).

Его преемник на посту ректора – Бернград Андреас фон Гейм занимал должность до 1819 г. Он организовал подготовку к экзаменам государственных служащих на повышение в чинах. И.А. Гейм принимал активное участие в организации работы научно-исследовательских обществ университета (Московское общество математиков, Общество любителей российской словесности, Статистическое общество и т. д.). Читал публичные лекции по систематическому обозрению торговли и нумизматики³⁶. В его правление началось строительство Благородного пансиона и анатомического корпуса, воссоздание Музея натуральной истории³⁷. Вел активную университетскую деятельность во время Отечественной войны 1812 г.: был главой Временной комиссии по управлению делами университета, а также восстанавливал университет после пожара³⁸. И.А. Гейм вместе с И.Т. Буле закончили реорганизацию библиотеки³⁹.

Итак, можно сделать вывод, что ректоры немцы занимались не только научной деятельностью⁴⁰, но и активно развивали свои университеты, а некоторые из них принимали участие в формировании системы университетского образования.

Обращение к немецкому опыту в сфере университетского образования в начале XIX в. свидетельствовало о сближении России и германских государств после Французской революции. Под влиянием немецких профессоров в российском обществе начинает пробуждаться интерес к изучению национальной истории. Своей деятельностью немецкие ученые создавали образ университета как престижного учебного заведения, а успехами своей профессиональной деятельности славили не только университет, но и сам город.

³² Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. М.: Христианское изд-во, 1998. Кн. 1. С. 471.

³³ Там же.

³⁴ Летопись Московского университета: В 3 т. Т. 1. 1755–1952 / Авт.-сост. Е.В. Ильченко. М.: Изд-во МГУ, 2004. С. 624.

³⁵ Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX в. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 312.

³⁶ Петров Ф.А. Указ. соч.

³⁷ Там же.

³⁸ Гейм Иван Андреевич (Бернгард Андреас) URL: <https://www.letopis.msu.ru/peoples/543> (дата обращения: 12.04.2019).

³⁹ Летопись Московского университета...

⁴⁰ См. приложение 1.

Приложение 1

Ректоры Московского и Казанского университетов
немецкого происхождения

Императорский Казанский университет				
ФИО	Место рождения	Годы жизни	Годы ректорства	Количество научных работ
Браун Иван Осипович (австриец немецкого происхождения)	г. Веймар	1774–1819	1813–1819	2
Фукс Карл Федорович	г. Херборн (Герборне), княжество Нассауское	1776–1846	1823–1827	25
Императорский московский университет				
Баузе Федор Григорьевич	г. Триптис, Саксония	1752–1812	1807–1808	–
Гейм Иван Андреевич (Бернгард Андреас)	г. Брауншвейг, Нижняя Саксония	1759–1821	1808–1819	6

Приложение 2

Немецкие ученые, служащие в Московском университете
на историко-филологическом факультете

ФИО	Место рождения	Годы жизни	Публикации
Брандт Роман Федорович	г. Санкт-Петербург	1853–1920	11
Вишпер Роберт Юрьевич	г. Москва	1859–1954	7
Герье Владимир Иванович	Московская губерния	1837–1919	17
Герц Карл Карлович	г. Москва	1820–1883	5
Грот Николай Яковлевич	г. Гельсингфорс	1852–1899	9
Кизеветтер Александр Александрович	г. Санкт-Петербург	1866–1933	9
Мальмберг Владимир Константинович	г. Москва	1860–1921	4
Миллер Всеволод Федорович	г. Москва	1848–1913	29
Шварц Александр Николаевич	г. Тула	1848–1915	18
Шпет Густав Густавович	г. Киев	1879–1937	1

Приложение 3

Немецкие ученые, служащие в Казанском университете
на историко-филологическом факультете

ФИО преподавателя	Место рождения	Годы жизни	Публикации
Андерсон Николай Иванович	Эстляндская губерния	1845–1905	4
Базинер Оскар Федорович	–	1857–1909	–
Берг Густав Александрович	г. Гапсаль	1859–1937	2
Берг Леопольд (Лев) Александрович	г. Гаспаль	1847–1916	1
Брикнер Александр Густавович	г. Санкт-Петербург	1834–1896	–
Вейсман Александр Давидович	Ковенская губерния	1834–1913	–
Герман Мартин Готфрид	г. Киндельбрюк (Тюрингенский город)	1754–1822	4
Гримм Эрвин Давидович	г. Санкт-Петербург	1870–1940	2
Каттерфельд Трауготт Иванович	г. Приекуле	1834–1907	–
Краузе Иван Федорович	Прусский уроженец	1787–1839	1
Крюгер Карл Иванович	?	?	–
Миллер Иван Егорович	г. Дрезден	1773–1823	9
Паукер Карл Егорович	г. Елгава	1820–1883	–
Сторль Максимилиан Викентий Людовик	г. Прага	1761–1813	2
Томас Иван Григорьевич	г. Кобург	1770–1823	1
Фатер Фридрих Иванович	г. Галла	1810–1854	12
Фойгт Карл Карлович	г. Нарва	1808–1873	8
Френ Христиан Данилович	г. Росток (Великое герцогство Мекленбург-Шверинское)	1782–1851	14
Цеплин Петр Андреевич (Петр Даниил Фридрих)	г. Росток	1772–1832	8
Шарбе Август Васильевич	г. Либенау	1790–1868	–
Шарбе Алкуин Августович	Пруссия	1823–1873	–
Шарбе Раймунд Августович	Пруссия	1824–1875	4
Эрих Иван Иванович	г. Эрфурт	1755–?	1

Статьи в номер

УДК 130.2

ББК 71.1

Г.И. Несмеянов

Сакральное и идея революции Д.С. Мережковского

В статье проанализирована идея революции в историософской концепции писателя-символиста, публициста Д.С. Мережковского. Его революционные представления рассмотрены в контексте актуализации категории сакрального в интеллектуальной культуре Серебряного века. Адекватное решение этого вопроса предложено искать в предметном поле интеллектуальной истории сакрального.

Ключевые слова: Д.С. Мережковский, Серебряный век, сакральное, революция, история идей.

В условиях дальнейшего развития интеллектуальной истории в России необходимо вовлечение в фокус ее исследования новых объектов. На наш взгляд, особый интерес представляют такие персоны и идеи, которые уже при жизни находились на стыке разных сфер гуманитарного знания (философии, истории, литературы и даже богословия). Кладезем таких объектов является Серебряный век русской культуры. Одним из ярких интеллектуалов этого времени был Дмитрий Сергеевич Мережковский.

В научной литературе судьба Мережковского сложилась неоднозначно. Несмотря на обильное количество исследований, посвященных жизни и творчеству этого человека (и число их продолжает расти с каждым годом), не столь много сделали историки в этом отношении, «отдавая» Мережковского филологам и философам.

Между тем этот писатель-символист воплотил в своем творчестве и в своей жизни весьма характерные и важные для интеллектуальной культуры того времени мыслительные и поведенческие стратегии.

В интеллектуальной культуре т. н. Серебряного века происходили очень важные процессы, связанные, с одной стороны, с радикализацией мысли, с другой – с актуализацией категории «сакрального». Весьма своеобразным способом эти категории переплетались и порождали новые синтетические революционно-религиозные концепции. Мережковский был автором одной из них. Кроме него,

наиболее известна в этом отношении концепция «мистического анархизма» Вяч. Иванова и Г.И. Чулкова, также вышедшая из символистской интеллектуальной среды. Помимо прочего, маркерами эпохи стали такое явление, как религиозная философия, и возросший интерес интеллигенции к сектам и разного рода мистическим практикам¹. В связи с этим можно говорить о реабилитации «сакрального».

Изначально это понятие было связано с изучением обрядовых практик малых народов, но такие теоретики сакрального как Э. Дюркгейм, М. Мосс, Р. Кайуа, Р. Отто, а также М. Элиаде и Ж. Батай возвели его на более высокий, отрефлексируемый теоретический уровень. Понятия теории сакрального позволяют по-новому взглянуть на идею революции Д.С. Мережковского, и шире – символистов. Также в 2012 г. был издан труд известного интеллектуального историка, филолога Сергея Зенкина «Небожественное сакральное», затронувшего проблематику интеллектуальной истории сакрального.

Сам Мережковский не использует понятие «сакральное», но в его лексиконе наиболее близким по смыслу (хотя и не исчерпывающим) является понятие «религиозное». Сакральное нельзя искать в конкретном понятии или понятиях. Не всякое употребление понятия «революция» Мережковским созвучно сакральному.

Что есть сакральное? Задаваясь этим вопросом, С.Н. Зенкин в работе «Небожественное сакральное»² отвечает, что «итоговой, окончательной дефиниции сакрального здесь нет и быть не может»³. Но сакральное образует основу всех религиозных переживаний, обрядов и институций⁴. Очертить признаки, контуры, условия сакрального позволяет интеллектуальная история сакрального, что было продемонстрировано Зенкиным в вышеуказанной работе и что мы будем использовать как инструмент анализа.

Среди современников и исследователей творчества Мережковского существует представление, согласно которому его идея революции чрезвычайно оторвана от жизни, от исторической действительности. Его называют человеком «книжной» культуры, невероятно эрудированным, но живущим в книгах – не в «истории». С этим можно спорить, приводя примеры из биографии писателя и доказывая связь трансформации его идей и социально-политическим контекстом начала XX в., но можно также попробовать объяснить эту «оторванность» теорией сакрального.

Один из видных теоретиков сакрального, М. Элиаде выделял особенную неоднородность сакральных пространства и времени. Одним из ключевых понятий его теории является «Время Оно» – время первотворения, когда не существовало трагического разрыва сакрального и профанного. Отличительная черта священного времени в том, что оно обратимо⁵, связь сакрального и профанного не утрачена бесповоротно. Более того – профанное время близится к своему завершению, к катастрофе, после которой вновь наступит Время Оно⁶. Оборот «во время оно» встречается в дореволюционном переводе Евангелие (с которым, вероятно, был знаком Мережковский). Согласно большому толково-фразеологическому

¹ Подробнее на эту тему см.: Эткинд А. Хлыст (секты, литература и революция). М.: Новое литературное обозрение, 1998. 688 с.

² Зенкин С.Н. Небожественное сакральное. М.: РГГУ, 2014. 544 с.

³ Там же. С. 8.

⁴ Там же.

⁵ Элиаде М. Священное и мирское. М.: МГУ, 1994. С. 48.

⁶ Михельсон О.К. История религий и Новый гуманизм М. Элиаде // «Религиоведение». Благовещенск, 2002. № 4 // Библиотека Гумер [Электронное издание]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Article/Mih_IstRel.php (дата обращения: 15.10.2019)

словарю Михельсона (1896–1912) «во время оно» означает «когда-то (давно)»⁷. Любопытно, что в примерах употребления этого фразеологизма словарь Михельсона приводит выдержки из сказок, либо сказочные мотивы и отсылки у русских писателей, также и Евангелие. Этимология «Время Оно» подразумевает некую хронологическую неопределенность. Даже если имеется в виду «то самое время» – начала (космогонии) или конца (Апокалипсиса), невозможно указание на конкретный отрывок принятой хронологической шкалы. Мы даже не всегда можем с уверенностью ответить: «Время Оно» – это в будущем или в прошлом? В этом – отличие сакрального времени от профанного. Религиозная революция в понимании Мережковского существует целиком в плоскости времени сакрального.

Во-первых, отсутствуют указания на какие-либо конкретные шаги для совершения искомой религиозной революции, и соответственно конкретные условия ее совершения (политические, экономические, нравственные и т. д.). Невозможно назвать сроки ее осуществления.

Во-вторых, в текстах Мережковского то ли отсутствует, то ли весьма иллюзорно присутствует грань между идеей религиозной революции и идеей Апокалипсиса. Аллюзии и прямые цитаты из «Апокалипсиса» Иоанна Богослова наполняют тексты Мережковского. В.В. Розанов называл «Апокалипсис» «излюбленной книгой» Мережковского⁸.

На антитезах построены многие размышления Мережковского: человекобожество и Богочеловечество, Христос и антихрист, дух и плоть, христианство и язычество. На такое «эстетически для него пленительное противопоставление полярностей» указывал уже Н.А. Бердяев⁹. Но только ли эстетически было пленительным для Мережковского это противопоставление? Мы могли бы определить эти антиномии как сущностно близкие антиномии «сакральное и профанное», или даже «священное и скверное», где скверное (Антихрист, язычество) тоже приобретает черты сакрального, но с отрицательной коннотацией.

Как будто русская революция, становясь религиозной, входит в пространство и время сакрального, где место борьбы политических и социальных сил занимают зверь и Агнец, антихрист и Христос. Что есть от Христа, а что от антихриста в этой грядущей борьбе?

«Самодержавие – от антихриста»¹⁰ – скажет символист. Профанированное самодержавие относительно религии невменяемо и безответственно, однако в стихии народной, «в подземных глубинах этой стихии, огненных, но темных, происходит смешение Христа с антихристом в идее самодержавия»¹¹.

В другой статье, «Меч», в пассаже, где Мережковский не говорит прямо о революции, но рассуждает о христианстве и христианской Церкви, читаем следующее: «Апокалипсис предсказывает, хотя и в конце истории, все же исторически-реальную победу Христа над зверем... в граде возлюбленном, в Новом Иерусалиме. Этот град – не бесплотное видение, а опять-таки исторически-реальное событие в исторически-реальных судьбах мира; это безвластная, в смыс-

⁷ Большой толково-фразеологический словарь Михельсона. СПб., 1896–1912 // Академик [Электронное издание]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/michelson_old/1072/%D0%92%D0%BE (дата обращения: 15.10.2019).

⁸ Розанов В.В. Среди инок-язычных (Д.С. Мережковский) // Мережковский: Pro et contra. СПб.: РХГИ, 2001. С. 84.

⁹ Бердяев Н.А. Новое христианство (Д.С. Мережковский) // Там же. С. 333.

¹⁰ Мережковский Д.С. Пророк русской революции // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч. в 24 т. М.: Тип. тов-ва И.Д. Сытина, 1914. Т. 14. С. 224.

¹¹ Там же.

ле внешнем, государственном, а в смысле внутреннем, церковном – боговластная общественность»¹². Этому отрывку предшествовали высказывания о сущности первых двух заветов христианства и о грядущем Третьем завете (смыслообразующая концепция для религиозных идей Мережковского). «Первая ипостась открывается в космосе, вторая – в логосе, третья – в совершенном соединении логоса и космоса»¹³. Здесь не идет речь о революции напрямую, в высказываниях отсутствует само понятие «революция», однако мы видим, что формы идеи Грядущего Третьего завета, нового христианства созвучны формам грядущей религиозной революции. События будущего представлены исторически-реальными в понятиях символических. Религиозная революция тождественна Апокалипсису и Грядущему христианству.

Религиозное (сакральное) является (а сакральное именно «является»¹⁴) не только в форме слова и смысла (слова «революция», в смысле религиозного/социально-политического переворота), но в форме образа и знамения. Христианство давно оставило попытки вычислить конкретную дату Апокалипсиса, однако ожидание его христианином, это сакральное предчувствие, внутренняя необходимость апокалипсиса, конца, обновления никуда не исчезла. Апокалипсис, потеряв привязку к конкретной дате (годы, связанные с числом зверя, тысячелетием царства земного и т. д.) в будущем, приблизился по своей сути к «Время Оно». Такова временная плоскость религиозной революции.

С.Н. Зенкин отмечает, что «сакральное проявляется во времени, но противится членению этого времени, заменяет дискретную логику событий и эпистемологических разрывов континуальным течением энергий»¹⁵.

Помимо этого, религиозная революция разворачивается и в пространстве. Для удобства анализа мы будем иметь в виду под пространством религиозной революции две плоскости.

1. Географическая. Ограничена ли она (революция) Россией, Европой и вообще какой-либо частью света, какой-либо культурой, цивилизацией?

2. Социальная. Движущей силой революции должен стать определенный социальный класс, несколько социальных классов или все общество? И еще: какую роль в ней играют социальные институты (в первую очередь – церковь и государство).

Русская религиозная революция вписывается Мережковским в некую трагедию «всемирного освобождения»¹⁶, первым действием которой была Великая французская революция, а последним может быть революция русская. Указанный в ссылке фрагмент текста – один из немногих, где Мережковский соотносит русскую революцию с европейским революционным процессом. Великая французская революция интересует Мережковского с точки зрения ее религиозных последствий. «Отделением церкви от государства во Франции проведен всемирно-исторический водораздел»¹⁷. «И едва ли простая случайность то, что именно “христианнейшая” Франция, первая из европейских стран, объявила себя нехристианской и, следовательно, антихристианской, потому что *кто не со*

¹² Мережковский Д.С. Меч // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 34.

¹³ Там же.

¹⁴ Зенкин С.Н. Указ. соч. С. 66.

¹⁵ Там же. С. 413.

¹⁶ Мережковский Д.С. Революция и религия // Мережковский Д.С. Полное собр. соч. Т. 13. С. 37.

¹⁷ Там же. С. 38.

*Мною, тот против Меня*¹⁸ (выделено автором. – Г. Н.). Французская революция продолжила обмирщение католической Европы, но социально-политически являлась актом освобождения. Русская революция должна завершить социально-политическое освобождение освобождением религиозным.

Это освобождение будет иметь «всемирный» характер. «Самодержавие для православия так же непобедимо, как папство для католичества; папа не может отречься от папства, царь – от царства. В обоих случаях преступление – не личное и даже не народное, а всемирное, и его преодоление должно быть всемирным»¹⁹. Противоречия, заложенные в несовместимости между государством и церковью, приобретенные в православии и католичестве разную форму, должны быть разрешены или уничтожены²⁰. В православии – слияние государства и церкви, в католичестве – стремление церкви стать государством.

«Последний предел революции религиозной, может быть, не только русской, но и всемирной»²¹ дан в первой точке русской политической революции – в «Православном катехизисе» декабристов. С точки зрения Мережковского «*Да всем будет один Царь на земле и на небе – Христос*» (выделено автором. – Г. Н.), – это чаяние русских искателей Града Грядущего неосуществимо ни конституционной монархией, ни буржуазной республикой... ни даже республикой социал-демократической; оно осуществимо только абсолютной безгосударственностью, безвластием, как утверждением Боговластия, Анархией, как утверждением Теократии»²². В этом – «последний предел» религиозной революции всемирной.

В глобальном смысле необходимо ответить на вопрос: «что такое христианство – все или только часть всего? последняя завершающая или посредствующая, переходная ступень в религиозной эволюции человечества? В первом случае, конец христианства есть конец религии; во втором – этот конец может быть началом новой религии»²³. Учитывая уже знакомые нам идеи Мережковского, можем предположить, что когда он ставит вопрос подобным образом, то имеет в виду «второй случай». Религиозная революция – это не конец религии, а рождение новой. Но рождение новой религии не в смерти христианства как такового, а в смерти старого христианства.

В попытках определить пространство религиозной революции географически мы сталкиваемся с трудностями. Революция эта – связана с христианством, с Россией, с Европой – это маркеры, присутствующие в тексте. Но эта же революция будет еще и «всемирной».

Однако же сакральное пространство для религиозного человека обладает чертами и возможностями, не соотносимыми с пространством профанным, с географическими или культурными рамками. Сакральное пространство неоднородно: одни части пространства качественно отличаются от других. Эта неоднородность придает особую значимость всем предметам и поступкам, имеющим место в сакральном пространстве²⁴. Такие явления и их переживание человеком М. Элиаде называл иерофанией. Элиаде описывает большое количество мифов, согласно которым определенные ритуальные действия в местах качественно иного (сакрального) про-

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 40.

²⁰ Мережковский Д.С. Реформация или революция? // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 83–93.

²¹ Мережковский Д.С. Революция и религия. С. 49.

²² Там же. С. 50.

²³ Мережковский Д.С. Меч. С. 22.

²⁴ Зенкин С.Н. Указ. соч. С. 25.

странства приводят к обновлению космоса, его символическому перерождению²⁵.

Когда Мережковский пишет о «всемирной» революции, это надо понимать не как ее мировой характер, но как ее космический характер. Сакральное явление не нуждается в привязке к одному месту (одной стране, одному народу), но сакральное действие, будучи произведено, имеет космический (читай: всемирный) характер.

В социальной плоскости религиозной революции есть два несовместимых полюса – церковь и государство. Выше мы приводили идею Мережковского о «последнем пределе» русской религиозной революции, который может явить себя в «абсолютной безгосударственности, безвластии, как утверждению Боговластия, Анархии, как утверждению Теократии»²⁶. Государство (в лице самодержавия) – от антихриста. А церковь? В существующем на момент написания Мережковским статьи «Реформация или революция?» виде церковь (как католическая, так и православная) представлялась если не от антихриста, то и не с Христом.

Западный путь – превращение церкви в государство, Восточный – государства в церковь. Церковь будущего, христианство будущего – «лишь в синтезе, совершенном соединении Богочеловека с богочеловечеством, в безгранично-свободной и безгранично-любовной религиозной общине, в грядущей истинной единой соборной и вселенской Церкви»²⁷, но «само явление Церкви совершится за пределами христианства»²⁸.

И вновь, говоря о грядущем, о будущих изменениях, Мережковский обращается к символам Нового завета. «Истинная церковь войдет в мир, врежется в исторически-реальное человечество, как в живое тело врежется меч. *Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч* (выделено автором. – Г. Н.). Церковь грядущего господа и есть этот меч»²⁹.

Мережковский считает, что время реформации для христианства прошло и не вернется, что теперь наступило время революции. Но грядущая Церковь – это не что-то, что можно создать сознательно. Идея Мережковского – это не проект реальной новой Церкви, это ее предчувствие и ее чаяние. Говоря о будущей Церкви, Мережковский вновь и вновь перемещает размышления с исторической плоскости в плоскость сакральную, и Церковь грядущая мыслится в формах только символических: «Истина возникает из земли, и правда проникнет с небес, и Господь даст благо, и земля наша даст плод свой». Этот плод земли и есть младенец рождающийся – новая церковь»³⁰.

Носителем идеи религиозной революции является интеллигенция начиная еще с XVIII в. (на что Мережковский указывает в «Революции и религии»). «Такие одинокие, слишком ранние анархисты, как Бакунин, Толстой, Штирнер, Ницше, – горные вершины, озаряемые первым лучами дня»³¹. Другим провозвестником религиозной революции, «пророком русской революции» – Мережковский считал Достоевского. «Тут в живом сердце народа величайшая истина сплетена с величайшею ложью такими тонкими и крепкими нитями, что, рассекая эти нити, легко ранить насмерть

²⁵ Элиаде М. Указ. соч. С. 42.

²⁶ Мережковский Д.С. Революция и религия. С. 50.

²⁷ Мережковский Д.С. Меч. С. 32.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 35.

³⁰ Мережковский Д.С. Реформация или революция? С. 93.

³¹ Мережковский Д.С. Предисловие к одной книге // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 166.

и самое сердце. Чтобы рассечь их, нужен до последней остроты заостренный на обе стороны, «обоюдоострый меч» сознания», «Достоевский вложил этот меч в наши руки»³².

Уместно вспомнить строки из «Апокалипсиса»: «и из уст Его выходил острый с обеих сторон меч». Выходит, что бороться с антихристом нужно религиозным сознанием, которым владеет лишь некоторая часть интеллигенции.

В другом месте читаем: «внизу, где темная ночь, – бесчисленные неведомые братья наши, всемирный рабочий народ, великое воинство грядущей всемирной революции»³³. Снова видим употребление прилагательного «всемирный» – теперь по отношению к «рабочему народу» – без уточнения, имеется ли в виду рабочий класс или крестьянство – это неважно для сакральной революции, которая не зависит от «движущих сил», борьбы классов и т. д., но «является» по некоей всемирной (космической) необходимости. «Мы верим, что рано или поздно дойдет и до них громовой голос русской революции, в котором зазвучит над старым европейским кладбищем труба архангела, возвещающая страшный суд и воскресение мертвых»³⁴.

У интеллигенции есть «меч», способный принести религиозную революцию. Но Мережковский не употребляет нигде понятие «всемирный» в отношении интеллигенции. Он обращается лишь к исключительным личностям: Толстому, Достоевскому, Ницше, Бакунину, Розанову и др., в то время как «рабочий народ» – всемирный. Но последнее утверждение «новой религиозной общественности есть новое религиозное сознание и действие, новое религиозное соединение личности и общества, единого и всех <...>. Истинное безвластие есть боговластие. Слова эти загадочны. Но пусть пока так и останутся они загадкой»³⁵.

Если бы свели в хрестоматию все высказывания Мережковского о революции, увидели бы ту пламенность, с которой он рассуждает о ней, о грядущем Апокалипсисе. Один из крупнейших теоретиков сакрального Жорж Батай в одном из своих текстов характеризовал сакральное следующим образом: «Сакральное может быть уподоблено именно пламени, поглощающему, уничтожающему дрова. Необузданный пожар – прямая противоположность вещи, он распространяется во все стороны, лучится жаром и светом, воспламеняет и слепит, и тот, кого он воспламенил и ослепил, сам мгновенно начинает пламенеть и слепить других»³⁶. Так и Мережковский, ослепленный и воспламененный сакральной идеей, пытался воспламенить других – насколько успешно, это тема для отдельного разговора.

В одной из статей, говоря о революции, Мережковский писал: «Слова эти загадочны. Но пусть пока так и останутся они загадкой»³⁷. Сакральное носит скрытый характер, характер «тайны», в противном случае оно профанируется и утрачивает свойства сакрального. Облеченное в слова сакральное также может профанироваться – форма выражения сакрального – это картины и образы, как приводит Михаил Ямпольский слова Э. Вольфсона³⁸. Именно такую «картину» революции, Апокалипсиса, «рисует» Мережковский в своих трудах.

³² Мережковский Д.С. Пророк русской революции. С. 225.

³³ Мережковский Д.С. Предисловие к одной книге. С. 166.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Батай Ж. Проклятая часть: сакральная социология / Пер. с фр., сост. С.Н. Зенкин. М.: Ладомир, 2006. С. 73.

³⁷ Мережковский Д.С. Предисловие к одной книге // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 166.

³⁸ Ямпольский М.Б. Сакральное и воображение // Новое литературное обозрение. 2012. № 6 [Электронное издание]. URL: <http://www.plobooks.ru/node/2884> (дата обращения: 15.10.2019).

П.В. Семин

Гражданская война в советском игровом кинематографе 1950–1960-х гг.

В статье рассматривается проблема конструирования образа Гражданской войны в советском художественном кинематографе периода 1950–1960-х гг. Проанализированы сформированные кинонарративом образы красноармейцев и белогвардейцев. В результате анализа автор выделяет две тенденции развития кинематографа о Гражданской войне в рассматриваемый период: кинофильмы, придерживающиеся канонического образа Гражданской войны, уже сложившегося в русле историко-партийной науки, и киноленты, предлагающие рефлексивный взгляд на советское прошлое. Отмечается постепенная трансформация интерпретации событий в сторону романтизации данного периода советской истории.

Ключевые слова: Оттепель, кинематограф, Гражданская война в России, канонический кинонарратив, кинообразы, красноармейцы, белогвардейцы.

Конструирование образа Гражданской войны в советском художественном кинематографе тесно связано с созданием и оформлением мифа о революции и Гражданской войне, с одной стороны, канонического, а с другой – претерпевающего некоторые изменения. Базисные принципы обосновывающей мифомоторики можно свести к нескольким сущностным позициям:

- партия большевиков как единственная партия, стоящая на революционной платформе и воплощающая требования народных масс¹;
- диктатура буржуазии в лице Временного правительства и поддерживающие ее соглашательские партии оказывают противодействие революционному творчеству народных масс²;
- единство сил внутренней и внешней контрреволюции³;
- социалистическая революция и установление диктатуры пролетариата как единственное средство реализации народных чаяний.

¹ История Коммунистической партии Советского Союза / Отв. ред. Б.Н. Пономарев. М.: Госполитиздат, 1959. С. 173; История Гражданской войны в СССР (1935 г.): история текста и текст истории / Сост. М.В. Зеленов, Д. Бранденбергер. М.: Политич. энциклопедия, 2017. С. 82, 120.

² История Коммунистической партии... С. 190; История Гражданской войны в СССР... С. 63, 73, 107, 110, 146.

³ История Коммунистической партии... С. 190.

Данная догматическая схема становилась руководящим принципом при создании кинопроизведений, основывающихся на канонической версии изложения событий 1917–1920 гг. Однако с началом Оттепели появилась тенденция к некоторому дистанцированию от традиционной схемы, которая нашла отражение в ряде фильмов, предлагавших иной, одновременно рефлексивный и романтический взгляд на события Гражданской войны.

В русле первого направления следует особенно отметить такие фильмы, как: «Тревожная молодость», 1954; «На Графских развалинах», 1957; «Кочубей», 1958; «Хмурое утро», 1959; «Лавина с гор», 1959; «Мы русский народ», 1965. В них главным образом воспроизводятся те или иные постулаты, заложенные в канонических текстах, а также воссоздаются идеально-типические образы красных и белых, сформированные в кинематографе периода сталинизма.

Красные в подобных кинолентах обладают идеальным классовым происхождением, они – порожденные народом таланты, сохраняющие чувство эмпатии по отношению к социальным низам. Например, в фильме «Лавина с гор» главный герой Анзор говорит о том, что его «руки по земле стосковались»⁴. Главные персонажи-большевики в том же фильме живут бедно, в «...кривобоких хатках...»⁵ со скудно обставленным интерьером, на арендуемой земле, носят обыкновенную одежду⁶.

Это обязательно героизированные самоотверженные фигуры, ведущие непримиримую, неравную борьбу с контрреволюцией, но победа всегда оказывается на их стороне. Например, в фильме «Капитан “Старой черепахи”», персонаж-большевик приносит свою жизнь в жертву и чекистам удается остановить контрабандиста Антаса, сорвать контрреволюционные планы⁷.

При подчеркнутой народности большевики на экране зачастую, подобно Прометеем, несут свет истины и правды темным массам. Тем самым выражается идея большевистского мессианства, что находит самое яркое воплощение в идеализированном образе красного комиссара или командира. Например, Кочубей в одноименном фильме 1956 года сражается бок о бок со своим отрядом, по-отечески отчитывает бойцов у вагона со спиртом, оставляет менторский наказ своему отряду⁸. Или Киров, озаряемый ярким солнечным светом, ездит по горным аулам с миссией агитации кавказских народов – присоединиться к общероссийской революционной борьбе⁹.

Так, с одной стороны, красный комиссар или командир максимально близок своим подчиненным, с другой – является для них духовным наставником, «отцом», т. е. стоит на ступень выше. Соответственно образуется своеобразная братско-отеческая модель взаимодействия.

Стереотипичные персонажи-белогвардейцы в то же время олицетворяют все негативное и являются прямой противоположностью красным.

В рамках канонического кинонарратива белые обыкновенно имеют мелкобуржуазное (кулачество) или буржуазное происхождение, что определяет их контрреволюционность. Социальное

⁴ Лавина с гор / реж. В. Журавлев. СССР, Мосфильм, 1959 г. 23.49 мин.

⁵ Там же. 51.16 мин. – 51.20 мин.

⁶ Там же. 15.17 мин. 15.23 мин.; Там же. 41.52 мин.

⁷ Капитан «Старой черепахи» / реж. Г. Габай, В. Воронин. СССР, Одесская киностудия, 1956 г. 64.41 мин – 64.47 мин.

⁸ Лавина с гор. 57.53 мин.; Там же. 61.54 мин.; 67.40 мин. – 67.48 мин.; 68.02 мин.; Кочубей / реж. Ю. Озеров – СССР, Ленфильм, 1958 г. 4.23 мин.; Там же. 36.34 мин. – 38.31 мин.; Там же. 101.25 мин.

⁹ Лавина с гор / реж. В. Журавлев. – СССР, Мосфильм, 1959 г. 57.53 мин.; Там же. 61.54 мин.; 67.40 мин. – 67.48 мин.; 68.02 мин.

происхождение выстраивает особую модель поведения и коммуникации с другими персонажами. Например, агрессивный по отношению к выстроившимся рядовым чинам, осыпая их оскорблениями наподобие слова «лапоть», фельдфебель Варварин¹⁰. Или же персонаж сотника из кинофильма «Тревожная молодость», воспринимающий «людишек» как капитал, т. е. приравнивая личность к неодушевленной вещи¹¹.

Также одной из существенных черт белых персонажей является следование личным мотивам и корыстным интересам – например, поиски зарытого в поместье клада наследником графа, связанного с криминальными элементами¹². Или приветственная речь, обращенная представителями буржуазии к входящим в город белым войскам: «Мы, ваше превосходительство, люди земли, живем верой, что в тот час, когда русская земля будет возвращена ее державному хозяину в целом, она в частях будет возвращена ее помещным хозяевам»¹³.

Таким образом, выстраивается особая модель поведения в коммуникации с другими персонажами – модель дистанцирования, в частности выражающаяся в проявлении высокомерия и употреблении агрессивной лексики. Белых демонизируют с помощью изображения творимого ими контрреволюционного террора по отношению не только к большевикам, но и к мирному населению¹⁴.

В рамках второго, нового направления, т. е. фильмов, обращающихся к прошлому с некоторой степенью рефлексии, необходимо отметить следующие фильмы: «Сорок первый» 1956; «Жестокость» 1959; «Необыкновенное лето» 1956; «Гадюка» 1966; «Интервенция» 1968 (полочный фильм); «Свадьба в Малиновке» 1967; «Белое солнце пустыни» 1969; «Адъютант его превосходительства» 1969.

В кинофильме «Сорок первый» (1956 г.) впервые был показан положительный образ белого офицера в лице поручика Говорухи-Отрока. Его персонаж наделяется трагическими чертами и способен вызывать у зрителя чувство сопереживания: он не изображается как категоричный противник большевизма, был способен принять и точку зрения своих классовых противников¹⁵. Большевичка Марютка вынуждена застрелить влюбленного в нее и любимого ею поручика по приказу комиссара: этот поступок находится в соответствии с ее идеологической и классовой принадлежностью¹⁶. Но в то же время она бросается к телу возлюбленного с чувством сожаления о содеянном¹⁷. Используя прием психологизации, режиссер поднимает вопрос о справедливости и жестокости Гражданской войны, демонстрирует разные образы белогвардейцев. Нетипичный, вызывающий симпатию поручик соседствует со стандартными кровавыми «белобандитами», что противоречит каноническому представлению о белых как непримиримых, исключительно контрреволюционно настроенных врагах пролетариата. В кульминации фильма происходит и драматизация Гражданской войны. Показывается метафора вынужденного, необходимого, в чем-то печального разрыва с буржуазным прошлым.

Кинокартина «Жестокость» (1959 г.) представляется особенным явлением для советского кинематографа о Гражданской войне:

¹⁰ Мы русский народ / реж. В. Строева. СССР, Мосфильм, 1965 г. 7.08 мин. – 7.43 мин.

¹¹ Тревожная молодость / реж. А. Алов, В. Наумов. СССР, Киевская киностудия худ. фильмов, 1954 г. 70.53 мин. – 71.57 мин.

¹² На графских развалинах / реж. В. Скуйбин. СССР, Мосфильм, 1957 г. 05.43 мин. – 07.27 мин.; 36.23 мин. – 36.45 мин.

¹³ Любовь Яровая, 2-я серия / реж. Я. Фрид, И. Ефремов. СССР, Ленфильм, 1953 г. 3 мин. – 3.30 мин.

¹⁴ Хмурое утро / реж. Г. Рошаль. – СССР, Мосфильм, 1959 г. 06.16 мин. – 08.20 мин.; Там же. 06.26 мин. – 08.18 мин.

¹⁵ Сорок первый / реж. Г. Чухрай. СССР, Мосфильм, 1956 г. 83.26 мин. – 84.05 мин.

¹⁶ Там же. 85.17 мин. – 85.40 мин.

¹⁷ Там же. 85.46 мин. – 86.43 мин.

в ней, можно сказать впервые, конструируются негативные образы большевиков. Отрицательными героями становятся начальник отделения ЧК и журналист местной партийной газеты Узелков. Они занимаются приукрашиванием действительности, готовы пойти на ложь в целях извлечения собственной выгоды. Показательна следующая фраза: «иногда на примере одного нужно показательно научить тысячи, не важно виноват али нет»¹⁸. На примере наказания незначительного, маленького человека, который пусть и не совершил преступления, можно научить многих и предупредить их преступления: вот о чем говорит Узелков. Его взгляды совпадают с убеждениями начальника ЧК. Последний активно содействует написанию панегирических текстов, искажающих правду. Противоположную, правильную позицию занимает молодой коммунист Малышев, говорящий, что правда важнее: «врать это чего-то бояться, а коммунистам бояться нечего. Они одни на всей земле говорят чистую правду, пусть Воронцов врет и другие буржуйские дети, это им надо обманывать народ»¹⁹. Т. е. в фильме показывается внутренняя неоднородность «красного лагеря».

В «Необыкновенном лете» появляется положительный образ русского офицерства в целом. Создается портрет преданного своей Родине человеку, который запутался и нуждается в наставлении на путь истины. Он, также как и другие, был обманут словами о необходимости войны, но при этом не понимает точной ее цели, связан словом чести и готов быть ему верным его до конца²⁰. Из краткой биографии Дибича о послевоенных событиях зритель узнает, что тот не участвовал в еще не окончившейся Гражданской войне, а был в немецком плену²¹. Формируется трагическая фигура, вернувшегося на родную землю «блудного сына». Этому способствует и то, что Дибич далек от политики, изначально занимая политически нейтральную позицию. При этом в некотором смысле возвышенный над политикой, Дибич показывается в первую очередь как достойный человек, верный в первую очередь Отечеству, а не определенному политическому строю²². В итоге в связи с неизбежностью выбора сторон патриотическая позиция приводит его в стан большевиков, именно по той причине, что их сторону поддерживает народ, они выступают защитниками родной земли, в отличие от белых, фактически призвавших интервентов к вмешательству во внутренние дела России²³.

Авторы «Адъютанта его превосходительства» заходят несколько дальше и уже показывают не только положительный образ русского, патриотически настроенного офицера в лице главного героя Павла Андреевича Кольцова, но и положительный образ белогвардейца в лице генерала-лейтенанта Владимира Зеноновича Ковалевского. Ковалевский служит не столько «суме», сколько идеалам, считая, что именно так можно спасти Россию, им руководит патриотический мотив²⁴. Он отказывается, когда союзники требуют от него проведения наступательных операций в честь прибытия миссии, а не по правилам военной стратегии²⁵. При этом также размывается устоявшийся канон о непримиримости идейных позиций белых и красных. Красные командиры и золотопогонные офицеры устра-

¹⁸ Жестокость / реж. В. Скуйбин – СССР, Мосфильм, 1959 г. 34.52 мин.

¹⁹ Там же. 54.55 мин.

²⁰ Необыкновенное лето / реж. В. Басов – СССР, Мосфильм, 1956 г. 15.43 мин. – 15.44 мин.

²¹ Там же. 16.50 мин. – 17.26 мин.

²² Там же. 37.05 мин. – 37.24 мин.

²³ Там же. 38.54 мин. – 39.06 мин.

²⁴ Адъютант его превосходительства. 2-я серия / реж. Е. Ташков. СССР, Мосфильм, 1969 г. 8.50 мин. – 9.36 мин.

²⁵ Там же. 4-я серия. 16.08 мин. – 16.14 мин.; Там же. 16.08 мин. – 18.34 мин.

ивают совместный побег из плена Батшки Ангела и при встречах помогают друг другу²⁶. В целом же за участниками Белого движения закрепляются такие характеристики, как: благородство, самоотверженность, патриотичность, несмотря на идейные «заблуждения».

Особенно примечателен среди данных кинопроизведений фильм «Гадюка» 1966 г. Здесь автор пытается достаточно широко взглянуть на события Гражданской войны и принесенные ей последствия для советского общества. Раскрывается эта проблематика через историю маленького человека – главной героини Ольги Вячеславовны Зотовой. Происходит она из семьи интеллигентов²⁷. Затем первоначально инфантильная и отстраненная от политики девушка попадает в горнило Гражданской войны, врывающейся в ее мирное существование то в лице белых, устраивающих террор²⁸, то в лице командира красной конницы, который берет ее под свою опеку²⁹. Участие в боевых действиях перековывает героиню в «боевую единицу»³⁰. Это не проходит бесследно и в 3-м акте фильма зрителю уже показывается, с каким трудом Ольга Вячеславовна пытается вернуться в мирную жизнь³¹. В этой новой мирной жизни после войны продолжается борьба с буржуазными, паразитическими элементами, такими как соседи О.В. Зотовой по коммунальной квартире³². Однако у героини не получается реабилитироваться в мирной жизни, найти свое место в новом обществе, что заканчивается трагически – убийством соседки³³. Через личную историю режиссером раскрывается трагичность Гражданской войны, ее долгое остаточное воздействие не только на отдельных людей, но и на советское общество. Правда, в фильме также заключен посыл о необходимости продолжения борьбы, но теперь уже с помощью слова, а не силы. Необходимо примирить мелкобуржуазные вредные элементы с новым, революционным порядком вещей, интегрировать в советскую общественную структуру, исправив их идейную убогость.

Кинофильм «Интервенция», снятый в 1968 г., был запрещен цензурой и показан уже в период перестройки. Фильм через гротескность и буффонаду рассказывает историю Гражданской войны, абсолютно ее дегероизируя. Это достаточно показательно на примере оценки автором работы большевиков в годы интервенции. Режиссер показывает их не как героических атлантов и великих комбинаторов, за которыми по одному зову движутся массы, а как подпольщиков-агитаторов, воспринимающих свою деятельность как важную, но работу³⁴. В авторской интерпретации событий начального периода советской истории никаких героев нет, «все в мире обыкновенно»³⁵.

Также стоит отдельно отметить, что для кинематографа второй половины 60-х годов характерно широкое жанровое разнообразие: музыкальная комедия («Свадьба в Малиновке»); фильм-сказка («Мальчиш-Кибальчиш»); истерн («Неуловимые мстители», «Белое солнце пустыни») и т. д. Это следует рассматривать как попытку уйти от жанровых рамок историко-революционного кинополотна.

- ²⁶ Там же. 1-я серия / 13.20 мин. – 14.32 мин.; Там же. 20.46 мин. – 21.50 мин.; Там же. 43.10 мин. – 43.21 мин.; Там же. 43.23 мин. – 43.28 мин.; Там же. 42 мин. – 44.37 мин.; Там же. 3-я серия / 47.31 мин. – 49.43 мин.; Там же. 4-я серия. 64.42 мин. – 65.30 мин.
- ²⁷ Гадюка / реж. В. Ивченко – СССР, к/ст им. А.П. Довженко, 1966 г. – 2.01 мин. – 4.23 мин.
- ²⁸ Там же. 18.16 мин.
- ²⁹ Там же. 8.51 мин. – 8.55 мин.; Там же. 9.50 мин. – 9.53 мин.; Там же. 29.18 мин. – 30.39 мин.
- ³⁰ Там же. 57.44 мин. – 59 мин.
- ³¹ Там же. 68.52 мин. – 69.18 мин.; Там же. 73.10 мин. – 75 мин.; Там же. 78.14 мин. – 78.50 мин.
- ³² Там же. 64.29 мин. – 65.49 мин.
- ³³ Там же. 77.48 мин. – 78.14 мин.
- ³⁴ Интервенция / реж. Г. Полока – СССР, Ленфильм, 1968 г. – 91.31 мин. – 91.53 мин.
- ³⁵ Там же. 84.31 мин. – 84.39 мин.

Отход от канонически заданного историко-эпического кинематографа о Гражданской войне, проблематизация событий эпохи становления советской власти, усложнение ранее идеализированных или демонизированных образов позволяет говорить о романтизации данной тематики. Вместе с этим происходит помутнение блеска киноканона, в том смысле, что появляются кинопроизведения, содержащие элементы альтернативные официальной риторике. Ранее изображаемое исключительно как героическое «золотое прошлое» время революции и Гражданской войны приобретает черты не столько героического времени, сколько драматического и романтического события в советской истории. Киноленты, отходящие от канонического изображения Гражданской войны, главным образом оперируют тем же категориальным аппаратом, что и картины альтернативного им направления, и представляют собой маргинальную тенденцию в советском кинематографе рассматриваемого периода.

А.М. Самойлова

«Нас вел за руку ветер»:
восприятие политического
музыкальным андеграундом СССР
в воспоминаниях его представителей

В статье рассматривается мировосприятие музыкального андеграунда (рок-музыкантов) в СССР на материале мемуаристики. Особое внимание уделяется политическому, о котором музыканты пишут негативно и отстраненно. Делается вывод о том, что тезис о политизированности рок-культуры в СССР противоречит мировосприятию андеграундных музыкантов, которые представляли собой неофициальную культуру внеполитичности, внесоветскости.

Ключевые слова: андеграунд, неофициальная культура СССР, контркультура, внаходимость, рок-культура.

В воспоминаниях музыканты высказывают впечатления о том, как сложилась рок-культура в России (т. е. результат), но в меньшей степени – как она складывалась в СССР (т. е. процесс). Это меньшее и является предметом изучения. Представляя собой отнюдь не монолитное сообщество, участники андеграунда даже спустя время описывают себя через определенный набор характеристик, а также рассказывают о культурных и социальных практиках, в том или ином виде принятых в музыкальной компании. В данной статье будет рассмотрена та часть суждений «андеграундщиков», которая выражает их социально-политические взгляды.

Определение самого феномена андеграунда вырабатывается на основании специфических критериев. Например, А. Рыбин¹ положительно пишет исключительно о «компании, сгруппировавшейся вокруг “Аквариума”», тогда как других рок-музыкантов причисляет к русскому року, который оценивается А. Рыбиным крайне низко². Главная характеристика русских рокеров – «протест против унылой действительности» с принесением в жертву художественной составляющей³. Иными словами, андеграунд, по мнению А. Рыбина,

¹ А. Рыбин («Рыба») – участник группы «Гарин и гипер-болоиды», впоследствии переименованной в «Кино».

² См.: Рыбин А. Майк. Время рок-н-ролла. М., 2010. С. 56.

³ Там же. С. 145.

явление уникальное, поскольку из большого количества ленинградских музыкантов немногие вытеснили «бесконечную борьбу» и протестность из музыки и играли настоящие песни, которые и есть основа рока⁴.

Первый битломан в «стране развитого социализма» Н. Васин рассматривает явление андеграунда со схожих с А. Рыбиным позиций, но примечательным является акцент на непринятии музыкальным подпольем А. Макаревича⁵. Иными словами, уход в официальную культуру трактуется как компромисс и в некотором роде лицемерие, которое противоречит канонам существования андеграунда. А. Рыбин же скептически относится к репликам по поводу А. Макаревича («продался») и настаивает на том, для рок-музыканта нормально стремиться к деньгам и славе. Это слабо коррелирует с установкой на свободу музыки и независимость музыкантов от чего-либо, проповедуемых андеграундом. Вероятно, подобное несоответствие можно объяснить тем, что о славе и коммерции А. Рыбин размышляет не в качестве характеристик рок-н-ролла в отдельно взятой стране, а в качестве черт рока как идеального типа. Другими словами, хоть включение в официальную советскую культуру и является своего рода предательством интересов андеграундного «братства», в той или иной степени многие музыканты стремятся к тем возможностям звукозаписи, качественной аппаратуре, гастролям, которые предполагает статус профессионального артиста в Лен-, Росконцерте.

Андеграунд – это не только неучастие в официальной культуре, но и совокупность других характеристик. В частности, «андеграундщики» акцентируют внимание на внеполитичности и невключенности себя в советские модели поведения (например, участие в маевках, дилемма покупки квартиры, планирование приобретения бытовых предметов и т. д.). А. Юрчак назвал это феноменом вневходимости⁶: существуя в историческом контексте советского дискурса, музыканты вовлечены в него на минимальном уровне. Одной из важнейших характеристик, выделяемых ученым, является «выпадение из поля зрения системы... из “режима видимости”»⁷. Хотя в случае с музыкальным андеграундом это сработало наоборот: в марте 1981 г. был создан Ленинградский рок-клуб (ЛРК) как место воспитания молодежи на понятном и любимом для нее языке рок-н-ролла. С другой стороны, вневходимость проявлялась в том, что советские люди, проходя мимо дурачащихся музыкантов, будто не замечали их: музыканты «были некими невидимыми существами (которых. – прим. автора) на самом деле не было или, по крайней мере, не должно было быть»⁸.

Единственной достойной пристального внимания «органов» фигурой на горизонте ленинградского подполья был Б. Гребенщиков, т. к. именно он представлял «возможность *другого* (курсив мой. – А. С.) мышления, *другой* (курсив мой. – А. С.) жизни, по сравнению с которой жизнь в СССР была ничтожно мелкой и убогой»¹⁰. Б. Гребенщиков был «вне политики»⁹. А. Рыбин противопоставляет А. Старцева¹¹ и Б. Гребенщикова: обоих приглашали в КГБ, но если первый жил в системе и пытался изменить ее из-

⁴ Там же. С. 57.

⁵ После победы «Машины времени» на «Весенних ритмах-80» лидер группы подписал договор с Росконцертом, после чего группа стала официальной. Более того, Макаревич снялся в к/ф «Душа», который Васин оценивает как «дешевый и бездушный фарс» (Васин Н. Рок на русских костях. СПб., 2007. С. 199).

⁶ См.: Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2017. Гл. 4.

⁷ Там же. С. 266.

⁸ *Стингрей Д.* Стингрей в Стране Чудес. М., 2019. С. 145.

⁹ *Рыбин А.* Указ. соч. С. 163.

¹⁰ Там же.

¹¹ А.В. Старцев («Саша-с-Кримами») – рок-журналист, принимавший деятельное участие в создании самиздатского журнала «Рок-си» (1977–1990), а также главный редактор журнала в период с 1984 по 1990 г. Причислен А. Рыбиным к андеграунду, хотя и существовал в советской действительности, а не во внесоветской, как большинство представителей музыкального «подполья».

нутри, то второй олицетворял собой образ жизни вне советской власти¹².

Несмотря на юридическую нелегальность неофициальной музыкальной концертной деятельности – так как музыка, с точки зрения власти, была лишь досугом для обычного пролетария, а потому это называлось «самодеятельностью» – те самые пролетарии, официально работавшие в немusикальной сфере («поколение дворников и сторожей», по меткому замечанию Б. Гребенщикова), именовали себя именно музыкантами, поэтами, творческими людьми. Про место, где лежала трудовая книжка, говорили мало и преимущественно иронично:

Я инженер на сотню рублей
И больше я не получу¹³.

Однако это вовсе не означало закрытости условной андеграундной «системы». Дж. Стингрей отмечает: у С. Курехина¹⁴ и Б. Гребенщикова «было немало друзей среди дипломатов в западных консульствах города»¹⁵, с которыми велось своего рода взаимовыгодное общение (дипломаты андеграундным музыкантам показывали новый западный фильм или пластинку, а музыканты – свои записи). Сами музыканты об этом умалчивают.

Кроме того, самоидентификация «андеграундщиков» происходит во многом благодаря сравнению себя с другими – например, с диссидентами. Те не особенно понравились андеграундной компании, поскольку, кроме интереса к рок-музыкантам как к носителям запрещенной властью культуры, ничего не выражали¹⁶. С ними было скучно, пишет А. Рыбин. В связи с этой симптоматичной, но уникально озвученной в мемуаристике оценкой он же делает вывод об общем неприятии диссидентской политизированности в кругу музыкально ориентированной компании. Иными словами, через общение с разными представителями общества (например, с «антисоветчиками»-диссидентами) продолжала выстраиваться самоидентификация («свои») – т. е. не те, кто занимается политикой, пытаются вовлечь в нее или интересуется ею.

Вспоминая 1970–1980-е гг., абсолютизируя невзгоды советского гражданина в брежневскую эпоху, А. Рыбин отмечает, что они (его друзья музыканты и компания вокруг, то есть представители андеграунда) «Инакомыслящие. Инакоживущие. Инаколюбящие. Инакоиграющие»¹⁷. Важно отметить, что данную краткую характеристику понятия «мы» автор вводит в качестве аннотации к музыкальному альбому¹⁸, делая акцент на том, что этот продукт музыкальной деятельности противоречит всей музыкальной традиции, существующей в Советском Союзе. Н. Васин уточняет, что «мы верим во все, кроме коммунизма и всякой политики»¹⁹. Другими словами, инакомыслие – одна из ключевых характеристик в мировосприятии андеграундной публики *своих*, однако это инакомыслие носит не политический характер, а культурный, мировоззренческий.

А. Юрчак отмечает, что «публики своих» стали нормой для советского общества брежневской эпохи. Их самоорганизация про-

¹² См.: Рыбин. А. Указ. соч. С. 167.

¹³ Группа «Аквариум» – «25 к 10».

¹⁴ Сергей Курёхин – музыкант-авангардист, создавший в 1984 г. группу «Поп-механика», в перформансах которой принимали участие почти все андеграундные музыканты.

¹⁵ Стингрей Д. Указ. соч. С. 122.

¹⁶ См.: Рыбин А. Указ. соч. С. 165.

¹⁷ Там же. С. 124.

¹⁸ Альбом называется «Все братья – сёстры», является результатом совместных «музицирований» Б. Гребенщикова и М. Науменко в 1978 г. А. Рыбин также называет этот альбом декларацией «Мы другие» (Там же).

¹⁹ Васин Н. Указ. соч. С. 252. Сам «битломан» замечает, что СССР – страна проигравшего социализма из-за пролитых рек крови. (Там же).

исходила не в рамках оппозиционного дискурса, но и не в рамках официальной советского информационного поля – публики своих были детерриториализованными общностями²⁰, которые существовали в границах пространства внаходимости (внесоветскости).

Политическая активность и даже разговоры на политические темы не были центральными или даже периферийными сюжетами, которые бы увлекали музыкантов. Однако в постсоветском обществе сложилось мнение, которое высказывается и некоторыми учеными²¹, что музыкальный андеграунд – это протестное сообщество, возникшее в результате социально-политических трансформаций и желающее прекратить «советский эксперимент». Аргументами в пользу этой точки зрения регулярно выступает казус песни «Кино» – «Перемен». Ее даже называют гимном перестройки. При этом не учитывается точка зрения самого автора – В. Цоя: музыкант порой с иронией, а порой и с раздражением относился к политической трактовке своей песни, акцентируя внимание на том, что она была написана раньше постановлений Совета министров СССР в мае 1985 г.

Как неоднороден андеграунд, так и рок-лагерь в Советском Союзе был расколот. Причиной раскола стало неприятие андеграундной частью музыкальной неофициальной культуры тех, кто стремился в официальную культуру попасть и даже нашел возможность говорить на языке власти. Иными словами, «основательная часть» (по А. Рыбину) рок-музыкантов мыслила категориями остросоциальности²². Советская власть, согласно ретроспективным суждениям представителей андеграундной культуры, через процесс литовки (цензурирования) песен в ЛРК пыталась исключить антисоветскую крамолу в стенах Ленинградского межсоюзного дома самодеятельного творчества. Сами музыканты дистанцировались от возможности сравнения себя с той «основательной частью» рок-музыкантов в СССР, которым было свойственно «искать скрытые смыслы там, где их нет, там, где автор не вкладывал никакого подтекста»²³. В качестве антизадачи рок-музыканты называют социально-политическую ориентированность рока, к которой призывала власть.

Что касается связей с властью, то, несмотря на игнорирование этого вопроса в музыкальном самиздате, в мемуаристике музыканты уделяют этому немало внимания. Отношения между КГБ и подпольными музыкантами выглядят «скорее играми, чем серьезными акциями»²⁴, тогда как сегодня зачастую в массовом сознании людей, интересующихся данной проблематикой, наоборот, главенствует мнение о серьезных гонениях на музыкантов. А. Рыбин отмечает, что милиционеры были в целом достаточно вялыми и забирали в отделение по обыкновению за распитие вина на улице (поведение лиц, «порочащих облик советского человека»)²⁵, однако предполагает, что будь его друзья похожи на рабочих с завода, то никого бы в отделение не отвели. Политический режим, со слов А. Рыбина, представлял собой нечто, не вызывающее никакой реакции, кроме смеха, тогда как «гопники вызывали большее раздражение, чем политбюро ЦК КПСС»²⁶.

²⁰ См.: Юрчак А. Указ. соч. С. 252.

²¹ См.: Невская Т.Н. Эволюция рок-культуры в России. СПб., 2009; Федулов А.Н. Неофициальная культура в СССР во второй половине 60–80-х гг. XX века. Волгоград, 2010.

²² См.: Рыбин А. Указ. соч. С. 21.

²³ Рыбин А. Три кита: БГ, Майк, Цой. СПб., 2013. С. 168.

²⁴ Рыбин А. Майк. Время рок-н-ролла. С. 162.

²⁵ Рыбин А. Три кита... С. 109.

²⁶ Там же. С. 192.

Категориями смеха апеллирует и битломан Н. Васин: «смеялись над всем савецким»²⁷ (орфография автора сохранена. – А. С.), а в анекдотах доставалось многим советским деятелям. Более того, в 1960-е гг. в музыкальной среде, по словам «битломана», «савецкий» и «куммунист» стали словами ругательными²⁸. При этом лишь у немногих авторов мемуаров можно найти то, что откровенно высказывает Н. Васин: обыкновенное «разгуляево милиционеров и сотрудников»²⁹ во время уже начавшейся в стране перестройки, что было характерной чертой и предыдущей истории рок-н-ролла при СССР³⁰, продолжало вызывать страх, что «тебя заберут. Ты плохо кончишь. Ты на подозрении»³¹. Н. Васин одним из первых высказал, что ему надоела «вечная паранойя» и постоянные «прятки» и недоговаривания, которые не давали насладиться праздником жизни: для Н. Васина знакомство с рок-н-роллом стало поворотной точкой³², когда «началось лавированием между Страхом и Радостью, Тупостью и Чувством, официальной работой и моей (т. е. Васина. – А. С.) комнатой»³³.

Б. Гребенщиков, наоборот, говорит, что со времени его увольнения³⁴ он стал свободным человеком, который теперь может гораздо больше заниматься музыкой³⁵, а не официальной занятостью в НИИ. Несмотря на трудности, возникающие при общении с властными структурами (с КГБ³⁶), желание куда-либо уехать навсегда не появилось³⁷.

Н. Васин, воспринимая себя как одного из представителей «людей без принадлежности», тем не менее делает небольшие ремарки о России. Любопытно, что «битломан» не считает тождественным понятия «Россия» и «СССР», ведь «The Beatles» в России любят, а в Союзе – выступают против их музыки как тлетворного влияния капиталистического Запада³⁸. При этом в видении Н. Васина рок – это милостыня, принятая Россией от более преуспевающего Дяди Сэма³⁹.

Отношения с властью в среде андеграунда трактовались через несколько категорий: смех, несерьезность (действий власти), свобода (от участия в политических практиках). Суждение о высокой доле несвободы музыкального андеграунда в период позднего социализма сильно преувеличено, поскольку сами представители «подполья» не чувствовали несвободы, а привыкли избегать ее проявлений. Единственным свидетельством несвободы являются высказывания Н. Васина, который в целом гораздо более других мемуаристов выражает свою неприязнь к Советскому Союзу. Политика, ограничивающая людей рамками государства, чужда музыкантам. Они выступают за то, что рок-музыка – больше чем государственные границы, национальности и другие деления людей, поэтому рок объединяет, а не разделяет.

Андеграунд, по мнению его представителей, это совокупность аполитичных людей без национальности и принадлежности, в которых нет ничего советского. Рок в СССР – это внутреннее противостояние советским канонам существования, это внешность, это «поющая идеология»⁴⁰.

²⁷ Васин Н. Указ. соч. С. 418.

²⁸ Там же. С. 234.

²⁹ Там же. С. 391.

³⁰ Обыски, арест десятков музыкантов и их слушателей, выключение аппаратуры и пр.

³¹ Васин Н. Указ. соч. С. 251.

³² Первое прослушивание рок-н-роллов 1950-х и музыки «Битлз» для многих советских молодых людей стало отправным пунктом в начале музыкальной деятельности.

³³ Васин Н. Указ. соч. С. 458.

³⁴ На выступлении «Аквариума», который представлял Ленинград на рок-фестивале «Весенние ритмы-80» (Тбилиси), жюри покинуло свои места, а Б. Гребенщиков по возвращении в Ленинград был изгнан из ВЛКСМ и уволен с работы.

³⁵ См.: *Стингрей Д.* Указ. соч. С. 50.

³⁶ Дж. Стингрей акцентирует внимание читателя на том, что в Советском Союзе уже давно привыкли к постоянному надзору КГБ, а потому «небывалое» в ее предствлении преследование после концерта ни у кого не вызывает особой реакции. «Это была часть повседневной жизни, особенно для тех, кто живет в арт-андеграунде» (Там же. С. 67).

³⁷ См.: *Стингрей Д.* Указ. соч. С. 175.

³⁸ См.: *Васин Н.* Указ. соч. С. 280.

³⁹ Там же. С. 252.

⁴⁰ Там же. С. 225.

И.В. Брянцева

Роман С.Д. Фрая «Как творить историю» как вариант фантастического альтернативно-исторического художественного текста

Статья посвящена выявлению в романе С.Д. Фрая «Как творить историю» характерных черт фантастического альтернативно-исторического художественного текста. Особое внимание уделяется анализу типичных для постмодернистских историографических произведений явлений: игрового начала, фрагментарности, метапрозы, интертекстуальности, иронии и цитатности.

Ключевые слова: роман альтернативной истории, фантастическая модель альтернативной истории, точка бифуркации, машина времени, диегетическая реальность.

Исследуемый нами в данной статье роман английского писателя Стивена Джона Фрая «Как творить историю» увидел свет в 1996 г., получил весьма теплый прием и от критиков, и от читателей и уже через два года был награжден премией «Sidewise Award for Alternate History»¹. Произведение по праву считается одним из самых ярких альтернативно-исторических романов фантастического типа конца XX в., в которых, согласно определению Б.И. Невского, «изменения истории происходит в результате абсолютно нереального, даже сверхъестественного вмешательства (вторжение пришельцев из космоса, путешественников во времени, изобретение магии)»². Английский литературный критик Л. Бакли-Арчер в составленном в 2009 г. литературном обзоре включает этот художественный текст в десятку лучших романов с путешествиями во времени, присваивая ему восьмое место³.

Главный герой романа С. Фрая «Как творить историю» – историк-аспирант Майкл Янг, пишущий докторскую диссертацию на тему «Из Брауна в Вену: Корни власти», фокусирующуюся на юных годах Адольфа Гитлера и жизни его родителей, знакомится с пожилым профессором физики Лео Цуккерманом, когда тот помогает ему собрать выпавшие из развалившегося кейса не скрепленные листки распечатанного экземпляра данного научного труда. Мистер Цуккерман, проглядев несколько листков, заинтересовывается данной исследовательской работой, спрашивает у нового знако-

¹ Премия вручается с 1995 г. за лучшее произведение в жанре альтернативной истории и в короткой, и в длинной форме. Она берет свое название от короткого рассказа «Sidewise in Time», авторства Лейнстера, в котором странный шторм заставляет части Земли поменяться местами с их аналогами из других временных рамок.

² *Невский Б.И.* Носик Клеопатры. Альтернативно-историческая фантастика [Электронный ресурс]. URL: <http://old.mirf.ru/Articles/art61.htm> (дата обращения: 15.06.2019).

³ *Buckley-Archer L.* Linda Buckley-Archer's top 10 time-travelling stories. The Guardian, 2009 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/books/2009/aug/04/linda-buckley-archer-top-10-time-travel> (дата обращения: 15.06.2019).

мого разрешение ее прочитать и приглашает молодого человека на чашку кофе. Попав домой к профессору, мистер Янг обнаруживает у него множество книг по истории, некоторые из которых неизвестны даже ему, сделавшему данную науку своей профессией. Из коллекции видно, что особое внимание мистер Цуккерман уделяет периоду Второй мировой войны, а конкретнее – зверствам нацистов и личности Адольфа Гитлера. Он даже изобрел специальную машину, позволяющую заглянуть в прошлое. Когда профессор показывает Майклу один день в концлагере Освенцима, утверждая, что там тогда находился его отец, мистер Янг отмечает специфику демонстрируемого изображения, вызывающего у него ассоциации с воздушными потоками, увиденными через объектив термальной камеры или с невесомыми мыльными пузырьками. Он думает, что смотрит на какой-то газ, пока Лео не объясняет ему истинное значение происходящего на экране.

Вначале Майкл обосновывает страстную увлеченность подобной тематикой еврейским происхождением своего нового друга, однако со временем узнает, что настоящее имя профессора – Аксель Бауэр, и он приходится сыном Дитриху Бауэру, нацистскому «штурм-доктору», ученику профессора Кремера, продолжившему в Освенциме его эксперименты. Правду о своем происхождении он узнает от умирающей в кругу фальшивых родственников матери. Оставшись с Акселем наедине, она с гордостью ему рассказывает о том, как ей удалось выполнить предназначенный для их с сыном спасения план мужа, просит не осуждать своих родителей и помнить, что «в этом мире лучше быть евреем, чем немцем»⁴. Как мы видим, на имя Лео Цуккерман этот персонаж продолжает отзываться и в уже старческом возрасте. Таким образом, почти половину жизни искренне считающий себя евреем Аксель Бауэр испытывает непрекращающийся кризис национальной самоидентичности и приобретает огромный комплекс вины перед еврейским народом. Дисбаланс в его мировосприятии отражается и на уровне языка. Майкл Янг отмечает, что профессор произносит слова «с ударением на втором слоге... определенно немецким – немного восточным, возможно, или южным»⁵, выговаривает «“в” на немецкий манер», иногда употребляет еврейские слова и тянет гласные, что, по мнению комментирующего персонажа, придает «его выговору оттенок отчасти американизированный»⁶.

Впоследствии Майкл и Лео вместе разрабатывают план доработки имеющейся в их распоряжении машины времени, которую мистер Янг назвал «У. Т. О.» или, если расшифровать аббревиатуру, «Устройство темпоральных образов», для того, чтобы можно было не только наблюдать за уже свершившимися событиями, но и перемещать что-то назад во времени. И у них возникает идея нейтрализовать Адольфа Гитлера, защитив таким способом человечество от нацистского террора. Однако мистер Цуккерман категорически возражает против совершения убийства, поэтому Майкл Янг крадет из лаборатории своей бывшей девушки Джейн экспериментальные пилюли бесплодия, и они вместе телепортируют их в пространстве и времени, чтобы растворить в колодце

⁴ Фрай С. Как творить историю. М.: Фантом Пресс, 2005 [Электронный ресурс]. URL: https://www.e-reading.life/bookreader.php/90860/Fraii_-_Kak_tvorit%27_istoriyu.html#label34 (дата обращения: 15.06.2019).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

в Браунау-ам-Инне, родном городе Гитлера. В результате Адольф Гитлер не появляется на свет, и создается совершенно иная версия исторических событий.

После завершения эксперимента Майкл Янг открывает глаза в уже созданной ими альтернативно-исторической реальности и не узнает ничего и никого из своего окружения. Систематизируя царящий после похмелья сумбур в голове, мистер Янг пытается понять, где он оказался. Считая, что у его друга амнезия от переизбытка выпитых накануне алкогольных напитков, Стив помогает ему в этом. Помимо бесед и прогулок по городу, он предлагает Майклу записаться к специалисту, на приеме у которого уже этот персонаж остро ощущает проблему определения национальной самоидентичности. Мистер Янг абсолютно уверен в том, что он англичанин, что и пытается доказать не верящему ему психотерапевту. Тот, напротив, приводит доказательства того, что Майкл – американец, предполагая, что у молодого человека случился сдвиг самовосприятия на почве любви к английским фильмам и желания стать киноактером. Для подтверждения своей точки зрения он набирает номер мистера Янга и дает ему прослушать сообщение автоответчика. Узнав свой голос, Майкл с удивлением восклицает: «Но он же американец!»⁷.

Таким образом, Майкл Янг в этом возможном мире не англичанин, а американец, учится не в Кембридже, а в Принстоне, изучает не историю, а философию, живет не в квартире, а в студенческом общежитии. Реальность, в которой он теперь живет, похожа для него на отражение в кривом зеркале, он встречается с двойниками своих знакомых, не узнающими его и живущими совершенно другой жизнью. Сначала он счастлив, что их с Лео план удался, и имени Адольфа Гитлера никто даже не слышал, однако, выяснив подробности данного альтернативно-исторического сценария, Майкл обнаруживает, что исторические события сложились еще более ужасным образом, чем в привычной для него истории, а Адольфа Гитлера заменил намного более харизматичный лидер фашистов – Рудольф Глодер.

Во главе с новым, крайне расчетливым и обаятельным фюрером нацистская партия предусмотрительно откладывает уничтожение евреев, до тех пор пока Германия с помощью еврейских ученых не изобретает атомную бомбу, которой незамедлительно уничтожает Москву и Ленинград. Устрашенные подобной террористической акцией европейские правительства капитулируют и под руководством Германии образуют Единое европейское государство. После этого происходит геноцид евреев. Однако их не пытаются и не убивают, а стерилизуют водой из городка Браунау, в котором должен был родиться Гитлер. США уже долгое время находятся под угрозой ядерной войны с Германией, в стране царят милитаристские настроения. По этой же причине Ричарда Никсона избирают президентом США на три срока, борьба за права меньшинств прошла неудачно, афроамериканцы ограничены в правах, а гомосексуализм считается серьезным преступлением.

Желая исправить сложившуюся ситуацию, признавший совершенный эксперимент неудачным Майкл Янг находит иммигриро-

⁷ Фрай С. Как творить историю...

вавшего в США профессора Акселя Бауэра и, познакомившись с ним уже испытанным способом – с помощью наспех составленной диссертации по истории, в этот раз не о Гитлере, а о Глодере, уговаривает его поучаствовать в придуманном плане. Таким образом, после того как они втроем, Майкл, Стив и Аксель, отправляют трупы крыс по тому же маршруту, что и пилюли, использованные для изменения действительности в первый раз, диегетическая реальность вновь сменяется, и рассказчик оказывается уже в третьем возможном мире. На первый взгляд этот мир очень похож на первоначальный. Однако вскоре мы вместе с Майклом узнаем, что его любимой музыкальной группы «Ойли-Мойли» здесь не существует, а его американский товарищ Стив сохранил память об их совместных приключениях и находится в Англии.

Таким образом, фантастическая модель истории в романе Стивена Джона Фрая «Как творить историю» конструируется исходя из идеи о возможном мире, в котором Адольф Гитлер никогда не родился. В данном произведении для построения цепочки альтернативного развития событий используется сюжетный ход физического устранения реально существующей личности, автор не дает Гитлеру даже родиться. Для изменения истории его персонажи пользуются фантастическим артефактом – машиной времени. Интересно то, что герои данного художественного текста, историк-аспирант Майкл Янг и пожилой профессор физики Лео Цуккерман, не путешествуют во времени сами, они используют изобретение одного из них для перемещения двух разных объектов. В первом случае это украденные Майклом из лаборатории его бывшей девушки Джейн экспериментальные пилюли бесплодия, телепортированные в пространстве и времени и растворенные в колоде в Браунау-ам-Инне. Во втором – трупы крыс, отправленные в прошлое с целью нивелировать инициированные ранее изменения. Каждое перемещение во времени приводило к созданию новой художественной реальности, однако истинные стремления героев – сделать мир лучше в первом случае и вернуться к изначальной отправной точке во втором – так и остались нереализованными. Исходя из этих размышлений, можно сделать вывод, что название существующей в данной диегетической реальности машины времени «У. Т. О.» лучше трактовать по первому из предложенных Майклом Янгом обозначений, а именно как производное от слова «утопия». Ведь молодой историк и пожилой профессор физики мечтали о новом утопическом развитии истории, привести к которому их должен был как раз этот аппарат.

Известный русский литературный критик Г.Л. Юзефович связывает историю создания произведения с историей семьи его автора, она пишет, что в «одном из интервью Фрай рассказал, что в детстве мать показывала ему старые семейные фотографии и про многих из запечатленных на них людей говорила: «Их убил Гитлер». Тогда маленькому Стивену виделся злобный усатый ефрейтор, собственноручно убивающий его родных, и лишь много лет спустя он задумался о мере личной ответственности Гитлера за их смерть, а также о роли личности в истории вообще»⁸. Возможно, в результате этого

⁸ Юзефович Г.Л. Удивительные приключения рыбно-лоцмана: 150 000 слов о литературе. М.: АСТ, 2016.

переосмысления и появился на свет исследуемый в данной статье художественный текст.

Продолжая разговор о роли личности в истории, следует привести и рассуждения К. Мильчина, который утверждает, что в этом романе С. Фрая «в итоге все сводится к нехитрой мысли, что ход истории необратим и что, если не родится один маньяк, на том же месте и в той же роли окажется другой»⁹. Таким образом, в произведении роль личности для исторического процесса значительно снижается, демонстрируется взаимозаменяемость персоналий и непреложность возникновения исторического феномена на подготовленной для него почве. Помимо этого, автор обращает наше внимание на то, что даже у самой страшной истории может быть еще более жуткий сценарий.

Отдельно следует отметить, что противопоставленный Адольфу Гитлеру персонаж-двойник Рудольф Глодер является вымышленным персонажем, тогда как остальные фронтовые товарищи молодого нацистского лидера, а именно полковник Балиганд, Игнац Бестенкиршер, Гуго Гутман, Ганц Менд, Эрнст Шмидт и другие упомянутые в тексте персоны, являются реально существовавшими историческими личностями, за исключением разве что Дитриха Бауэра, чья судьба во многих аспектах перекликается с реальной жизнью его наставника доктора Иоганна Кремера.

Помимо этого, представленная в исследуемом нами произведении фантастическая альтернативно-историческая модель имеет многие признаки постмодернистского историографического художественного текста. В романе С. Фрая «Как творить историю» мы видим постмодернистскую игру с жанровыми конвенциями, отмечая в художественном тексте помимо особенностей, характерных для альтернативно-исторических художественных текстов, элементы социальной сатиры, истории и криптоистории. Писатель пронизывает весь роман восхитительной ироничностью, создавая достойный пример специфического британского чувства юмора. На наш взгляд, наиболее очевидна эта особенность авторского стиля в моментах, когда на страницах книги появляется диссертация главного героя, которую сам Майкл Янг с благоговением называет «Das Meisterwerk», что в переводе с немецкого означает «шедевр». Когда мы впервые встречаем в тексте это слово, определяемый им предмет лежит «на столе, сложенный опрятной стопкой, величаво, непристойно толстый»¹⁰, а создавший его персонаж начинает по-новому воспринимать самого себя: «Я, завершивший диссертацию в двести тысяч слов, диссертацию, отличающуюся строго обоснованной, потребовавшей напряженных исследований, новаторски поданной и элегантно сформулированной исторической аргументацией, – я не желаю и впредь возиться с ленивыми, бестолковыми первокурсниками, в каком бы добром расположении духа я ни пребывал»¹¹. Это чудесно контрастирует с язвительной критикой его научного руководителя, профессора Фрейзер-Стюарта, охарактеризовавшего данный «шедевр» как «помои»¹² и сказавшего в итоге, что «это не научные доводы, это роман, да еще и совершенно отвратный»¹³.

⁹ Мильчин К. У книжной витрины с Константином Мильчиным // Иностранная литература. 2005. № 9 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2005/9/mi7.html> (дата обращения: 15.06.2019).

¹⁰ Фрай С. Указ. соч.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

Когда он зачитывает особо возмущившие его отрывки из диссертации, мы узнаем в них цитаты из прерывающих основную сюжетную линию повествования и воплощающих криптоисторическую часть романа флэшбэков о детстве и юности Адольфа Гитлера и жизни его родителей. Таким образом, в этом произведении С. Фрая использован прием создания метапрозы. Однако флэшбэки мы обнаруживаем и во второй части книги, где неудавшейся докторской диссертации Майкла Янга не существует. В них мы наблюдаем некоторые этапы проделанной вымышленным персонажем, Рудольфом Глодером, работы на пути к власти. Некоторые из этих эпизодов являются искаженными двойниками приведенных в первой части романа фрагментов из фронтовой молодости Адольфа Гитлера, в одном из которых он нейтрализовал своего соперника-двойника. Впрочем, несмотря на разнородность и фрагментарность повествования, в данном художественном тексте есть общее ядро, скрепляющее все части текста. Это фигура главного героя произведения – Майкла Янга. Ведь именно от его лица ведется рассказ большую часть романа, он моделирует повседневные детали предполагаемой жизни родителей А. Гитлера и самого фюрера, а также придумывает способ, как изменить историю.

Помимо этого, нельзя не указать на связь текста со средствами массовой коммуникации, моделирующими искусственную реальность, говоря конкретнее, с такой отраслью индустрии развлечений, как кинематограф. В некоторых фрагментах произведения мы видим явное сближение художественного текста со сценарием фильма. Так, например, интермедальность текста Фрая хорошо видна в данном отрывке:

*Из затемнения: общий план колледжа Св. Матфея – утро.
Садовник подстригает траву во Дворе Боярышника.
Куранты отбивают время.
Переход к: интерьер колледжа Св. Матфея, у двери Лео – утро.
Майкл стоит у дубовой двери профессора и лупит в нее ногой.
В руках у него два больших пакета с эмблемой магазина «Путь свободен».*

Лео (за кадром). Войдите!

*Майкл аккуратно опускает пакеты на пол, распахивает дверь, подбирает пакеты и входит, ногой закрывая за собой дверь.
Лео удивленно поднимает голову от компьютера.*

Лео. Майкл!

Майкл (нервно). Профессор, мне нужно с вами поговорить.

Лео. Конечно, конечно. Входите, входите.

*Переход к: интерьер колледжа Св. Матфея, комната Лео – утро.
Майкл, раскрасневшийся, нервничающий, запыхавшийся. Выходит на середину комнаты, но, похоже, не знает, с чего начать. Лео не отрывая от него взгляда.*

Лео. Присаживайтесь. Я сделаю вам чашку кофе.

Лео скрывается в кухоньке. В кадре Майкл. Мы слышим, как и прежде, дребезжание кофейных чашек, плеск наливаемой воды.

Камера отъезжает. Майкл подходит к книжным полкам, еще раз оглядывает книги. Он взвинчен. Нервно постукивает ногтями по зубам. Принимает решение.

Майкл (*повышая голос*). Профессор...

Лео (*выходя*). Сколько раз повторять вам, юноша? Меня зовут Лео¹⁴.

Как мы видим, в данном фрагменте активно применяется терминология киноязыка, описывающая процесс монтажа. Действие разворачивается «из затемнения», то есть начальной точкой сцены является черный экран, отделяющий новое событие от предыдущего. Потом автором вводится первый фоновый кадр, обозначающий локацию, в которой происходит действие, в этом конкретном случае это «общий план колледжа св. Матфея – утро», персонаж – «садовник» и звуковой план «куранты отбивают время», дается пояснение действия персонажа. Смена кадров обозначается формулировкой «Переход к», после чего снова отражено краткое описание новой пространственной локации. Также мы отмечаем, как автор обозначает ремарками эмоциональное состояние, например, «нервно», «повышая голос», и пространственное положение своих героев, к примеру «за кадром» и «выходя». Писатель фиксирует в данном художественном тексте и движения камеры, в этом фрагменте она «отъезжает».

В тексте романа С. Фрая «Как творить историю» мы также можем обнаружить множество примеров языковой игры. Приведем некоторые из них:

– ... Итак! Молоко? Сахар?

– Только молоко, я человек не сахарный, – вылезая я с каламбуром.

– Сахарный человек, Цуккерман! Как забавно¹⁵.

– Называйте меня Лео. О, разумеется, далекое прошлое, еще бы. Двадцать четыре! Скоро вам придется сменить фамилию, с Янга на Стара¹⁶.

В приведенных фрагментах иронически обыгрываются фамилии персонажей.

Важнейшей особенностью конструируемой в исследуемом нами художественном тексте альтернативно-исторической модели является интертекстуальность. Благодаря тому что из-за влияния идеологии постмодернизма история стала интерпретироваться как повествовательное высказывание, она стала доступна для цитирования и вольной интерпретации в пределах художественных произведений, превратившись в один из элементов интертекстуального полотна. Однако в романе С. Фрая «Как творить историю» существует и множество других текстовых вкраплений. В произведении можно встретить цитирование высказываний знаменитых людей, научных определений, популярных в те времена песенок, пересказ некоторых романов и огромное количество других составляющих единого интертекста.

¹⁴ Фрай С. Указ. соч.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

Таким образом, в романе С. Фрая «Как творить историю» альтернативно-исторический возможный мир был создан фантастическими методами – с помощью машины времени. Точкой бифуркации в данном художественном тексте является нейтрализация фигуры Адольфа Гитлера еще до его рождения, которая не могла бы осуществиться в пределах нашей реальности из-за недостаточного уровня технического развития Великобритании как в период описанных в романе событий, так и в нынешнее время. Поэтому описанные в романе действия происходят в фантастическом мире, а если говорить точнее, в трех его возможных вариациях. Также нельзя не отметить, что события произведения разворачиваются на значительном удалении от точки исторической развилки и разбавляются ретроспективными флэшбэками. Помимо этого, рассмотрев характерные особенности фантастической альтернативно-исторической модели данного художественного текста с применением таких понятий, как игровое начало, фрагментарность, метапроза, интертекстуальность, ирония и цитатность, мы пришли к выводу, что рассматриваемая в данной статье модель фантастической альтернативной истории представляет собой вариант модели постмодернистского историографического художественного текста, сконструированной, однако, исходя из гипотезы, что соответствует основным принципам научной фантастики. Поэтому роман С. Фрая «Как творить историю» можно считать типичным вариантом фантастического альтернативно-исторического художественного текста.

Кафедра

УДК 930
ББК 63

П.А. Алипов

Механизмы актуализации прошлого. Планы семинарских занятий. Методические рекомендации

Методические рекомендации для проведения семинарских занятий по дисциплине «Механизмы актуализации прошлого» призваны помочь как преподавателям, так и студентам наиболее оптимально выстроить траекторию подготовки к обсуждению современных форм и способов обновления интереса широкой общественности к событиям отечественной и всемирной истории. При этом задания сконструированы таким образом, чтобы в рамках занятия сохранялась поливариантность тем и подходов к дискуссии в рамках той или иной избранной проблематики. Это позволяет, в свою очередь, избежать излишней дидактичности и превратить семинар в полноценный диалог преподавателя со студентами, в котором каждый из дискуссантов может на равных отстаивать свою научную позицию.

Ключевые слова: актуализация истории, исторический дискурс, историческая экспертиза, научное и профанное историческое знание.

Пояснительная записка

Дисциплина «Механизмы актуализации прошлого» является составной частью учебного плана подготовки магистров по направлению «История» (направленность «Историческая экспертиза: современные подходы и методы»), реализуемого кафедрой истории и теории исторической науки в Историко-архивном институте Российского государственного гуманитарного университета.

В рамках данного курса обучающиеся должны прийти к пониманию тех внешних процессов и факторов, которые влияют непосредственным образом на формирование широкого общественного запроса на осмысление событий и явлений прошлого. Так называемое профанное историческое знание, при всей его кажущейся чуждости научному взгляду, оказывает тем не менее весьма важное, хотя и опосредованное влияние на сообщество историков-профессионалов. Отрицая зачастую свою подверженность «мнению толпы», такому сиюминутному и изменчивому, в реальности историк вынужден к этому мнению прислушиваться и на него реагировать. Собственно, экспертная деятельность историка как раз и начинается тогда, когда он вступает в дискуссию с профанным пониманием прошлого, отстаивая принципы строгого научного исследования и приоритет профессионального знания перед лицом квазинаучных теорий и концепций.

Отсюда проистекает необходимость соответствующей подготовки: современный специалист должен прекрасно ориентироваться в том, какие сферы интеллектуальной жизни общества наиболее тесно соприкасаются с историческим знанием. В каждой и сфер, будь то культура, политика, область массовых развлечений или что-то еще, исторический дискурс преломляется особым образом, предлагая историку-эксперту некий вызов, который требует тщательно выверенного и научно обоснованного квалифицированного ответа. Умение быстро и оперативно реагировать на вопрошания современников составляет залог сохранения за историческим сообществом статуса одного из лидеров интеллектуальной жизни в самом широком ее понимании.

Учебный план предполагает 12 часов полноценных семинарских занятий по дисциплине «Механизмы актуализации прошлого», в рамках которых подробно рассматриваются различные контексты возникновения запроса на получение исторической информации со стороны широких слоев общественности.

Методика проведения семинаров

Семинарские занятия по дисциплине «Механизмы актуализации прошлого» проводятся в форме свободной дискуссии на заданную тему. Исходя из требований учебного плана, отводящего на каждое занятие два академических часа, к обсуждению предлагается шесть сквозных тем, охватывающих разные аспекты возникновения интереса к сюжетам прошлого.

Задание к каждому семинару включает в себя перечень вопросов для обсуждения и примерные варианты объектов для подробного экспертного анализа. При подготовке к занятию студент может выбрать либо один из вариантов, предложенных преподавателем, либо самостоятельно найти объект, относящийся к теме семинара (предварительно согласовав свой выбор с преподавателем).

Непосредственно в ходе проведения семинарского занятия студент выступает с кратким докладом по избранному им сюжету, после чего отвечает на вопросы присутствующих. Сам доклад и ответы на вопросы очерчивают, таким образом, контуры дискуссии, в которую вовлекается вся академическая группа. Преподавателю необходимо при этом корректно модерировать ход обсуждения и внимательно следить за хронометражем, чтобы в течение занятия каждый студент имел равное количество времени для представления своего сюжета и отстаивания самостоятельной научной позиции перед оппонентами из числа дискутирующих.

Тематические разделы

Семинар 1. Исторический роман как форма актуализации событий прошлого (2 ч.)

Вопросы для обсуждения

1. Обстоятельства происхождения романа: автор в контексте своего времени.
2. Реакция читающей публики и профессионального сообщества на публикацию произведения.
3. Художественный образ прошлого и данные исторической науки: точки соприкосновения и радикальные противоречия.

Предлагаемые варианты

1. Лев Толстой. «Война и мир».
2. Иван Ефремов. «Таис Афинская».
3. Алексей Толстой. «Петр I».
4. Филиппа Грегори. «Еще одна из рода Болейн».
5. Морис Дрюон. «Железный король».
6. Александр Дюма-отец. «Королева Марго».
7. Валентин Пикуль. «Нечистая сила».
8. Болеслав Прус. «Фараон».
9. Дмитрий Мережковский. «Александр I».
10. Генрих Сенкевич. «Камо грядеши?».

Семинар № 2. Исторический кинофильм как механизм популяризации и актуализации прошлого (2 ч.)

Вопросы для обсуждения

1. Контекст создания избранной киноленты.
2. Отзывы общественности и кинокритики.
3. Способы репрезентации прошлого в анализируемом художественном фильме.

Предлагаемые варианты

1. «Андрей Рублев» (реж. Андрей Тарковский, 1966).
2. «Война и мир» (реж. Сергей Бондарчук, 1965).
3. «Клеопатра» (реж. Джозеф Лео Манкевич, 1963).
4. «Иван Грозный» (реж. Сергей Эйзенштейн, 1944).
5. «Царь» (реж. Павел Лунгин, 2009).
6. «Спартак» (реж. Стэнли Кубрик, 1960).
7. «Утомленные солнцем 2: Цитадель» (реж. Никита Михалков, 2011).
8. «Список Шиндлера» (реж. Стивен Спилберг, 1994).
9. «Битва за Москву» (реж. Юрий Озеров, 1985).
10. «Король говорит!» (реж. Том Хупер, 2010).

Семинар № 3. Реконструкторское движение (экспериментальная археология) как механизм актуализации истории (2 ч.)

Вопросы для обсуждения

1. Целевые установки организаторов избранного для анализа мероприятия реконструкторов.
2. Какие элементы мероприятия претендуют на историческую достоверность?
3. Значение мероприятия в деле популяризации репрезентируемых исторических событий.

Предлагаемые варианты

1. Фестиваль «Времена и эпохи» (Москва, Россия).
2. Фестиваль «Ледовое побоище» (Псков, Россия).
3. Фестиваль-праздник «Up-Nelly-Aa» (Леруик, Великобритания).
4. Рыцарский фестиваль «Белый замок» (Новогрудск, Беларусь).
5. Военно-исторический фестиваль «Кирилло-Белозерская осада» (Кириллов, Россия).
6. Военно-исторический фестиваль «День Бородина» (Бородино, Россия).
7. Фестиваль военно-исторической реконструкции «Вяземское сражение 1812 г.» (д. Колодезное Смоленской обл., Россия).
8. Военно-реконструкторский фестиваль «Линия Сталина» (д. Холматка Псковской обл., Россия).
9. Фестиваль «Прованс средневековый» (Провен, Франция).
10. Фестиваль «Римляне и карфагеняне» (Картахена, Испания).

Семинар № 4. Политический дискурс и его влияние на актуализацию исторической проблематики (2 ч.)

Вопросы для обсуждения

1. Специфика избранного документа: источниковедческие аспекты.
2. Причина и повод обнародования анализируемого текста.
3. Исторические коннотации и отсылки к фактам истории в исследуемом документе.

Предлагаемые варианты

1. Путин В.В. Выступление на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г. («Мюнхенская речь» В. Путина).
2. Путин В.В. Обращение президента России В.В. Путина к Федеральному Собранию Российской Федерации в связи с предложением Государственного Совета Республики Крым о принятии ее в состав Российской Федерации. Москва, Кремль, 18 марта 2014 г. («Крымская речь» В. Путина).
3. Сталин И.В. Выступление по радио Председателя Государственного Комитета Обороны 3 июля 1941 г.
4. Черчилль У. Выступление в Вестминстерском колледже в Фултоне (штат Миссури, США) 5 марта 1946 г. («Фултонская речь» У. Черчилля).
5. Тэтчер М. Выступление в Колледже Европы (Брюгге, Бельгия) 20 сентября 1988 г.
6. Горбачев М.С. Политический доклад Центрального комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза 25 февраля 1986 г.
7. Бисмарк О. Выступление в рейхстаге 6 февраля 1888 г.
8. Муссолини Б. Речь на торжественном открытии V Восточной Ярмарки в Бари 6 сентября 1934 г.
9. Обама Б. Торжественная речь в Чикаго 5 ноября 2008 г.
10. Порошенко П.А. Выступление на торжественном мероприятии в Киеве, посвященном введению безвизового режима между Украиной и ЕС 10 июня 2017 г.

*Семинар № 5. Праздники и памятные даты
как инструменты актуализации событий прошлого (2 ч.)*

Вопросы для обсуждения

1. Уровень подготовки и степень масштабности мероприятий по случаю избранного для анализа праздника (памятной даты).
2. Историческая характеристика комплекса праздничных (памятных) мероприятий.
3. Значение праздника (памятной даты) для актуализации памяти об историческом событии среди населения.

Предлагаемые варианты

1. День Победы – 9 мая (государственный праздник).
2. День народного единства – 4 ноября (государственный праздник).
3. День защитника Отечества – 23 февраля (государственный праздник).
4. Международный женский день – 8 марта (государственный праздник).
5. День космонавтики – 12 апреля (государственная памятная дата).
6. День принятия Крыма, Тамани и Кубани в состав Российской империи – 19 апреля (государственная памятная дата).
7. День России – 12 июня (государственный праздник).
8. День памяти и скорби – 22 июня (государственная памятная дата).
9. День крещения Руси – 28 июля (государственная памятная дата).
10. День памяти жертв Кавказской войны – 21 мая (праздник республик Адыгея и Кабардино-Балкария).

*Семинар № 6. Музейные собрания и выставочная деятельность
как механизмы обновления интереса к историческому прошлому (2 ч.)*

Вопросы для обсуждения

1. Тематическая палитра анализируемой выставочной коллекции.
2. Исторический контекст возникновения и бытования представленных в коллекции экспонатов.
3. Актуализирующий потенциал анализируемого музейного собрания (временной коллекции).

Предлагаемые варианты

1. Государственный исторический музей.
2. Исторический парк «Россия – моя история».
3. Государственный центральный музей современной истории России.
4. Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации.
5. Музей Москвы.
6. Государственный исторический музей Отечественной войны 1812 года.
7. Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.
8. Государственный музей истории ГУЛАГа.
9. Владимиро-Суздальский музей-заповедник.
10. Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Александровская слобода».

Рекомендуемая литература

- Дацишина М.В.* Актуализация прошлого как инструмент социального управления // Будущее нашего прошлого: Материалы Всероссийской науч. конф. Москва, 15–16 июня 2011 г. М.: РГГУ, 2011. С. 97–109.
- Историческое знание и профессиональное гуманитарное образование / А.Б. Безбородов [и др.] // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2017. № 4 (10). Ч. 2. С. 290–299.
- Карнаухова Л.* Возрождаем интерес к истории // Музей. 2011. № 10. С. 20–23.
- Константинов С.В., Ушаков А.И.* Восприятие истории народов СССР в России и исторические образы России на постсоветском пространстве // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Фонд Фридриха Науманна; Под ред. К. Аймермахера, Г.А. Бордюгова, Ф. Бомсдорфа [2-е изд., испр. и доп.]. М.: АИРО-XX, 2003. С. 73–102.
- Коробейников А.В.* Историческая реконструкция по данным археологии. Ижевск: Изд-во НОУ КИГИТ, 2005. 178 с.
- Медведев К.А.* Современные тенденции исторического знания в деятельности военно-исторических музеев // Будущее нашего прошлого – 5: История как коммуникативный проект: Материалы междунар. науч. конф. Москва, 14 ноября 2019 г. М.: РГГУ, 2019. С. 159–166.
- Осколков В.* Интерес к прошлому, записанному телевидением, растет / Виктор Осколков; беседовала Юлия Олестрова // Журналист. 2010. № 11. С. 51–52.
- Сафронова Ю.А.* Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с.
- Сенявская Е.С.* Освободительная миссия Красной армии в 1944–1945 гг.: Историческая память в России и на Западе в контексте информационной войны // Великая Отечественная: К 70-летию народной Победы: Материалы междунар. науч. конф. «Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в памяти народа и документах Архивного фонда Российской Федерации и зарубежных архивах. Проблемы изучения и публикации». Москва, 15 апреля 2015 г. / Отв. ред. Е.И. Пивовар; сост. И.А. Анфертьев. М.: РГГУ, 2015. С. 17–27.
- Чубарьян А.О.* Историческая память и политика // Россия и Балтия. М.: Наука, 2015. Вып. 7: Памятные даты и историческая память. С. 245–252.

Abstracts

Anastasiya S. Bulatova

The observer in Nikolay Zabolotsky's
"The face of the horse"

The paper is devoted to the analysis of Nikolay Zabolotsky's "The face of the horse"; it is exploring how the observer as a concept of poetics affects peculiarities of creating the fictional world and readers; perception of the text.

Keywords: observer, observing, perception, vision.

Inga Monkhat

The observer in the monodrama
of Vadim Levanov "Death of Firs"

The paper considers the phenomenon of observation in Vadim Levanov's monodrama "Death of Firs". Particular attention is paid to the role of the observation in connection with the creative-receptive potential of a monodrama: the identification of the point of view of the reader-viewer with the point of view of the character occurs by observing the character's inner feelings and carried out through the monologue discourse.

Keywords: observer, observation, monodrama, reception, point of view.

Ekaterina Yu. Leonova

Child-observer in the stories of Oleg Kurguzov

This paper aims to consider the category of observer in the children's stories of O. Kurguzov. It is assumed that the observer is a child storyteller, which provides a special point of view at ordinary events. The child's view creates the effect of exclusion, due to which familiar things look magical. Something that adults have not paid attention to for a long time seems to be surprising. The world seen by the child is distinguished by grotesque and absurd images, which makes it especially visual.

Keywords: visual, grotesque, children's literature, observer, narrator.

Valeriya V. Sliskova

Scientific experiments in the 1920s:
in search for immortality

The article deals with experimental biomedical researches in the 1920s, which had the purpose to develop the methods of artificial life extension. After the Revolution of 1927, the idea of immortality became especially popular. It was closely related to the idea of “improving” a human and building a new society. The penetration of this idea into research laboratories has led to significant scientific achievements: rejuvenation operations, artificial blood circulation, and blood transfusion. However, despite its popularity, the attention of scientists was mainly focused on the scientism.

Keywords: soviet science, biomedicine, experiments, 1920s, science fiction.

Nataliya P. Zhelezova

“Let us be smart and glorious!”: the experience
of the rehabilitation and bringing-up homeless children
of the “Republic of SKID”

The article is devoted to the study of the history of one of the most famous institutions for minor children, created in 1920 as a part of a campaign for reducing the homelessness. The research is focused on the school named by F.M. Dostoevsky. The particularity of the institution, which was reflected in sources of personal origin, literature, and cinema, makes it an interesting object to study, thereby entering its history into a wide social context.

Keywords: V.N. Soroka-Rosinsky, V.M. Bekhterev, 1920s, education the homelessness, “The Republic of ShKID”, educational training, bringing-up of minor children.

Varvara O. Nerush

“The Northern Rabfac” and the indigenous small-numbered
peoples of the North, Siberia and the Far East in the 1920s:
the project and its implementation

The article is devoted to the characteristic of the education project for the indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East that was implemented in 1920s in “the Northern Rabfac” later transformed into the Institute of the Peoples of the North, Leningrad. The article looks into the reasons for drafting the project, mechanisms of student enrollment, as well as the specifics of the living conditions of students and the university staff.

Keywords: indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East, “the Northern Rabfac”, Leningrad, education, the Institute of the Peoples of the North.

Konstantin A. Medvedev

To the Eastern Bosphorus: Russia's movement
to the Far East in Russian public thought
(at the turn of the 19–20th centuries)

This article is devoted to researching of historical memory's elements concerning the Far East's area development, presented in the projects of Russian thinkers at the turn of the 19–20th centuries. These elements were the part of justification of Russia's policy on the Pacific coast. The author make an attempt to analyze visions of politicians, militaries, journalists, historians and philosophers about historical movement of the Russian Empire to the East. The conclusion of the article allows complementing common view of intellectual tendencies in Russia concerning geopolitical processes at the turn of the 19–20th centuries.

Keywords: the Far East, historical memory, public thought, autocracy.

Maxim S. Lebedev

World War II in Japanese cinematography

The research is dedicated to the analysis of the interpretations of WWII in Japanese cinematography (1980–2000s). Author comes to the point that the way that film directors picture the events of the war drastically changes by the end of the 20th century, as the main narrative becomes that of Japan's victimhood. By the start of the 21th century, a new shift arises as the Japanese film directors become prone to romanticizing the war period making it a source of a nostalgic feeling.

Keywords: Japan, WWII, Japanese cinematography, memory studies, Pacific War.

Zarina Yu. Zubkova

Activity of the academician G.F. Miller during
the initial period of existence of the Moscow University

The article is devoted to the activities of the academician G.F. Miller at the initial stage of existence of the Moscow University. Particular attention is paid to the review and analysis of the published correspondence of the scientist with the faculty and administration of the institution. The correspondence helps to create a holistic view of the academician's role in the history of the Moscow University.

Keywords: the Moscow University, G.F. Miller, I.I. Shuvalov, education, professors.

Diana D. Bedoeva

The role of German professors in the development of Russian Empire's college education during the first half of the 19th cent. (based on the Moscow and Kazan Imperial Universities' experience)

During the first half of the 19 cent. Russian universities lacked professors. Which is why they were being invited from Germany. The reasons for their immigration to Russia and further living conditions were studied in accordance with multiple written sources and biographies of the scientists. Moreover, there was an examination of the German professors' contribution into the Russian science itself and the development of the college education, which improved their social status in Russian society.

Keywords: German Professors, Moscow Imperial University, Kazan Imperial University, science, education.

Grigory I. Nesmeyanov

The sacral and Merezhkovsky's idea of revolution

The article analyzes the idea of revolution in the historiosophical conception of symbolist-writer D.S. Merezhkovsky. His revolutionary conception is represented in the context of Silver Age's intellectual culture. The intellectual history of the sacral is proposed to solve the problem of analyzing category of sacral in this period.

Keywords: D.S. Merezhkovsky, Silver Age, sacral, revolution, history of ideas.

Anastasiya M. Samoylova

“The wind led us by the hand”: the perception of the political by the musical underground in the USSR on the material of its representatives' memoir

The article presents a worldview of the musical underground in the USSR using its reminiscence. Special attention is paid to the political aspect about what musicians write approximately negatively, distantly. The conclusion is that the thesis about some politization of rock-culture in the Soviet Union conflicts with the perception of this sphere among namely underground musicians who presented non-official culture of “vnyenakhodimost” (being outside).

Keywords: underground, non-official culture of USSR, counterculture, living “vnyenakhodimost”, rock-culture.

Pavel V. Semin

Russian civil war in soviet feature films of 50s and 60s

This article discusses the problem of constructing the image of the Civil War in Soviet art cinema of the period of the 1950s – 1960s. The images of the Red Army and White Guard formed by the film narrative are analyzed. As a result of the analysis, the author identifies two trends in the development of cinema about the Civil War in the period under review: films adhering to the canonical image of the Civil War, which has already developed in the mainstream of historical and party science, and films offering a reflective look at the Soviet past. A gradual transformation of the interpretation of events towards the romanticization of this period of Soviet history is noted.

Keywords: Thaw, cinema, Civil War, canonical film narrative, images, Red Army soldiers, White Guards.

Irina V. Bryantseva

S.D. Fry's novel "Making history" as a model of a fantastic alternative-historical novel

The article lists the distinctive features of a fantastic alternative-historical novel reflected in the novel "Making history" by S.D. Fry. Particular emphasis is placed on analysis of the typical methods for a postmodern historiographical texts: game elements, the fragmentation, metaphrase, intertextuality, irony and the quoting.

Keywords: novel of alternative history, fantastic model of alternative history, bifurcation point, time machine, a fictional reality.

Pavel A. Alipov

Mechanisms of actualization of the past: classroom discussion plans and methodological guidelines

Methodological guidelines for holding classroom discussions in the discipline "Mechanisms of actualization of the past" are intended to help both professors and students to build the most optimal trajectory of preparation to a discussion of modern forms and ways to renew the wide popular interest for the events of national and universal history. The tasks are constructed in such a way, that many possible options in topics and approaches to a discussion in one chosen perspective or another are being kept. Due to this we can escape the excessive didacticism and turn classroom discussion into a full-fledged dialogue between a professor and students, in which everybody may equally defend his/her scholarly position.

Keywords: actualization of history, historical discourse, historical expertise, scholarly and pro-fane historical knowledge.

Сведения об авторах

Алипов Павел Андреевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории исторической науки факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета, palipov@mail.ru

Бедоева Диана Джемаловна – студент бакалавриата исторического факультета Института истории и политики Московского педагогического государственного университета, ddbedoeva@gmail

Брянцева Ирина Вячеславовна – магистр Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета, bryanceva.i@rggu.ru

Булатова Анастасия Сергеевна – студент бакалавриата Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета, anastasia.bulatova98@yandex.ru

Долгова Евгения Андреевна – кандидат исторических наук, доцент Учебно-научного мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова, заместитель руководителя НОП «Центр междисциплинарных гуманитарных исследований» Российского государственного гуманитарного университета, medievalis@list.ru

Железова Наталия Павловна – магистрант факультета международных отношений и зарубежного регионоведения, направление «Восточноевропейские исследования» Российского государственного гуманитарного университета, tasheko@mail.ru

Зубкова Зарина Юрьевна – студент бакалавриата факультета документоведения и технотронных архивов Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, langreon325@gmail.com

Лебедев Максим Сергеевич – студент факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета, gofostes@gmail.com

Леонова Екатерина Юрьевна – аспирант кафедры теоретической и исторической поэтики Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета, Leonova.ekaterina.u@gmail.com

Малкина Виктория Яковлевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теоретической и исторической поэтики Института филологии и истории РГГУ, poetika@gmail.com

Медведев Константин Александрович – аспирант кафедры истории и теории исторической науки факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета, meccedvecced@mail.ru

Монхбат Инга – аспирант кафедры теоретической и исторической поэтики Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета, ingadeva@mail.ru

Неруш Варвара Олеговна – студентка факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета, var990716@mail.ru

Несмеянов Григорий Игоревич – аспирант кафедры теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета, root.95@mail.ru

Самойлова Анастасия Михайловна – студентка бакалавриата факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета, anastasya_2128517@mail.ru

Семин Павел Владимирович – студент факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета, paschasyomin@yandex.ru

Слискова Валерия Викторовна – магистрант кафедры истории и организации архивного дела Российского государственного гуманитарного университета, vvaleriess@gmail.com

General data about the authors

Alipov Pavel A. – PhD in History, associate professor, Russian State University for the Humanities, e-mail: palipov@mail.ru

Bedoyeva Diana D. – student (bachelor) of the History faculty, Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University, e-mail: ddbedoeva@gmail

Bryantseva Irina V. – postgraduate student of the Institute of Philology and History of the Russian State University for the Humanities, e-mail: bryanceva.i@rggu.ru

Bulatova Anastasia S. – undergraduate student at the Institute of Philology and History of the Russian State University for the Humanities, e-mail: anastasia.bulatova98@yandex.ru

Dolgova Evgeniya A. – PhD in History, associate professor, Russian State University for the Humanities, e-mail: medievalis@list.ru

Lebedev Maxim S. – student of Russian State University for the Humanities, Department of History, Political science and Law, e-mail: gofostes@gmail.com

Leonova Ekaterina Yu. – graduate student of the Department of Theoretical and Historical Poetics, Institute of Philology and History of the Russian State University for the Humanities, e-mail: Leonova.ekaterina.u@gmail.com

Malkina Victoria Ya. – PhD in Literature, associate professor, chief of the Department of Theoretical and Historical Poetics, Institute of Philology and History of the Russian State University for the Humanities, e-mail: poetika@gmail.com

Medvedev Konstantin A. – postgraduate student of the Department of History and Theory of Historical Scholarship of the Faculty of History, Political Science and Law of the Russian State University for the Humanities, e-mail: meccedvecced@mail.ru

Monkhat Inga – graduate student of the Department of Theoretical and Historical Poetics, Institute of Philology and History of the Russian State University for the Humanities, e-mail: ingadeva@mail.ru

Nerush Varvara O. – student of the Faculty of History, Political Science and Law of the Russian State University for the Humanities, e-mail: var990716@mail.ru

Nesmeyanov Grigory I. – postgraduate student of the Institute of Philology and History of the Russian State University for the Humanities, e-mail: root95@mail.ru

Samoylova Anastasia M. – student (bachelor) of the Department for History, Political Science and Law of the Russian State University for the Humanities, e-mail: anastasya_2128517@mail.ru

Semin Pavel V. – student of the Faculty of History, Political Science and Law of the Russian State University for the Humanities, e-mail: paschasyomin@yandex.ru

Sliskova Valeriya V. – postgraduate student, Russian State University for the Humanities, e-mail: vvaleriess@gmail.com

Zubkova Zarina Yu. – the student (bachelor) of the Department for Records Management and Technotronic Archives of the Russian State University for the Humanities, e-mail: langreon325@gmail.com

Корректор *О.К. Юрьев*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Электронная версия издания
gumakcentrggu.ru

Подписано в печать 20.03.2020
Уч.-изд. л. 7,5.
Заказ № 856

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6